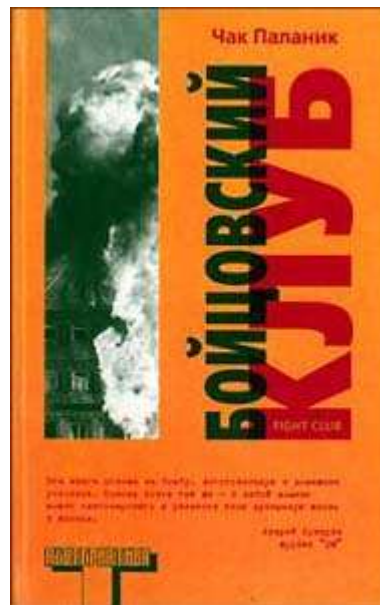

Чак Паланик Бойцовский Клуб

Сканирование - Сергей Терехов
«Паланик. Бойцовский клуб»: ООО «Изд-во АСТ»; М.:; 2003
ISBN 5-17-011847-3

Аннотация

Культовый роман Чака Паланика «Бойцовский клуб», впервые издающийся на русском языке, уже получил громкую известность в России благодаря не менее культовому одноименному фильму Дэвида Финчера и сценарию Джима Улса, опубликованному в журнале «Киносценарии». И вот наконец читатель может познакомиться с романом, положившим начало созданию аналогичных «бойцовских клубов» по всему миру, в том числе и у нас, в России. Так что же такое «Бойцовский клуб»? Но – тсс! Первое правило бойцовского клуба гласит: «Никогда не говори о бойцовском клубе». Лучше читай! Тем более что роман Ч.Паланика еще глубже высвечивает философские проблемы, поставленные в экранизации Д.Финчера, проблемы «поколения X», «столкнувшегося с переизбытком рациональной информации при полном пересыхании ручейка эмоциональной жизни».

Чак ПАЛАНИК БОЙЦОВСКИЙ КЛУБ

Посвящается Кэрол Мидлер, которой пришлось больше всех страдать от моего ужасного характера.

1

То этот Тайлер устраивает меня на работу официантом, то пихает мне ствол в рот и заявляет, что для того, чтобы обрести жизнь вечную, надо сначала умереть. Сказать по правде, долгое время мы с Тайлером были лучшими друзьями. Кого я ни встречу, все меня спрашивают, не знаком ли я с Тайлером Дерденом.

Ствол пистолета утыкается мне в гланды. А Тайлер говорит:

– Мы умрем не на самом деле.

Я ощупываю языком отверстия в глушителе пистолета. Эти отверстия мы просверлили сами. Шум выстрела производят, во-первых, пороховые газы, а во-вторых – пуля, когда пересекает звуковой барьер. Поэтому, чтобы сделать глушитель, нужно просверлить отверстия в стволе пистолета – много-много отверстий. Через них выходят газы, а скорость пули становится меньше скорости звука.

Если отверстия просверлить неправильно, пистолет взорвется прямо у тебя в руке.

– Смерти на самом деле не существует, – говорит Тайлер. – Мы войдем в легенду. Мы останемся навсегда молодыми.

Я отодвигаю ствол языком, так чтобы он упирался в щеку, и говорю:

– Тайлер, что ты городишь! Мы же не вампиры!

Здание, в котором мы находимся, исчезнет с лица земли через десять минут. Возьмите одну часть 98%-ной дымящей азотной кислоты, и смешайте с тремя частями концентрированной серной кислоты. Делать это надо на ледяной бане. Затем добавляйте глицерин по капле из глазной пипетки. Вы получили нитроглицерин.

Я знаю это, потому что это знает Тайлер.

Смешайте нитроглицерин с опилками, и вы получите отличный пластик. Некоторые предпочитают смешивать нитроглицерин с ватой и английской солью. Это тоже дает неплохой результат. А некоторые мешают нитру с парафином. Но при этом получается ненадежная взрывчатка.

Мы с Тайлером находимся на вершине небоскреба «Паркер-Моррис». Ствол пистолета засунут мне в рот. Издалека доносится звук бьющегося стекла. Загляни за край крыши. День пасмурный, даже на этой высоте солнца не видно. Это самое высокое здание в мире, так что на вершине его холодно даже летом. Кругом царит космическое безмолвие. Такое ощущение, что ты – дрессированная обезьянка-астронавт. Чему тебя научили, то и делаешь.

Потяни за рычажок.

Нажми на кнопочку.

Сам не ведаешь, что творишь, и вот – ты уже покойник.

Взгляните вниз, туда, за край крыши.

Даже с высоты сто девяносто первого этажа видно, что улица внизу покрыта густой колышущейся толпой. Люди стоят, смотрят вверх. А звук бьющегося стекла доносится с того этажа, который под нами. Там разбивается окно и из него вылетает шкаф с документами, похожий на большой черный холодильник. Из других окон вылетают маленькие тумбочки на шесть ящиков, которые, по мере приближения к земле, все больше и больше напоминают черные капли дождя. Капли становятся все меньше и меньше. Они исчезают в колышущемся людском море.

Где-то под нами, на одном из ста девяноста этажей небоскреба, обезьянки-астронавты из Комитета Неповиновения «Проекта Разгром» впали в безумие и приступили к уничтожению истории.

Кто-то сказал когда-то давно, что людям свойственно убивать тех, кого любишь. Что ж, верно и обратное.

Когда у тебя во рту пистолет, и ты сжимаешь зубами его ствол, говорить удается только

одними гласными.

Нам осталось жить не более десяти минут.

Еще одно окно разбито. Осколки стекла прыскают в воздух, словно стайка птиц, а затем из окна показывается край длинного черного стола, который члены Комитета Неповиновения выбрасывают из здания. Стол долго качается в неустойчивом равновесии на подоконнике, затем вываливается и, вертясь в воздухе, планирует на толпу, как таинственный летательный аппарат.

Через девять минут небоскреб «Паркер-Моррис» прекратит свое существование. Если взять достаточное количество пластита, чтобы обмазать им колонны фундамента, – ни одно здание в мире не устоит. Конечно в том случае, если вы не забыли тщательно обложить колонны со всех сторон мешками с песком, чтобы взрывная волна ударила в бетон, а не разошлась по помещению подземного гаража.

Ни в одном учебнике истории не отыщешь подобных полезных сведений.

Напалм можно изготовить тремя способами. Первый: смешайте равные части бензина и замороженного концентрата апельсинового сока. Второй: то же самое, но вместо апельсинового сока – диетическая кола. Ну и, наконец, можно растворять высушенный и измельченный кошачий помет в бензине, пока смесь не загустеет.

Спросите меня, и я объясню, как приготовить нервно-паралитический газ. Или автомобильную бомбу.

Осталось девять минут.

Небоскреб «Паркер-Моррис» упадет, все его сто девяносто этажей медленно обрушатся как срубленное дерево. Уничтожить можно все, что хочешь. Страшно подумать, но то место, где мы сейчас находимся, скоро превратится в математическую точку в воздухе.

Мы стоим на краю крыши, я и Тайлер, и ствол пистолета у меня во рту. Хотелось бы знать, насколько он чистый.

Мы чуть не позабыли обо всей этой тайлеровской философии касательно убийства и самоубийства, зачарованно глядя на то, как еще один конторский шкаф вывалился из здания. Ящики открылись в полете, рассыпая в воздухе ворохи белой писчей бумаги, тут же подхваченной воздушными потоками.

Осталось восемь минут.

И тут дым повалил клубами из разбитых окон. Через восемь минут команда подрывников приведет в действие инициирующий заряд, тот воздействует на основной заряд, колонны, на которых покоится здание, рухнут и фотографии, запечатлевшие гибель небоскреба «Паркер-Моррис» войдут во все учебники истории.

Моментальные фотографии, запечатлевшие различные стадии падения небоскреба. На первой здание еще стоит. На второй – оно отклонилось от вертикали на десять градусов. На третьей – уже на двадцать. На следующей угол наклона составляет уже сорок пять градусов, причем арматура начинает сдавать, так что накренившееся здание прогибается дугой. На последнем же снимке сто девяносто этажей небоскреба обрушиваются всей своей массой на Национальный музей. Он-то и является подлинной мишенью в плане Тайлера.

– Этот мир отныне принадлежит нам, нам и только нам, – говорит Тайлер. – Древние давно в могилах.

Если бы я знал, чем все это обернется, я бы предпочел сейчас быть мертвым вместе с древними на небесах.

Осталось семь минут.

Я стою на краю крыши с пистолетом Тайлера во рту. Шкафы, столы и компьютеры летят из окон небоскреба на толпу, собравшуюся вокруг здания, дым вырывается из разбитых окон, а за три квартала отсюда команда подрывников посматривает на часы. Но я знаю – подлинную причину всего, что происходит – пистолета во рту, анархии, взрыва – зовут Марла Зингер.

Осталось шесть минут.

У нас здесь нечто вроде любовного треугольника. Я люблю Тайлера. Тайлер любит Марлу. Марла любит меня.

А я Марлу не люблю, да и Тайлер меня больше не любит. Когда я говорю «любить», я имею в виду «любить» не в смысле «заботиться», а в смысле «обладать».

Без Марлы Тайлер был бы никем.

Осталось пять минут.

Быть может, мы войдем в легенду, а может, и нет. Скорее всего, нет, говорю я, но продолжай что-то ждать.

Кто бы узнал об Иисусе, если бы не было евангелистов?

Осталось четыре минуты.

Я отодвигаю ствол языком, так чтобы он уперся в щеку, и говорю:

– Ты хочешь войти в легенду, Тайлер, дружище? Я помогу тебе. Я-то ведь знаю всю историю с самого начала.

Я помню все.

Осталось три минуты.

2

Огромные ручищи Боба вдавили меня в темную ложбину между его огромными потными обвисшими титьками – огромными как сам Бог. Здесь, в полуподвальном помещении под церковью мы встречаемся каждый вечер: вот это Арт, это Пол, а это Боб. Широоченные плечи Боба заменяют мне горизонт. Прямые светлые волосы Боба демонстрируют, что случится с вашей прической, если использовать гель для укладки волос в качестве бальзама: в природе таких прямых, густых и светлых не бывает.

Огромные ручищи Боба обнимают меня, а его ладонь, похожая на лопату, прижимает мою голову к титькам, украшающим с недавних пор его мускулистый торс.

– Все будет хорошо, – говорит Боб. – Ты поплачь!

Всем своим телом я чувствую, как внутри Боба окисляются питательные вещества.

– Может быть, у тебя еще ранняя стадия, – говорит Боб. – Может, у тебя всего лишь семинома. От семиномы еще никто не умер.

Плечи Боба поднимаются в могучем вздохе, а затем опадают толчками. Поднимаются. Опадают.

Я хожу сюда уже два года каждую неделю, и каждую неделю Боб обнимает меня и я плачу.

– Ты поплачь! – говорит Боб. Плечи поднимаются и опускаются, а я всхлипываю им в такт. – Плачь, не стесняйся!

Большое мокрое лицо прижимается к моей макушке, и тут-то я обычно начинаю плакать. Я один и темнота кругом. Плакать легко, когда ты ничего не видишь, окруженный чужим теплом, когда понимаешь: чего бы ты ни достиг в этой жизни, все рано или поздно станет прахом.

Все, чем ты гордишься, рано или поздно будет выброшено на помойку.

Я один и темнота кругом.

Я не спал уже почти неделю.

Тогда-то я и познакомился с Марлой Зингер.

Боб плачет, потому что шесть месяцев назад ему удалили яички. Затем посадили на гормональную терапию, титьки у Боба выросли потому, что у него слишком высокий тестостерон. Если поднять уровень тестостерона в крови, то ваши клетки начнут вырабатывать эстроген, чтобы восстановить баланс.

А я плачу, потому что жизнь моя не имеет смысла и кончится ничем. Даже хуже, чем ничем – полным забвением.

Когда в крови слишком много эстрогена, у тебя вырастает сучье вымя.

Плакать легко, если знаешь, что все, кого ты любишь, когда-нибудь или бросят тебя, или умрут. Долговременная вероятность выживания каждого из нас равна нулю.

Боб любит меня, потому что он думает, что мне тоже удалили яички.

Здесь, в полуподвальном помещении епископальной церкви Пресвятой Троицы, заставленном клетчатými думками из мебельного магазина для бедных, собрались двадцать мужчин и одна женщина. Они стоят парами, обнявшись, и, в основном, плачут. Некоторые стоят, полусогнувшись и прижавшись щекой к щеке, как борцы. Мужчина, оказавшийся в паре с единственной женщиной, положил ей локти на плечи – по локтю на каждое плечо, и рыдает ей в шею. Женщина же, склонив голову на сторону, выглядывает из-под его локтя и закуривает сигарету.

– Жизнь моя кончена, – рыдает Боб. – Зачем я только живу, сам не знаю.

Единственная женщина у нас здесь, в группе «Останемся мужчинами», в группе поддержки

для больных раком яичка, курит сигарету, согнувшись под тяжестью партнера, и ее взгляд встречается с моим.

Симулянтка.

Симулянтка.

Симулянтка.

Черные тусклые волосы, короткая стрижка, огромные глаза, какие бывают у девочек в японских мультиках, бледная, как обезжиренное молоко, кожа, платье в темно-красных розах – я уже видел ее в прошлую пятницу в моей группе поддержки для туберкулезников. А в среду она была на круглом столе для больных меланомой. В понедельник я засек ее в дискуссионной группе «Твердая вера» для страдающих лейкемией. Из-под челки светится ее лоб – бледный-бледный, белый-белый.

У всех этих групп поддержки всегда такие бодренькие, ни о чем не говорящие имена.

Вечером по четвергам я хожу в группу для паразитов крови, которая называется «Внутренняя чистота».

А та, где паразиты мозга, носит имя «Преодолей себя!».

И вот днем в воскресенье здесь, в полуподвальном помещении епископальной церкви Пресвятой Троицы, в группе «Останемся мужчинами!» я вновь встречаю эту женщину.

Но самое ужасное – я не могу плакать, если она рядом.

А я так любил безнадежно рыдать, спрятавшись между титек у Большого Боба. С утра до вечера – работа, работа, работа. И только здесь я могу позволить себе расслабиться, отпустить поводья.

Только здесь я чувствую себя человеком.

В первую мою группу поддержки я начал ходить два года назад, после того, как в очередной раз пожаловался врачу на бессонницу.

Я не спал уже три недели. И после этих трех недель я чувствовал себя как душа, отделенная от тела, в рассказах людей, переживших клиническую смерть. Мой терапевт сказал:

– Бессонница – это просто симптом. Дело не в ней. Попробуйте понять, что у вас не в порядке. Прислушайтесь к своему телу.

А я просто хотел спать. Хотел, чтобы мне прописали маленькие голубые пилюли амитала натрия. Или красно-голубые, похожие на пули, капсулы туинала. Или ярко-алые таблетки секонала.

Мой терапевт посоветовал мне жевать валерьяновый корень и больше заниматься спортом. Там глядишь, и сон вернется.

Мое лицо стало походить на старую сморщенную грушу, меня принимали за воскресшего из мертвых.

Мой терапевт сказал мне, что если я хочу увидеть людей, которым на самом деле плохо, то мне стоит заглянуть в церковь Первого Причастия вечером во вторник. Посмотреть на паразитарные заболевания мозга. На болезни костной ткани. На органические поражения высшей нервной системы. На раковых больных.

Я последовал его совету.

В первой группе, которую я посетил, как раз проходило знакомство. Знакомьтесь, это – Элис, это – Бренда, а это – Довер. Все улыбаются, а в голове у каждого тикает адская машина.

В группах поддержки я никогда не называю своего настоящего имени.

Эту маленькую женщину, похожую на скелет, зовут Клои. У нее на заднице брюки обвисли печальным мешочком. Клои говорит, что из-за паразитов мозга никто не хочет заниматься с ней любовью. Она умирала уже столько раз, что сумма выплат по медицинской страховке составила семьдесят пять тысяч долларов, и все, чего ей сейчас хочется – это чтобы кто-нибудь ее трахнул.

О любви и речи не идет: просто трахнул – и все.

Что может сказать в ответ мужчина, когда слышит такие слова? Вот вы бы что сказали?

Клои начала умирать с того, что просто стала ощущать постоянную усталость. А сейчас ей уже настолько на все наплевать, что она даже на процедуры не ходит. У нее дома полно порнографических фильмов.

Клои рассказала мне, что во времена французской революции аристократки – все эти баронессы, герцогини, маркизы, графини – которые сидели в тюрьмах, по очереди трахались с любым мужиком, которого пускали к ним в камеру. Клои дышала мне в шею. С любым мужиком.

Интересно, кого к ним пускали? Да, забавно они время проводили.

La petite mort. Кажется, французы так говорят?

Клои говорит, что если мне хочется, то мы можем пойти к ней домой и посмотреть ее коллекцию порнографических фильмов.

А еще у нее есть амилнитрат. И интимные кремы.

Если бы такое мне сказала любая другая женщина, эрекции не миновать. Но Клои больше всего походит на скелет, местами обтянутый желтым пергаментом.

В сравнении с Клои я – ничтожество. Меньше, чем ничтожество. Мы садимся в круг на ковер, и плечо Клои вонзается в мое плечо.

Мы закрываем глаза. Сегодня очередь Клои руководить направленной медитацией, вести нас в сад безмятежности. Клои ведет нас на вершину холма, где стоит дворец о семи вратах. Внутри дворца – семь врат: зеленые, желтые, оранжевые. Клои велит нам открывать эти врата одни за другими – голубые врата, красные, белые – и рассказывать, что скрывается за каждым вратами.

Закрыв глаза, мы представляем боль в виде шара белого исцеляющего света, который подплывает к нашим ногам и поднимается вверх – к коленям, поясницам, грудным Клеткам. Наши чакры открываются. Сердечная чакра. Головная чакра. Клои вводит нас в пещеру, где мы встречаем покровительствующих нам животных, символизирующих нашу волю. Мое животное – это пингвин.

Лед покрывает пол пещеры, и пингвин командует мне: «Скользи!». Легко и радостно мы скользим с ним по туннелям и галереям.

Затем наступает время объятий.

Откройте глаза.

Это – терапевтический телесный контакт, объясняет Клои. Каждый из нас должен выбрать себе партнера. Клои обнимает меня за голову и принимается плакать. Она говорит, что у нее дома есть эротическое нижнее белье. Ароматические масла и кожаные плетки. Она плачет так долго, что я успеваю одиннадцать раз посмотреть на часы у меня на руке, прежде чем она меня отпускает.

В моей первой группе поддержки, два года тому назад, я еще не плакал. Не плакал я ни во второй, ни в третьей группе. Не плакал, посещая паразитов мозга, опухоли кишечника и слабумие.

Бессонница – это очень серьезно. Все вокруг кажется таким далеким, копией, снятой с копии, сделанной с еще одной копии. Бессонница встает вокруг как стена: ты не можешь ни до чего дотронуться, и ничто не может дотронуться до тебя.

А затем появился Боб. В первый же раз, как я пришел в рак яичек, этот здоровенный лось, этот шмат сала, навалился на меня и принялся лить слезы. Когда в группе «Останемся мужчинами!» наступило время объятий, он двинул ко мне, раскинув свои грабли в стороны, и выставив вперед свой пустой котелок, а на глаза у него уже наворачивались слезы. Шаркая слоновьими ножищами, Боб пересек помещение и навалился на меня всей своей тушей.

Он подмял меня под себя.

Он сдавил меня в своих душных объятиях.

Большой Боб поведал мне, что раньше он был качком. Сидел на анаболиках и еще на этом стероиде, на вистроле. Его еще скаковым лошадям дают. Боб владел собственным залом, где собирались качки. Он был женат три раза. Он рекламировал продукты для качков по телевизору. Может, я видел, у него еще программа такая была: «Как увеличить грудную клетку?».

Когда незнакомые люди начинают со мной откровенничать подобным образом, я готов на месте провалиться, если вы понимаете, что я имею в виду.

Но Боб этого не знал. Он продолжал делиться со мной историей своей жизни. У него с детства было ущемлено одно из huevos, и он знал, что с ним это может случиться. Боб рассказал мне все про послеоперационную гормональную терапию.

Многие качки впрыскивают себе большие дозы тестостерона, и от этого у них вырастает «сучье вымя».

Мне пришлось спросить у Боба, что такое «huevos».

Мексиканцы так называют яйца, объяснил Боб. Ну, мы же говорим: «помидоры», «абрикосы», «шары». А мексиканцы говорят huevos. В Мексику Боб ездил закупать стероиды.

Развод, развод, и еще один развод – сказал Боб, открыл бумажник и показал мне свою фотографию с соревнований. Он стоял в качковой стойке, огромный, голый и блестящий. Дурацкая жизнь, сказал Боб, качаешься, бреешь тело, выходишь на сцену. Жировая прослойка составляет не более двух процентов от веса тела, пьешь диуретики, пока не становишься твердым и холодным как бетон, слепнешь от прожекторов, глхнешь от рева музыки, а потом судья командует: «Покажите правый трицепс и напрягите его!» или «Вытяните левую руку, зафиксируйте бицепс!».

Но это все же лучше, чем нормальная жизнь.

Вот так вот, сказал Боб, в темпе вальса навстречу опухоли. Болезнь разорила его. У него двое взрослых детей, которые не хотят разговаривать с ним даже по телефону.

Скоро ему сделают операцию, удалят сучье вымя – сделают надрез под грудной мышцей и откачают оттуда жидкость.

Больше мне ничего не удалось расслышать, потому что Боб прижал меня к своей груди еще сильнее, придавил мне голову подбородком, и я погрузился в забвение, очутившись в полной темноте и тишине, а когда я, наконец, смог вырваться, на груди у Боба осталось мокрое пятно от моих слез.

* * *

Это случилось два года назад, во время моего первого посещения группы «Останемся мужчинами!».

После этого почти на каждой встрече я рыдал на груди у Большого Боба.

После этого я так ни разу и не наведалься к терапевту. И валерьяновый корень я тоже не жевал.

В этом и состоит свобода. Когда теряешь всякую надежду. Я не говорил ничего, и люди в группе полагали, что мне еще хуже, чем им. И они рыдали еще сильнее. И я рыдал вместе с ними. Стоит только поднять голову, посмотреть на звезды – и ты пропал.

Возвращаясь домой после собрания группы, я чувствовал себя просто великолепно. Ведь у меня не было ни паразитов, ни рака – я был маленьким теплым центром, вокруг которого вращалась вся Вселенная.

И я спал. Спал крепче любого невинного младенца.

Каждый вечер я умирал и рождался вновь.

Я воскресал.

Каждый вечер, но не сегодня. Я не могу плакать, когда эта женщина смотрит на меня. Я не могу дойти до точки, а значит, не могу и воскреснуть. Я искусал губы так сильно, что, если приронуться к ним языком, то кажется, что они покрыты рваными обоями. И я не спал уже четыре дня.

Когда она смотрит на меня, я чувствую себя лжецом. Но это она лжет. Симулянтка. Сегодня вечером мы, как обычно, представились друг другу. Я – Боб, А я – Пол. Я – Терри. Я – Дэвид.

В группах поддержки я никогда не называю своего настоящего имени.

– Сюда с раком? – спросила она.

А потом сказала:

– Привет, меня зовут Марла Зингер.

Видно было, что никто не потрудился объяснить Марле Зингер, с каким раком сюда ходят. Мы тоже промолчали: слишком были поглощены общением с ребенком, живущим внутри каждого из нас.

Партнер Марлы по-прежнему рыдает у нее на плече. Марла затягивается сигаретой.

Я наблюдаю за ней, прижимаясь ухом к трясущимся титькам Боба.

Марла считает меня симулянтом. На следующий вечер после того, как я ее увидел, я не смог заснуть. И все же она права – первым симулировать начал я. Если, конечно, не допустить, что все эти люди симулируют свои опухоли, свои страдания. И даже Большой Боб, этот здоровенный лось, этот шмат сала – тоже симулирует.

Стоит только посмотреть на его прическу.

Марла курит и смотрит по сторонам.

В этот миг моя ложь отражается в Марлиной, и я вижу кругом одну только ложь.

Посреди их правды. Они боятся предположить самое худшее, они цепляются за жизнь и живут со стволом пистолета во рту. Но сейчас, когда Марла курит и смотрит по сторонам, а я погребен под содрогающейся в рыданиях тушей Большого Боба, внезапно даже смерть и умирающие начинают казаться такими же ненастоящими, как искусственные пластиковые цветы, стоящие на видеомagneтoфoнe.

– Боб, – говорю я, – ты меня раздавишь.

Сначала я говорю это шепотом.

Затем, уже громче, но все еще тихо:

– Боб!

И, наконец, я ору:

– Боб, мне нужно пойти проблеваться!

* * *

В туалете над раковиной висит зеркало.

Если мои расчеты верны, то я встречу Марлу Зингер в «Преодолей себя!», группе поддержки для страдающих паразитарными заболеваниями мозга. Марла туда пойдет. Конечно, пойдет, никуда не денется. И вот что я сделаю – я сяду с ней рядом. И вот, после того, как мы все представимся друг другу и помедитируем, и откроем семь врат дворца, и после белого целительного шара света, и после того, как мы откроем все чакры и настанет время объятий, я схвачу эту маленькую сучку. Прижав ей руки к бокам и уткнув губы в самое ухо, я скажу:

– Марла, ты – симулянтка. Выметайся отсюда! У меня в жизни кроме этих групп ничего нет, а ты все портишь! Туристка чертова!

В следующий раз, когда мы встретимся, я скажу:

– Марла, ты приходишь, и я потом не могу заснуть. А мне сон необходим. Убирайся!

3

Ты просыпаешься в Эйр Харбор.

При каждом взлете и каждой посадке, если самолет вдруг резко заваливался на бок, я молился о том, чтобы произошла катастрофа. Стоит только мне представить, что мы можем сгореть, словно табак, в этом летающем сигарном футляре, как моя бессонница проходит, и я начинаю радостно клевать носом.

Вот так я и повстречал Тайлера Дердена.

Ты просыпаешься в О'Харе.

Ты просыпаешься в Ла Гардии.

Ты просыпаешься в Логане.

Тайлер прирабатывал киномехаником на полставки. Он мог работать только по ночам – такая уж у него была натура. Стоило где-нибудь заболеть киномеханику, как звонили из профсоюзa и вызывали Тайлера.

Одни люди – совы, другие – жаворонки. Я – жаворонок, я могу работать только днем.

Ты просыпаешься в Даллсе.

Если ты погиб во время командировки, то сумма страховки утраивается. Я молился о резких порывах бокового ветра. Молился, чтобы в турбину засосало пеликана, чтобы техник забыл затянуть какую-нибудь важную гайку, чтобы случилось обледенение закрылков. Во время разбега, пока самолет мчался по полосе, а спинки наших кресел были приведены в вертикальное положение, столики убраны, и ручная кладь помещена в багажные отделения над нашей головой, и мы воздерживались от курения, я молился о том, чтобы произошла катастрофа.

Ты просыпаешься в Лав Фильд.

В проекционной, в том случае, когда кинотеатр был старым, Тайлеру нужно было переходить с поста на пост. Обычно в проекционной имеется два проектора – когда часть фильма, установленная на первом проекторе, подходит к концу, ты ставишь на втором следующую часть

и запускаешь его. Это и называется «переходом на другой пост».

Я знаю это, потому что это знает Тайлер.

Итак, ты устанавливаешь следующую часть на втором проекторе и запускаешь его. Большинство фильмов состоит из шести-семи частей, которые следует воспроизводить в определенном порядке. В кинотеатрах поновее все части склеивают, так что получается одна огромная бобина в полтора метра диаметром. В этом случае уже не приходится метаться между двумя проекторами, устанавливая то одну часть, то другую, бобина, щелчок выключателя, бобина, щелчок.

Щелчок.

Ты просыпаешься в Си Таке.

Я изучаю картинки людей на ламинированной инструкции, извлеченной из кармана кресла. Женщина плывет по океанским волнам, прижимая к груди подушку от кресла. Темные волосы развеваются по ветру, глаза женщины широко открыты, но на лице не видать ни улыбки, ни гримасы страха. На другой картинке пассажиры, спокойные, как коровы в Индии, тянутся за кислородными масками, свисающими с потолка.

Аварийная ситуация.

Ой!

Давление в салоне падает.

Ой!

Ты просыпаешься и понимаешь, что очутился в Уиллоу Ран.

Старый кинотеатр, новый кинотеатр. Чтобы перевезти бобины с пленкой из кинотеатра в кинотеатр, Тайлеру приходилось снова разрезать фильм на шесть или семь частей. Маленькие бобины упаковывают в стальные шестиугольные ящики с ручками, которые называются «яуфы». Если взяться за ручку и попытаться поднять один такой яуф, то можно вывихнуть плечо – настолько он тяжелый.

А еще Тайлер работал официантом на банкетах в большом отеле в центре города. Это в те ночи, когда он не менял бобины на кинопроекторах. Я даже и не знаю, сколько всего Тайлер успевал сделать за те ночи, когда я страдал бессонницей.

В старых кинотеатрах, там, где еще используют два проектора, киномеханик должен сменить посты так, чтобы зрители не заметили, что кончилась одна часть и началась следующая. Для этого он должен следить за белыми точками в верхнем правом углу экрана. Это предупреждение. Внимательно как-нибудь посмотрите: в конце каждой части кинокартины в верхнем правом углу экрана вспыхивают две белые точки.

Профессионалы называют их «звездочками».

Одна белая точка означает, что до конца части осталось две минуты. В этот момент нужно включить второй проектор, чтобы он успел прогреться.

Вторая белая точка появляется за пять секунд до конца части. Трудно описать, что чувствуешь, когда стоишь между двумя проекторами, и оба пышат жаром от пылающих в них ксеноновых ламп, таких ярких, что можно ослепнуть от одного взгляда на них. На экране вспыхивает белая точка. Звук в кинотеатре воспроизводится колонками, установленными в зале. В проекционной ничего не слышно, потому что она отделена от зала звукоизоляцией. Это для того чтобы стрекот и треск, производимый проекторами, не мешал зрителям. Лента проносится между линзами со скоростью шесть футов в секунду, в каждом футе – десять кадров. Шестидесят кадров в секунду проглатывает проектор, словно пулеметную ленту и тархтит при этом совсем как настоящий пулемет. Два проектора работают, ты стоишь между ними и держишь в каждой руке ручки заслонок. А на самых старых проекторах на подающей бобине есть еще звуковой сигнал, который начинает звучать, когда пленка уже подходит к концу.

«Звездочки» остаются даже после перегонки фильма на видео. Видно их и на тех фильмах, которые показывают в самолетах.

По мере того, как пленка сматывается, принимающая бобина начинает крутиться все медленнее и медленнее, а подающая – быстрее и быстрее. Звуковой сигнал – это такой звонок, который звенит, когда бобина крутится очень быстро. А значит – пора менять посты.

В проекционной темно, пышет жаром от невидимых ламп, звенит звонок. Ты стоишь между двумя проекторами с ручками заслонок в руках и смотришь в правый верхний угол экрана. Вспыхивает вторая точка. Сосчитай про себя до пяти. Закрой одну заслонку и одновременно от-

крой вторую.

Смена постов.

Фильм продолжается.

Никто в зале ничего не замечает.

Когда на подающей бобине имеется звуковой сигнал, киномеханик может позволить себе подремать. Киномеханики вообще много чего могут себе позволить. Иногда звукового сигнала на подающей бобине нет. Дома тебе порой снится, что ты проспал смену постов, и ты просыпаешься в ужасе посреди ночи. В зале шумят зрители. Ты разбил мечту серебряного экрана, пробудил их ото сна, и они негодуют. Директор кинотеатра снимает телефонную трубку и собирается позвонить в профсоюз.

Ты просыпаешься в Монтгомери Фильд.

Самое приятное в поездках – это то, что в них тебя окружает одноразовый мир. Поселяешься в номере отеля и находишь там одноразовое мыло, одноразовые пакетики с шампунем, крошечные одноразовые брикеты масла, одноразовое полоскание для рта и даже одноразовую зубную щетку. Сядьте в стандартное кресло в салоне самолета и осмотритесь вокруг. Вы почувствуете себя Гулливером в стране лилипутов. Ваши плечи слишком широки. Ваши ноги такие же длинные, как у Алисы, когда та съела волшебный пирожок; ступни находятся на расстоянии в несколько миль от вас и упираются в ноги соседа спереди. Приносят обед. Он напоминает миниатюрный конструктор на тему "Собери сам цыпленка «Кордон Блю», какую-то изящную головоломку, которую выдают тебе, чтобы ты не скучал в полете.

Пилот включает табло «Пристегните привязные ремни» и просит нас не покидать свои места.

Ты просыпаешься в Мейгз Фильд.

Иногда Тайлер Дерден просыпается в ужасе посреди ночи, потому что ему снится, что он проспал смену постов, или что пленка порвалась, или выскользнула из направляющих, и шестеренки зажевали звуковую дорожку.

Если такое случается, то при воспроизведении вместо реплик актеров зрители слышат что-то вроде звука, который производят лопасти вертолета при вращении – фырр! фыррр! фырррр! Этот звук возникает, когда луч света, направленный на фотоэлемент, проходит через отверстия, оставленные зубцами шестеренок на звуковой дорожке.

А вот еще одна вещь, которую киномеханику делать не положено: Тайлер вырезает отдельные самые удачные кадры из ленты и делает из них слайды. Первая кинокартина с откровенной обнаженкой, получившая широкую известность, включала в себя кадры с голой актрисой Энджи Дикинсон.

За то время, пока копия фильма добиралась с Западного побережья до Восточного, вся обнаженка полностью исчезла. Один киномеханик вырезал кадр. Другой киномеханик вырезал кадр. Всем хотелось иметь у себя изображение голой Энджи Дикинсон. А уж когда в киношках начали показывать порнуху, то эти парни разжились просто эпическими коллекциями слайдов!

Ты просыпаешься в Боинг Фильд.

Ты просыпаешься в международном аэропорту Лос-Анджелеса.

Сегодня на нашем рейсе почти нет пассажиров, так что можно убрать подлокотники и растянуться на креслах во весь рост. Вытягиваешься, вьешься ужом, выгибаешь спину, руки, ноги, раскидываешься на три-четыре кресла вокруг. Я перевожу часы на два часа назад или на три часа вперед: Тихоокеанское, Центральное, Восточное поясное время, поясное время Скалистых гор. Час теряешь, час выигрываешь.

Это твоя жизнь, и с минуты на минуту ей придет конец.

Ты просыпаешься в кливлендском аэропорту имени Хопкинса.

Ты вновь просыпаешься в Си Таке.

От работы киномеханика быстро устаешь и становишься злым. Но чаще всего начинаешь просто маяться от скуки. И тогда берешь слайд из порнографической коллекции, собранной твоим предшественником, и клеиваешь кадр с крупным планом здорового красного члена или распахнутого влажного влагалища в художественный фильм.

И вот на экране фильм про зверушек, в котором пес и кот, потерявшие хозяев во время путешествия, ищут дорогу домой. И в третьей части, сразу после того, как эти говорящие человеческими голосами четвероногие подкрепились объедками из мусорного бака, на экране промель-

квивает изображение полноценной эрекции.

Это работа Тайлера.

Отдельный кадр виден на экране в течение одной шестидесятой доли секунды. Разделите секунду на шестьдесят равных частей. Именно столько была видна эрекция. Монументальный член высотой в четырехэтажный дом нависает над жующей попкорн публикой, и никто его не видит.

Ты вновь просыпаешься в Логане.

Эти поездки – сплошная мука. Я езжу на те встречи, в которых не желает участвовать мой начальник. Я все тщательно записываю. Я приезжаю и докладываю.

Моя задача заключается в правильном применении секретной формулы.

Чистая арифметика.

Классическая задачка из учебника.

Если новая машина, произведенная компанией, на которую я работаю, выехала из Чикаго со скоростью шестьдесят миль в час, и тут у нее заклинило дифференциал, и она улетела в кювет, разбилась, бензобак взорвался и все, кто были в салоне, сгорели заживо, должна ли компания отозвать все проданные автомобили этой модели на доработку?

Возьмите общее количество проданных на настоящий момент автомобилей (А), умножьте на среднее количество серьезных отказов (В), а затем умножьте произведение на среднюю стоимость урегулирования иска родственников пострадавших во внесудебном порядке (С).

$A \times B \times C = X$. Вот во сколько нам обойдется проблема, если мы не будем отзываться модель на доработку.

Если X превышает стоимость доработки, то мы производим доработку, и аварий больше не бывает.

Если X меньше, чем стоимость доработки, то мы доработку не производим.

Куда бы я не ехал, в конце пути меня ждет обгоревший и покореженный корпус автомобиля. Я знаю каждый скелет, который мы прячем в шкафу. Считайте это моим допуском к секретной информации.

Ночи в гостиницах, ужины в ресторанах. В дороге заводишь знакомства с одноразовыми знакомыми, которые очутились на соседнем кресле по пути из Логана в Монтгомери, и из Монтгомери в Уиллоу Ран.

– Я работаю координатором отдела рекламаций, – говорю я моим одноразовым знакомым, – но мечтаю о карьере мойщика посуды.

Ты вновь просыпаешься в О'Харе.

* * *

После первого успеха Тайлер начал клеивать пенис куда ни попадя. Или, если не пенис, то налитое кровью четырехэтажное влагалище величиной с Большой Каньон, которое промелькнуло на экране в тот момент, когда принц приглашал Золушку на танец. Народ смотрел и ничего не замечал. Зрители пили и жевали как прежде, но что-то изменялось в их подсознании. Некоторым внезапно становилось дурно или они начинали плакать безо всякой причины. Никто не понимал, в чем дело. Только птичка колибри смогла бы поймать Тайлера за руку.

Ты просыпаешься в аэропорту имени Кеннеди.

Я растекаюсь в жижу в момент приземления, когда одно колесо с глухим стуком касается дорожки, и самолет накрывается в одну сторону и повисает в нерешительности, не зная, то ли ему опрокинуться, то ли покатиться дальше. В этот миг все теряет значение. Стоит только поднять голову, посмотреть на звезды – и ты пропал. Ничего больше не имеет значения. Ни сохранность багажа. Ни запах изо рта. В окнах темно, а сзади режут турбины. Салон кренится под опасным углом и тебе уже никогда не придется заполнять командировочный отчет. Для компенсации расходов свыше двадцати пяти долларов необходимо предоставить квитанцию. Тебе уже никогда не понадобится парикмахер.

Снова глухой стук – это второе колесо коснулось покрытия. Звучит стаккато сотен растягиваемых замков привязных ремней и очередной одноразовый знакомый, рядом с которым ты только что чуть не умер, говорит:

– Надеюсь, все у вас пройдет гладко.

Я тоже надеюсь.

Вот и еще один миг позади. И жизнь идет своим чередом.

И однажды, по чистой случайности, я повстречался с Тайлером Дерденом.

Пришла пора отпуска.

Ты просыпаешься в международном аэропорту Лос-Анджелеса.

Вновь.

С Тайлером я познакомился на нудистском пляже. Дело было в самом конце лета, меня разморила жара, и я задремал. Голое тело Тайлера было покрыто потом и песком, слипшиеся длинные волосы закрывали лицо.

Тайлер бродил по соседству со мной задолго до того, как мы познакомились.

Тайлер вылавливал из зоны прибоя плавник и выволакивал его на пляж. Затем он вкапывал бревна в сырой песок, так что они превращались в столбы высотой в человеческий рост. Когда я проснулся, Тайлер вкопал уже четыре бревна и волок пятое. Он вырыл в песке глубокую яму, а затем опустил в нее бревно одним концом, и оно встало почти вертикально.

Ты просыпаешься на пляже.

Кроме нас на пляже никого не было.

Тайлер взял палку и начертил на песке прямую линию в нескольких футах от бревна. Затем он вернулся к бревну и принялся утрамбовывать ногами песок вокруг него.

Кроме меня никто этого не видел.

Тайлер окрикнул меня:

– Эй, не знаешь, который час?

Я сказал:

– Смотря где...

– Здесь, – уточнил Тайлер. – Здесь и сейчас.

Шестнадцать часов ноль шесть минут.

Вскоре Тайлер уселся по-турецки в тени, которую отбрасывали бревна. Посидев несколько минут, он встал, окунулся в воду, затем надел майку и шорты и собрался уходить. Я не мог не спросить его.

Мне ужасно хотелось знать, что он такое соорудил, пока я спал.

Если я могу проснуться в другом месте и в другое время, чем те место и время, в которых я заснул, почему бы однажды мне не проснуться другим человеком?

Я спросил Тайлера, не художник ли он.

Тайлер пожал плечами и объяснил мне, что он специально выбрал пять таких бревен, которые расширялись бы к основанию. Затем он объяснил мне, зачем начертил на песке линию и как при помощи этой линии он определил положение тени от каждого из пяти бревен.

Иногда ты просыпаешься непонятно где, и тогда приходится задавать вопросы.

Тень гигантской руки – вот что создал Тайлер. Только теперь все пальцы, кроме большого, были непропорционально длинными, как пальцы Носферату, а большой, наоборот, слишком короткий. Но в половину пятого, объяснил Тайлер, тень руки выглядела идеально. Тень гигантской руки выглядела совершенной всего какую-то минуту, и именно эту минуту Тайлер и сидел в тени созданного им совершенства.

Ты просыпаешься и оказываешься нигде.

Одной минуты вполне достаточно, объяснил Тайлер. Приходится попотеть, чтобы достичь совершенства, но минутное совершенство оправдывает все усилия. От совершенства и требовать нельзя, чтобы оно длилось дольше.

Ты просыпаешься, и будь этим доволен.

Его звали Тайлер Дерден, и он работал киномехаником, а еще официантом на банкетах в шикарнейшей гостинице. Он оставил мне номер своего телефона.

Вот так мы и познакомились.

4

Сегодня ночью у паразитов мозга аншлаг. В «Преодолей себя!» посещаемость всегда на высоте. Это – Питер, это – Альдо, а это – Марси.

Привет!

Нас представляют друг другу. Знакомьтесь, это – Марла Зингер, она у нас новенькая.

Привет, Марла!

В «Преодолей себя!» мы начинаем обычно с Обмена Новостями. Ни слова о паразитах. Разве наша группа имеет какое-то отношение к паразитам? Ничего подобного, всем постоянно становится лучше. О, эта новая методика лечения! Все только что пошли на поправку. Однако во всем ощущается неизбывный привкус пятидневной непрерывной головной боли. Одна из женщин раздражается беспричинными слезами. У всех висит на груди табличка с именем. Мы встречаемся уже целый год каждый вторник, и тем не менее многие, подходя к тебе с протянутой для рукопожатия ладонью, смотрят на табличку, чтобы узнать, как тебя зовут.

Извините, разве мы уже встречались?

Никто не употребляет слова паразит, все говорят возбудитель.

Никто не употребляет слова лечение, все говорят процедура.

Так что во время Обмена Новостями кто-нибудь сообщает, что возбудитель внезапно проник к нему в спинной мозг, и поэтому у него внезапно отнялась рука. А другой говорит, что возбудитель вызвал у него потерю внутричерепной жидкости, и теперь мозг задевает о стенки черепа, от чего случаются судороги.

Во время последнего собрания, которое я посетил, Клои сообщила нам радостную весть. С трудом поднявшись на ноги и опираясь на подлокотники кресла, она поведала нам, что больше не боится смерти. Сегодня после знакомства и Обмена Новостями, душка, которой я никогда раньше не видел, по имени Гленда (если верить табличке) сказала, что она – сестра Клои и что Клои умерла в прошлый вторник в два часа утра.

Какая прелесть! Два года Клои плакала в моих объятиях, и вот она умерла и лежит в земле, или в урне, или в мавзолее, или – как его там – в колумбарии. Еще одно доказательство того, что в один прекрасный день и ты станешь лакомством для червей и удобрением для растений. Смерть – это волшебное чудо, и я бы не имел ничего против нее, когда бы не эта тварь.

Марла.

Она снова уставилась на меня, словно кроме меня тут у паразитов не на кого и смотреть.

Лжец.

Симулянтка.

Марла – симулянтка. И ты тоже симулянт.

Да и все кругом притворяются, когда внезапно валятся на землю, хрипят, пускают пену и делают себе в штаны.

Сегодня вечером направленная медитация неожиданно не действует на меня. За всеми семью воротами дворца – за зелеными, за оранжевыми – стоит Марла. И за голубой тоже стоит Марла. Лжец. Когда я проникаю в пещеру, животным, символизирующим мою волю, тоже оказывается Марла. Марла затягивается сигаретой и смотрит по сторонам. Лжец. Черные волосы и губы, пухлые, как французские подушки. Симулянтка. Губы, нежные, как кожаный итальянский диван. От таких не убежишь.

А вот Клои была настоящая.

Она походила на скелет Джони Митчел, который заставили улыбаться и ухаживать за гостями на большой вечеринке. Я часто представляю себе маленький мультяшный скелетик Клои, размером с небольшого насекомого, который бежит по галереям и закоулкам ее собственных внутренностей в два часа утра, в то время где-то вдалеке завывает сирена и чей-то голос объявляет: «Приготовьтесь к смерти через десять, девять, восемь секунд». «Смерть наступит через семь, шесть...».

В ночной темноте Клои бежит по лабиринту рвущихся вен и взрывающихся труб, брызжущих горячей лимфой. Нервы выступают на поверхности тканей пучками проводов. Абсцессы вздуваются жаркими белыми бусинами.

Голос сверху объявляет: «Приготовьтесь к опорожнению кишечника через десять, девять, восемь, семь...».

«Приготовьтесь к эвакуации души через десять, девять, восемь...».

Клои шлепает по вытекшей из отказавших почек жидкости.

«Смерть наступит через пять...».

«Пять, четыре...».

«Четыре...».

Повсюду видны следы жизнедеятельности паразитов, похожие на граффити, нарисованные аэрозольной краской на поверхности сердца.

«Четыре, три...».

«Три, два...».

Клои карабкается на четвереньках по рифленой поверхности собственного горла.

«Смерть наступит через три, две...».

Лунный свет льется в открытый рот.

«Приготовьтесь к последнему вздоху – ноль!».

Душа эвакуируется.

Ноль!

Отделение от тела.

Ноль!

Смерть наступила.

Как это было бы славно: сжимать и сжимать в объятиях теплую дрожь Клои, в то время как сама Клои уже давно лежит в сырой земле!

Но вместо этого на меня смотрит Марла.

Во время направленной медитации, я раскрываю объятия, чтобы принять в них ребенка, живущего во мне, но вместо ребенка в объятия мои устремляется дымящая как паровоз Марла. Белый исцеляющий шар света не появляется. Лжец. Чакры остаются закрытыми. Представьте себе каждую чакру, как распускающийся цветок, в центре которого, словно в замедленной съемке, вспыхивают лучи белого света.

Лжец.

Мои чакры не хотят открываться.

Когда направленная медитация заканчивается, все встают на ноги, потягиваются, отряхиваются и готовятся к терапевтическому телесному контакту. Когда приходит время обниматься, я делаю три шага навстречу Марле, распахиваю руки и смотрю по сторонам, ища подсказки, что мне делать дальше.

Подсказка: обними того, кто идет тебе навстречу.

Мои руки смыкаются у Марлы за спиной.

Выбери сегодня того, кто тебе нужен.

Рука Марлы, сжимающая сигарету, надежно прижата к бедру.

Расскажи ему, как ты себя чувствуешь.

У Марлы нет рака яичек. У нее нет даже туберкулеза. Она и не собирается умирать. Ладно, беру свои слова обратно, с высшей философской точки зрения мы все потихоньку умираем, но Марла умирает совсем не так, как умирала Клои.

Еще одна подсказка: поделись самым сокровенным.

Алло, Марла, ты яблоки любишь?

Самым сокровенным.

Марла, валила бы ты отсюда. Вон! Вон!

Вали отсюда вон и плачь там, где я тебя не вижу.

Марла смотрит мне прямо в лицо. У нее карие глаза. Мочки ее ушей проколоты, но сережек она не носит. На растрескавшихся губах лежат, словно изморозь, чешуйки отшелушившейся кожи.

Вали отсюда и плачь.

– Ты тоже вроде еще не помираешь, – говорит Марла.

Вокруг нас, обнявшись, рыдают пары.

– Расскажи мне все честно, – твердит Марла, – а я расскажу тебе.

Мы можем честно поделить неделю, объясняю я. Марла берет себе костные болезни, болезни мозга и туберкулез. Я оставляю за собой рак яичек, паразитов крови и хроническое слабоумие.

Марла спрашивает:

– А как насчет рака кишечника?

Да, эта девочка твердо вызубрила свой урок.

Рак кишечника мы поделим поровну. Ей достаются первое и третье воскресенье каждого месяца.

– Нет, – отрезает Марла.

Рак кишечника она хочет весь. И паразитов, и остальной рак тоже. Марла прищуривает глаза. Она и мечтать не мечтала, что может так прекрасно чувствовать себя. Она впервые чувствует себя живой. Ее прыщи прошли. За всю свою жизнь она ни разу не видела мертвеца. Она не понимала, что такое жизнь, потому что ей не с чем было сравнивать. О, но теперь-то она знает, что такое смерть и умирание, что такое настоящее горе и подлинная утрата. Что такое плач и содрогание, смертный ужас и угрызения совести. Теперь, когда Марла знает, что с нами всеми будет, она может наслаждаться каждым мгновением своей жизни.

Нет, она не отдаст мне ни одной группы.

– Я ни за что не соглашусь жить, как жила раньше, – говорит Марла. – Раньше, чтобы жить и наслаждаться просто тем, что еще дышишь, я работала в бюро похоронных услуг. У меня, правда, совсем другая специальность, ну и что с того?

Тогда и вали отсюда в свое бюро похоронных услуг, предлагаю я.

– Похороны – это ничто в сравнении с группами поддержки, – возражает Марла. – Похороны – это абстрактная церемония. В них нет истинного ощущения смерти. А здесь оно есть.

Пары вокруг нас утирают слезы, сморкаются, хлопают друг друга по спине и расходятся.

Мы не можем ходить в группу вместе, говорю я.

– Тогда не ходи.

Мне это нужно.

– Тогда ходи на похороны.

Все уже встали в круг и берутся за руки, готовясь к завершающей молитве. Я отпускаю Марлу.

– Как долго ты ходишь сюда?

Два года.

Кто-то берет меня за руку. Кто-то берет за руку Марлу.

Когда начинается молитва, у меня, как обычно, перехватывает дыхание. О, благослови нас! О, благослови нас в нашем гневе и страхе!

– Два года? – шепчет Марла, склонив голову набок.

О, благослови нас и сохрани.

Все, кто могли бы заметить, что я в этой группе уже два года, или умерли или выздоровели и перестали сюда ходить.

Помоги нам, помоги нам.

– Ах так, – говорит Марла, – ну что ж, тогда я отдаю тебе рак яичек.

Большой Боб, здоровенный шмат сала, обливает меня слезами. Спасибо тебе большое, Марла.

Направь нас к нашей участи и даруй нам покой.

– Пожалуйста.

Вот так я и познакомился с Марлой.

5

Парень из службы безопасности мне все разъяснил.

Грузчики не обращают никакого внимания на чемодан, в котором что-то тикает. Парень из службы безопасности зовет грузчиков «швырялами». Современные бомбы не тикают. Но если чемодан вибрирует, то и «швырялы», и служба безопасности обязаны вызвать полицию.

У Тайлера я поселился именно из-за этой политики большинства авиакомпаний в отношении вибрирующего багажа.

Возвращаясь из Даллса, я вез с собой один чемодан, в котором было упаковано все. Когда часто едешь, вскоре вырабатывается привычка возить с собой все самое необходимое. Шесть белых рубашек. Две пары черных брюк. Минимум, необходимый для выживания.

Дорожный будильник.

Электрическую бритву на аккумуляторах.

Зубную щетку.

Шесть пар трусов.

Шесть пар черных носков.

Если верить парню из службы безопасности, при погрузке в Даллсе мой чемодан начал вибрировать и полиция сняла его с полета. В этом чемодане было все. Жидкость для контактных линз. Красный галстук в голубую полоску. Голубой галстук в красную полоску. Не в тонкую полосу, как клубные галстуки, а в широкую, как офицерские с цветами части. Еще один просто красный галстук.

Список всех этих вещей я прикрепил у себя дома к двери платяного шкафа.

Мой дом – это квартира на пятнадцатом этаже кондоминиума, расположенного в многоквартирном доме, напоминающем мне стеллаж для пожилых вдов и молодых профессионалов. Рекламная брошюра обещала, что между мной и включенным телевизором или стереоустановкой соседа всегда будет не меньше фута бетонного пола, потолка или стены. Фут бетона, но при этом система вентиляции и кондиционирования воздуха устроена так, что невозможно открыть окно без того, чтобы вся квартира, невзирая на кленовый паркет и выключатели с регулируемой степенью освещения, не начинала вонять как последний разогретый тобой на плите обед или санузел после твоего недавнего визита.

Ах да, а еще там были кухонный гарнитур со столешницами из натуральной древесины и низковольтная проводка для осветительных приборов.

Но все же, фут бетона – это очень важно, когда у твоей соседки села батарея в слуховом аппарате и поэтому она смотрит свое любимое игровое шоу на полной громкости. Или когда вулканический выброс горящего газа и обломков, которые некогда были твоим гостиним гарнитуром и личными вещами, выбивает окна-витрины и вырывается наружу, оставляя в скале здания выжженную обугленную пещеру кондоминиума, твою личную и ничью больше.

Такие вещи случаются.

Все уничтожено взрывом, даже стеклянный зеленый сервиз ручной работы с крохотными пузырьками внутри и неровностями снаружи от прилипшего песка. (Это доказывает, что сервиз изготовил простодушный, честный, трудолюбивый туземец-ремесленник из – неважно, откуда). Так вот, все, включая этот сервиз, уничтожено взрывом. Трехметровые шторы-картины порваны в клочья и сожжены огненным ветром.

С высоты пятнадцатого этажа пылающий пепел развеян над городом и рассыпан по крышам стоящих машин. Я тем временем мчусь во сне на запад с крейсерской скоростью 0, 83 числа Маха или 455 миль в час. А в Даллсе спецподразделение ФБР обследует мой чемодан, одиноко стоящий на транспортёре в помещении, из которого эвакуирован весь персонал. В девяти случаях из десяти вибрирует электробритва. Так было и с моим чемоданом. В одном случае – фаллоимитатор.

Это мне рассказал парень из службы безопасности в аэропорту прибытия. Затем я поехал на такси домой и обнаружил, что все мое фланелевое белье лежит на асфальте, изодранное в клочья.

Представьте себе, рассказывал мне парень из службы безопасности, пассажир прибывает к месту назначения, и тут ему объявляют, что его багаж задержан на Восточном побережье из-за фаллоимитатора. Бывает и так, что хозяин чемодана – мужчина. Политика авиакомпаний состоит в том, чтобы никогда не уточнять, кому принадлежал фаллоимитатор. Фаллоимитатор – и все тут.

Ни в коем случае не «ваш фаллоимитатор».

Следует говорить «самопроизвольное включение фаллоимитатора».

«Самопроизвольное включение фаллоимитатора привело к необходимости задержать ваш багаж в аэропорту».

Дождь шел, когда я покидал Стейплтон, штат Джорджия, где у меня была встреча.

Дождь продолжал идти, когда я подъезжал к своему дому.

Сначала стюардесса объявила, чтобы мы осмотрели свои места и постарались не забывать в салоне личных вещей. Затем она объявила, что в аэропорту меня ожидает представитель авиакомпании. Я перевел свои часы на три часа назад, но несмотря на это было глубоко за полночь.

У выхода меня ждал представитель авиакомпании, а с ним рядом стоял парень из службы безопасности. Ха, ха, ха, ваша бритва самопроизвольно включилась, и из-за этого ваш багаж задержали в Даллсе. Парень из службы безопасности называл грузчиков «швырялами». А еще он называл их «пихалами». Дело могло быть и хуже, сказал мне этот парень, по крайней мере, бритва – все-таки не фаллоимитатор. А затем – может быть, потому, что мы оба были мужчинами и

стрелки часов показывали час ночи, а может быть, просто чтобы поднять мне настроение, он рассказал, что на авиационном сленге стюарда называют «стюардесс». Парень этот носил форму, похожую на летную: белая рубашка с маленькими эполетами и голубой галстук. Он сказал, что мой багаж обыскали, и что он прибудет на следующий день.

Затем он записал мое имя, адрес и номер телефона, и спросил, знаю ли я, в чем разница между презервативом и кабиной пилотов.

– В презерватив только один хер входит, – объяснил он.

Я доехал до дома на такси за последнюю десятку.

Местная полиция замучила меня вопросами.

Моя электробритва, которую приняли за бомбу, по-прежнему находилась от меня на расстоянии трех часовых поясов. А настоящая бомба, очень большая бомба, разнесла в щепки мой очаровательный кофейный столик дизайна «Ньюрунда» в форме образующих круг ярко-зеленого «инь» и апельсинового «ян».

То же самое случилось и с моим мягким уголком «Хапаранда» дизайна Эрики Пеккари.

Я не единственная жертва того инстинкта, что заставляет людей обустроить свои гнездышки. Все мои знакомые, которые раньше сидели в туалете с порнографическим журналом в руках, теперь сидят с каталогом фирмы «ИКЕА».

Теперь у нас у всех есть кресло «Йоханнесов», обитое полосатым драпом «Штинне». Мое, кстати, упало, охваченное пламенем, с пятнадцатого этажа в фонтан.

У нас у всех одинаковые бумажные фонарики «Рислампа-Хар», обтянутые неотбеленной экологически безвредной бумагой. Мои фонарики были с рисунком «конфетти».

Плоды визитов в туалет.

Набор ножей «Алле». Нержавеющая сталь. Выдерживают машинную мойку.

Настенные часы «Видьд» из оксидированной стали, как я мог обойтись без них?

Стеллажный конструктор «Клипск», ясное дело.

Коробки для шляп «Хемлиг». Конечно.

Вся мостовая под окнами была усеяна сверкающими обломками.

Набор покрывал «Моммала». Дизайн Томаса Харила. Большой выбор цветов.

Орхидея.

Фуксия.

Кобальт.

Слоновая кость.

Антрацит.

Яичная скорлупа и вереск.

Вся моя жизнь ушла на покупку этого барахла.

Простое в уходе лаковое покрытие на журнальных столиках «Каликс».

«Стег» – комплект столиков «три в одном».

* * *

Ты покупаешь мебель. Ты уверяешь сам себя, что это – первая и последняя софа, которую ты покупаешь в жизни. Купив ее, ты пару лет спокоен в том смысле, что как бы ни шли дела, а уж вопрос с софой, по крайней мере, решен. Затем решается посудный вопрос. Постельный вопрос. Ты покупаешь шторы, которые тебя устраивают и подходящий ковер.

И вот ты стал пленником своего уютного гнездышка, и вещи, хозяином которых ты некогда был, становятся твоими хозяевами.

И так продолжается, пока ты однажды не вернешься домой, и портье не скажет тебе, что произошел несчастный случай. И что полиция уже приезжала и задавала кучу вопросов.

Полиция предполагает, что это мог быть газ. Возможно, погас в духовке, или же была утечка, а какая-нибудь конфорка осталась непогашенной, газ собирался под потолком, пока не наполнил весь кондоминиум от потолка до пола. Потолки высокие, объем кондоминиума – тысяча семьсот кубических футов, прошел не один день, пока газ не заполнил весь объем. А когда это случилось, где-то, возможно, в реле компрессора холодильника, проскочила искра...

Детонация.

Ударная волна выбивает окна из алюминиевых рам и все, что находилось в квартире – диваны, лампы, простыни, сервизы, школьные ежегодники, дипломы и телефон, – вылетает, охваченное пламенем, из окна, образовав нечто вроде солнечного протуберанца.

Боже, а мой холодильник! Я старательно собирал коллекцию различных сортов горчицы – горчица ручного помола, крепкая английская горчица. У меня было четырнадцать сортов не содержащей жиров заправки для салата и семь сортов каперсов.

Да, да, – вы совершенно правы, полный дом приправ и ни куска еды.

Портье прочистил нос, извергнув нечто в носовой платок – с таким же звуком, с каким мяч падает в раструб перчатки бейсбольного кэтчера.

На пятнадцатый этаж подняться можно, говорит портье, но квартира все равно опечатана. Распоряжение полиции. Полицейские спрашивали, нет ли у меня бывшей подружки с решительным характером или заклятого врага, имеющего доступ к динамиту.

– Да и чего там смотреть, – продолжал портье. – Ничего, ведь, не осталось, кроме голых стен.

Полиция не исключает преднамеренного поджога. Газом не пахло.

Портье многозначительно поднимает брови.

(Этот тип только тем и занимался, что флиртовал с горничными и сиделками из больших квартир на верхнем этаже. После работы они ждали на стульях в холле, когда за ними приедут, чтобы отвезти домой. Три года я жил в этом доме, и этот портье сидел и читал свой «Эллери Квин» пока я перетаскивал мешки с покупками от машины к двери.)

* * *

Портье многозначительно поднимает брови" и говорит, что некоторые уезжают в долговременную поездку, оставляя в квартире длинную-длинную зажженную свечу, поставленную посреди лужи бензина. Люди, испытывающие финансовые затруднения, часто откалывают такие номера. Люди, которые хотят подзаработать.

Я попросил разрешения воспользоваться телефоном в привратничкой.

– Молодежь хочет потрясти мир и покупает больше вещей, чем может себе позволить, – сказал портье.

Я набрал номер Тайлера.

Телефон зазвонил в доме, который Тайлер снимал на Бумажной улице.

О, Тайлер, забери меня отсюда!

Никто не подходит к телефону.

Наклонившись к самому моему уху, портье говорит:

– Молодежь сама не знает, чего хочет.

О, Тайлер, спаси меня!

Никто не подходит к телефону.

– Молодежи сразу все подавай.

Спаси меня от шведской мебели.

Спаси меня от произведений искусства.

И Тайлер подошел к телефону.

– Когда не знаешь, чего хочешь, – говорит портье, – беды не миновать.

Не хочу больше быть укомплектованным.

Не хочу больше быть довольным.

Не хочу больше быть самим совершенством.

Тайлер, спаси меня от этого!

Я договорился встретиться с Тайлером в баре.

Портье спросил, по какому телефону полиция может найти меня. Дождь все шел и шел. Моя «ауди» на стоянке была целехонька, только лобовое стекло пробито насквозь торшером «Дакапо» с галогенными лампами.

Мы встретились, выпили море пива, и Тайлер сказал мне, что я могу пожить у него, если окажу ему одну услугу. Мой чемодан прибыл на следующий день. Шесть пар рубашек и шесть пар трусов – все остальное пропало.

Мы сидели в баре, пьяные, и никому до вас не было дела и нам ни до кого. И я спросил Тайлера, что я должен сделать для него.

Тайлер сказал:

– Врежь мне изо всей силы.

6

Мы успели показать только два демонстрационных слайда, подготовленных мною для компании «Майкрософт», как кровотечение возобновилось и мне пришлось сглатывать кровь. Мой начальник не владеет материалом, но он ни за что не позволит мне проводить демонстрацию с подбитым глазом и щекой, вздувшейся от швов, наложенных с внутренней стороны. Они разошлись, и я вынужден сглатывать кровь. Мой начальник ведет презентацию по написанному мной сценарию, а меня он посадил к проектору, так что я сижу в темном углу комнаты.

Липкая кровь течет у меня по губам, я пытаюсь слизать ее, и, когда вспыхивает свет и я поворачиваюсь к Эллен, Уолтеру, Норберту и Линде – консультантам из «Майкрософт» – и благодарю их за внимание, во рту у меня булькает кровь, проступая в щелях между зубами.

Можно проглотить pintу собственной крови, прежде чем тебе станет дурно.

Завтра у нас встреча бойцовского клуба, и я не могу пропустить ее ни в коем случае.

Перед презентацией Уолтер улыбается мне фирменной улыбкой, демонстрируя контраст между жемчужными зубами и шикарным загаром, который оттенком напоминает картофельные чипсы, поджаренные на барбекю. Уолтер протягивает мне для рукопожатия руку, украшенную кольцом с печаткой, и мои пальцы тонут в его мягкой лапе.

– Страшно даже подумать, как выглядит тот, кому вы задали трепку.

Первое правило бойцовского клуба гласит: никому не рассказывать о бойцовском клубе.

Я объясняю Уолтеру, что я упал.

По собственной вине.

Перед презентацией я сижу рядом с начальником, и показываю ему по сценарию, где и какой слайд демонстрируется, и в каком месте я намерен включить видеомэгнитофон.

Начальник спрашивает меня:

– Почему каждый уик-энд ты попадаешь в какую-нибудь передрыгу?

Шрамы украшают мужчину, говорю я.

Фабричное состояние вышло из моды. Когда я вижу старые автомобили производства 1955 года, которые выглядят так, словно только что сошли с конвейера, мне становится противно.

Второе правило бойцовского клуба гласит: никому никогда не рассказывать о бойцовском клубе.

Ты отправляешься перекусить, и к твоему столику подходит официант, у которого синяки под глазами, словно у гигантской панды. Ты вспоминаешь, что видел его в прошлый уик-энд в бойцовском клубе: стокилограммовый верзила-грузчик прижимал его голову коленом к бетонному полу и методично бил его своим кулачищем в переносицу с глухим увесистым звуком, который пробивался даже сквозь одобрителный рев членов клуба, бил до тех пор, пока официант не исхитрился перевести дыхание и не прохрипел «Хватит!»

Ты не имеешь права говорить ничего, потому что бойцовский клуб существует только в период от начала и до конца встречи.

Ты видишь паренька, что работает в копировальном бюро. Ты познакомился с ним месяц назад. Он забывал подшивать при помощи дырокола заявки и прокладывать цветные пластиковые разделители между различными заказами, но в клубе этот парень бился как бог. Десять минут он выколачивал душу из главного бухгалтера, который был больше его в два раза, а затем повалил его на пол и лупил, пока тот не взмолился о пощаде. Таково третье правило бойцовского клуба: если противник теряет сознание, или делает вид, что теряет, или говорит «Хватит!», поединок окончен. Мы встречаемся каждый день, но нельзя даже и словом никому обмолвиться о том, какой он классный боец.

В поединке участвуют только двое. Никто не проводит поединков больше, чем один за вечер. Биться следует голыми по пояс и без обуви. Поединок продолжается столько, сколько потребуется. Таковы остальные правила бойцовского клуба.

В бойцовском клубе мы все – совсем другие люди, чем в реальной жизни. Даже если ты

скажешь парню из копировального бюро, что он – классный боец, ты скажешь это совсем другому человеку.

В бойцовском клубе я – совсем не тот человек, которого знает мой начальник.

Когда после поединка возвращаешься к повседневному существованию, кажется, что кто-то повернул ручку громкости. Ничто не может заставить тебя потерять самообладание. Твое слово – закон, и даже если другие сомневаются в этом или отрицают это, и тогда ничто не может заставить тебя потерять самообладание.

В повседневном существовании я – координатор отдела рекламаций в галстук и рубашке, сидящий в темноте с полным ртом крови и меняющий слайды и диаграммы, в то время как мой начальник разглагольствует перед консультантами из «Майкрософт», почему он выбрал для меня именно этот оттенок нежно-голубого цвета.

В первой встрече бойцовского клуба участвовали только я и Тайлер.

Раньше, когда я возвращался домой сердитый, сознавая, что безнадежно отстаю от личного пятилетнего плана, я довольствовался тем, что возился с машиной или вылизывал свой кондоминиум. Я знал, что в один прекрасный день умру, и мое тело будет как новенькое – без единого шрама – и такими же будут моя машина и мой кондоминиум.

Возможно, самосовершенствование – это еще не все.

Тайлер не знал, кто его отец.

Возможно, саморазрушение гораздо важнее.

Тайлер и я, мы по-прежнему ходим в бойцовский клуб вместе. Бойцовский клуб находится в подвале одного бара, и в этом подвале – после того, как бар закрывается в субботу ночью – собирается все больше и больше парней.

Тайлер становится под единственную лампу, которая висит посередине подвала, и видит, как из темноты блестят сотни глаз. И тогда Тайлер громко произносит:

– Первое правило бойцовского клуба: никому не рассказывать о бойцовском клубе.

– Второе правило бойцовского клуба, – продолжает Тайлер, – никому никогда не рассказывать о бойцовском клубе.

От меня отец ушел, когда мне уже исполнилось шесть лет, но я все равно его не помню. У моего отца привычка заводить новую семью в новом городе каждые семь лет. Он, очевидно, считает что семья – это что-то вроде сети фирменных ресторанов.

В бойцовском клубе собираются представители поколения мужчин, воспитанных женщинами.

Тайлер стоит под единственной лампой в кромешной тьме подвала, полного мужчин, и объявляет остальные правила: дерутся двое, не более одного поединка на каждого, биться без обуви и без рубашек, поединок продолжается столько, сколько потребуется.

– И седьмое правило, – громко объявляет Тайлер, – новичок обязан принять бой.

Ходить в бойцовский клуб – это совсем не то же самое, что смотреть футбол по телевизору. В телевизоре ты видишь толпу незнакомцев, которые молотят друг друга на обратной стороне земного шара. Сигнал передается через спутник с двухминутной задержкой, каждые десять минут матч перебивается то рекламой пива, то заставкой канала. После первого посещения бойцовского клуба люди начинают относиться к футболу по телевизору примерно так же, как к порнографии, когда под боком – шикарная женщина.

Вступив в бойцовский клуб, ты начинаешь посещать тренажерный зал, коротко стричь волосы и ногти. В тренажерных залах полно парней, которые хотят походить на мужчин, словно «походить на мужчин» означает выглядеть так, как велят скульпторы или рекламные фотографы.

Как говорит Тайлер, накачанным может назвать себя любое суфле.

Мой отец так и не получил высшего образования, поэтому он считал крайне важным, чтобы я получил его. Окончив колледж, я позвонил отцу в другой город и спросил:

– Папа, что мне делать дальше?

Отец не нашелся, что мне ответить.

Затем я устроился на работу, и когда мне исполнилось двадцать пять, вновь позвонил в другой город, и спросил – а что дальше?

Отец не знал и потому сказал: женись.

Мне тридцать лет, но я по-прежнему мальчик. Чем тут может помочь другая женщина?

То, что происходит в бойцовском клубе, словами не объяснишь. Некоторые парни хотели

бы драться каждую неделю. На этой неделе Тайлер сказал, что внутрь пускаются первые пятьдесят человек, а потом дверь закрывается. Баста.

На прошлой неделе я заметил одного парня, и мы записались на поединок. Видать у него была трудная неделя: он сразу же заломил мне руки за спину двойным нельсоном и начал размазывать мое лицо по бетонному полу. Глаз у меня опух, так что я не мог его открыть, из разбитой щеки текла кровь, губы лопнули, а когда я сказал «Хватит», приподнялся и посмотрел вниз, то увидел, что на полу остался кровавый отпечаток моего лица.

Тайлер стоит рядом со мной, он тоже видит на бетоне кровавое "О" моего рта и маленький росчерк глаза.

– Клево! – говорит Тайлер.

Я жму парню руку со словами: спасибо, отличный бой.

А он отвечает мне:

– Ну, так как насчет следующей недели?

Я пытаюсь улыбнуться распухшим лицом, я говорю, посмотри на меня. Может, лучше через месяц.

Нигде ты не чувствуешь жизнь так, как в бойцовском клубе. Когда остаешься наедине с противником под единственной лампой, окруженный со всех сторон толпой зрителей. Дело не в том, выиграешь ты или проиграешь. Дело не в словах. Вот новичок приходит в бойцовский клуб, и тело его похоже на хлебный мякиш. Но не проходит и месяца, и оно кажется выточенным из дерева. Теперь он способен отравиться самостоятельно с любой проблемой. Шум и прочие звуки в бойцовском клубе такие же, как в любом тренажерном зале, но в бойцовском клубе никто не заботится о внешности. Там выкрикивают непонятные слова на непонятном языке, как в церкви пятидесятников, а проснувшись утром в воскресенье, ты чувствуешь себя спасенным.

После последнего поединка мой противник затирает шваброй кровавое пятно на полу, пока я вызывал представителя страховой компании, чтобы получить направление в травматологический пункт. В больнице Тайлер объяснил врачу, что я упал.

– Иногда Тайлер говорит за меня.

Это все я сам.

За окнами тем временем всходит солнце.

О бойцовском клубе нельзя говорить хотя бы потому, что за исключением короткого промежутка времени с двух до семи в ночь с субботы на воскресенье бойцовского клуба не существует.

Ни я, ни Тайлер не дрались до того, как придумали бойцовский клуб. А если ты никогда не дрался, то боишься всего на свете: боишься боли, боишься того, что не сможешь справиться с противником. Я был первый, к кому Тайлер рискнул обратиться с этим предложением. Мы сидели в баре, мы были пьяны, никому вокруг не было до нас дела, и тут Тайлер сказал:

– Окажи мне одну услугу. Я хочу, чтобы ты врезал мне изо всей силы.

Сначала я отказывался, но Тайлер рассказал мне, что не хочет умереть без шрамов на теле, что ему надоело только смотреть по телевизору, как дерутся другие, что он желает больше узнать о себе.

Он рассказал мне про саморазрушение.

В то время мне казалось, что в моей жизни больше ничего не случится, поэтому я подумал, что стоит вырваться из клетки наружу и попытаться найти себе другую жизнь.

Я огляделся по сторонам и сказал, ладно, ладно, но давай лучше выйдем наружу, на стоянку.

Мы вышли, и я спросил, куда Тайлер хочет, чтобы я его ударил: в голову или в живот.

Тайлер сказал:

– Застигни меня врасплох.

Я сказал, что никогда никого не бил.

Тайлер сказал:

– Ну так дай себе волю.

Я сказал, закрой глаза.

Тайлер сказал:

– Ни за что.

Я поглубже вдохнул воздух и, целясь Тайлеру в подбородок, изобразил удар, виденный

сотни раз в ковбойских фильмах. Так поступают все новички в бойцовском клубе. Естественно, я попал не в подбородок – мой удар пришелся вскользь Тайлеру по шее.

Черт, сказал я, это не считается. Давай я перебею.

– Считается, считается, – и Тайлер неожиданно, как боксерская перчатка на пружине в воскресных мультиках, ударил меня кулаком прямо в грудь.

Меня отбросило на чью-то машину. Некоторое время мы стояли молча: Тайлер растирал себе шею, а я держался рукой за грудь в мы оба, как кот и мышонок из мультика, понимали, что забрели куда-то, где еще не бывали, но при этом все еще живы и нам очень хочется знать, как долго можно идти по этой дороге, оставаясь живыми.

Тайлер сказал:

– Клево.

Я сказал, ударь меня еще.

Тайлер сказал:

– Нет, теперь твоя очередь.

И я ударил его как-то по-женски, неловко, прямо в ухо, а Тайлер в ответ пнул меня в живот. Все, что произошло дальше, словами не объяснишь. Как раз в это время бар закрылся. Люди выходили из него, собирались вокруг нас на стоянке и кричали.

Не знаю, что уж там понял Тайлер, но я почувствовал, что теперь я в состоянии справиться со всеми неполадками в моем мире: и с химчисткой, которая постоянно возвращает мне рубашки со сломанными пуговицами, и с банком, засыпающим меня сообщениями о превышении кредита, и с моей работой, и с начальником, который хозяйничает в моем компьютере, как у себя дома, меняя настройки ДОС. И с Марлой Зингер, которая украли мои группы поддержки.

Когда наш поединок закончился, ни одна из этих проблем никуда не девалась, но мне теперь было на них наплевать.

Наш первый с Тайлером поединок случился субботней ночью: Тайлер не брился с пятницы, так что после поединка мои костяшки были ободраны в кровь о его щетину. Лежа на автостоянке на спине рядом с Тайлером и глядя на единственную звезду, которая пробивалась сквозь свет уличного фонаря, я спросил его, с кем он бился.

И Тайлер сказал: со своим отцом.

Впрочем, дело, возможно, совсем не в этом.

В бойцовском клубе личность противника значения не имеет. Ты просто бьешься – и все. Хотя первое правило запрещало говорить о бойцовском клубе, мы все равно говорили, и вскоре на автостоянке после закрытия бара стало собираться все больше и больше парней. Когда похолодало, мы нашли другой бар, в котором нам разрешили собираться в подвале. Каждая встреча бойцовского клуба начинается с того, что мы с Тайлером оглашаем установленные нами правила.

– Большинство из вас, – заявляет Тайлер, – очутились здесь потому, что кто-то нарушил правило. Кто-то рассказал вам о бойцовском клубе.

Тайлер говорит:

– Так что у каждого из вас есть выбор: или перестать болтать о нашем бойцовском клубе или открыть свой где-нибудь в другом месте, потому что в один прекрасный день вы придете сюда и обнаружите, что не попали в число первых пятидесяти допущенных. Но если уж ты попал, то тебе придется принять бой или признать, что отнимаешь место у тех, кто стоял в очереди за тобой.

– Если ты пришел в бойцовский клуб впервые, – говорит Тайлер, – ты обязан принять бой.

Очень многие приходят в бойцовский клуб, потому что боятся сразиться с чем-то в своей жизни. После нескольких схваток они перестают бояться.

Многие становятся в бойцовском клубе лучшими друзьями. Все чаще и чаще на собраниях и конференциях я встречаю бухгалтеров, младших менеджеров и адвокатов с разбитым носом, который высовывается из-под гипса, фиолетовый как баклажан, или с парой-другой швов под глазом или со сломанной челюстью, стянутой металлической струбциной. Это спокойные люди: они сидят и слушают, и ждут, когда настанет время принять решение.

Мы киваем друг другу.

Как-то раз начальник спросил меня, откуда у меня так много знакомых.

По мнению моего начальника, среди деловых людей все реже и реже можно встретить

джентльмена и все чаще – шпану.

Презентация продолжается.

Уолтер из «Майкрософт» бросает на меня взгляд. Уолтер – молодой парень с идеальными зубами и красивой кожей – занимает завидный пост и пишет письма в журнал выпускников привилегированного колледжа. Он родился слишком поздно, чтобы стать участником любой войны, и если его родители не разведены, то все равно отец редко бывал дома. Он вглядывается в темноту, пытаюсь рассмотреть мое лицо, одна половина которого гладко выбрита, а вторая – представляет собой один сплошной синяк. Кровь блестит у меня на губах. Не знаю уж, о чем он думает сейчас: может о вегетарианском пикнике в прошлые выходные, может, об озонном слое или необходимости прекратить испытания новых продуктов на животных, но, скорее всего, – о чем-то другом.

7

Одним прекрасным утром я нахожу использованный презерватив, который плавает словно медуза в моем унитазе.

Вот как Тайлер познакомился с Марлой Зингер.

Я встал отлить и вдруг прямо над разводами ржавчины, напоминающими наскальную живопись, плавает это. Интересно, что творится в голове у сперматозоидов?

Что это?

Неужели шейка матки?

Всю ночь напролет мне снилось, что я вставляю Марле Зингер. Марла Зингер курит сигарету. Марла Зингер закатывает глаза. Я просыпаюсь в одиночестве, дверь в комнату Тайлера закрыта. Но Тайлер никогда не закрывает дверь своей комнаты. Всю ночь шел дождь. Кровля на крыше давно прогнила, провисла и разошлась, вода протекает на чердак, собирается над оштукатуренным потолком и каплями просачивается сквозь трещины в штукатурке.

Когда идет дождь, мы выкручиваем пробки из распределительного щита. Все равно во время дождя электричество здесь может включить только самоубийца, В доме, который снимает Тайлер, три этажа и подвал.

Когда идет дождь, мы зажигаем свечи. В этом доме имеются кладовые и альковы, отгороженные ширмами, и даже витражи на лестничных площадках. Эркеры в гостиной с думками, стоящими возле окон. Резные плинтусы в полметра толщиной, покрытые лаком.

Дождь просачивается повсюду, и дерево, из которого построен дом, набухает и корежится, а гвозди, которыми скреплено дерево, ржавеют и выпадают.

Отовсюду торчат ржавые гвозди, на которые легко наступить или напороться локтем, и на семь спален имеется только один туалет и вот в нем-то я и нахожу использованный презерватив.

* * *

Дом чего-то ждет – то ли утверждения плана застройки, то ли обнародования завещания, – после чего он пойдет под снос. Я спросил Тайлера, как давно он поселился здесь, и Тайлер ответил – шесть недель. В первобытную эпоху ответственный квартиросъемщик этого дома скопил горы журналов – в основном, «Нейшнл Джографик» и «Ридерз Дайджест». Горы эти становятся с каждым дождем все выше и выше. Последний жилец, сказал Тайлер, свертывал пакетики для кокаина, вырывая страницы из этих журналов. Замок на входной двери отсутствует с тех пор, как кто-то ее вышиб – возможно, это была полиция. На стенах столовой пучатся девять слоев обоев: цветочки поверх полосок, полоски поверх цветочков, цветочки поверх птичек, птички поверх листочков.

По соседству с нами нет ничего: закрытый автомобильный магазин, а на другой стороне улицы – склад, длиной в целый квартал. Еще в нашем доме имеется стенной шкаф, в котором мы нашли семь длинных валиков – на них скатывали камчатые скатерти, чтобы не морщились. И еще один шкаф для хранения изделий из меха, с охлаждением и обивкой из кедровых досок. Плитка в ванной комнате расписана вручную маленькими цветочками так, как не всякий свадебный сервиз расписан, а в унитазе плавает использованный презерватив.

Я живу вместе с Тайлером уже около месяца.

Тайлер выходит к завтраку, демонстрируя шею и грудь, покрытую засосами. Я сижу и читаю старый номер «Ридерз Дайджест». Торговцы наркотиками любят такие дома, как наш. Соседей нет. И вообще на Бумажной улице нет ничего, кроме складов и бумажной фабрики. Пар, вырывающийся из ее труб, воняет кишечными газами, а запах оранжевых куч опилок, громоздящихся на ее дворе, похож на запах от клетки с хомячком. Торговцы наркотиками любят такие дома, как наш, потому что днем по Бумажной улице проезжает тьма тьмуца грузовиков, но ночью кроме нас с Тайлером на километр вокруг нет ни единой живой души.

В подвале я нашел груды старых номеров «Ридерз Дайджест» и теперь в каждой комнате лежит стопка журналов.

«ЖИЗНЬ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ».

«СМЕХ – ЛУЧШЕЕ ЛЕКАРСТВО».

Кроме этих журналов у нас и мебели-то практически нет никакой.

В самых старых журналах есть очень смешные статьи: например те, в которых человеческие органы рассказывают о себе от первого лица. «Я – Матка Джейн».

«Я – Простата Джо».

Честное слово, так и написано. И вот Тайлер, голый по пояс, выходит к столу, и торс его сплошь покрыт засосами, и он рассказывает мне, что вчера вечером познакомился с Марлой Зингер и переспал с ней.

Услышав это, я превращаюсь в Желчный Пузырь Джо. Сам виноват. Иногда расплачиваешься за содеянное, а иногда – за то, чего не сделал.

Вчера вечером я позвонил Марле. Мы договорились с ней, что перед тем, как пойти в группу поддержки, мы созваниваемся, чтобы не столкнуться на месте нос к носу. В тот вечер намечалась меланомы, а я был немного не в духе.

* * *

Марла живет в отеле «Регент». Несмотря на громкое имя, это всего лишь куча кирпичей, скрепленных соплями. В подобных отелях хозяева любят упаковывать матрасы в большие пластиковые мешки, чтобы постояльцы, которые частенько из таких ночлежек отправляются прямо на тот свет, не испортили их. Из-за этого стоит только неосторожно сесть на край кровати, как ты вместе с одеялом и простынями мигом оказываешься на полу.

Я позвонил Марле в отель «Регент», чтобы узнать, собирается ли она на меланому.

Марла едва могла говорить. Она сказала мне, что возможно это и не настоящее самоубийство, а так называемый «крик о помощи», но она только что приняла целую упаковку снотворного.

Представьте себе это зрелище: Марла мечется по своей неприбранной комнате в отеле «Регент» и причитает: «Я умираю! Умираю! Умираю!».

Это может затянуться надолго.

Так ты сегодня никуда не пойдешь?

Я умираю на полном серьезе, объясняет Марла. Если хочешь насладиться этим зрелищем, можешь взять и приехать.

Спасибо, конечно, говорю я, но у меня другая программа на вечер.

Ну и ладно, говорит Марла. Умереть можно и в компании телевизора. Лишь бы там было что смотреть сегодня вечером.

А я пошел на меланому. Вернулся рано. И заснул.

И вот, следующим утром за завтраком Тайлер, с ног до головы покрытый засосами, объясняет мне, что Марла – сучка и извращенка, но именно это ему в ней и нравится.

Вчера вечером после меланомы я пришел домой и сразу лег спать. И мне снилось всю ночь, что я вставляю, вставляю и вставляю Марле Зингер.

И вот, следующим утром я слушаю разглагольствования Тайлера, притворяясь, что читаю «Ридерз Дайджест».

«Юмор В Униформе».

Я – Воспаленный Желчный Проток Джо.

А что она говорила ночью, сообщает Тайлер. Ни от одной девчонки он такого не слыхивал.

Я – Скрипящие Зубы Джо.

Я – Пылающие Раздутые Ноздри Джо.

После того, как они с Марлой переспали раз десять подряд, говорит Тайлер, Марла сказала, что хочет забеременеть. Марла сказала, что она хочет забеременеть, чтобы сделать аборт от Тайлера.

Я – Побелевшие Костяшки Пальцев Джо.

Тайлер не мог на такое не купиться. Ведь это он прошлой ночью вклеивал кадры половых органов в диснеевскую «Белоснежку».

Как я мог теперь претендовать на внимание со стороны Тайлера?

Я – Вспухшее Зудящее Отвращение Джо.

Но хуже всего то, что я сам во всем виноват. После того, как я уснул, Тайлер вернулся домой с банкета, на котором работал официантом, и тут Марла позвонила снова из отеля «Регент». Все правда, сказала Марла. И туннель, по которому летишь, и свет в конце туннеля. Марла говорит, что смерть – это очень клево, и она чувствует настоятельную потребность немедленно поделиться со мной тем, как она вышла из своего тела и посмотрела на него со стороны.

Марла сказала, что не уверена в том, могут ли духи разговаривать по телефону, но хочет, чтобы я хотя бы услышал ее последний вздох.

Тут Тайлер хватает телефон, слышит эти слова и понимает все превратно.

Он ведь ни разу не видел Марлу, поэтому ему показалось, что ее смерть – это большая потеря.

* * *

Вот еще!

Тайлера все это никак не касалось, тем не менее он вызвал полицию, взял такси и помчался в отель «Регент». Отныне в соответствии с древнекитайским обычаем, известным нам из телевизора, Тайлер навсегда в ответе за Марлу, поскольку спас ей жизнь.

Если бы я не пожалел своего времени, поехал и проследил бы за тем, чтобы Марла умерла, ничего бы этого не случилось.

Тайлер рассказывает мне, что Марла живет в номере «8Г» на последнем этаже отеля «Регент» – это восемь пролетов вверх по лестнице, а затем через шумный коридор мимо дверей, из-за которых брызжет консервированный телевизионный смех. Каждые пару секунд слышится стон актрисы или крик актера, пронзенного пулями. Тайлер проходит весь коридор, направляясь к последней двери. Не успеваешь он и постучаться, как дверь номера «8Г» распахивается и смуглая тонкая рука, стремительно схватив Тайлера за запястье, втаскивает его внутрь.

Я делаю вид, что полностью поглощен чтением «Ридерз Дайджест».

Тайлер слышит, как перед отелем «Регент» взвизгивает сирена полицейской машины и скрипят тормоза. На тумбочке стоит фаллоимитатор, сделанный из того же розового пластика, что и миллионы кукол Барби во всем мире. На мгновение Тайлера посещает видение миллионов игрушечных пупсов, кукол Барби и фаллоимитаторов, отлитых из розового пластика и едущих по конвейеру какой-то тайваньской фабрики.

Марла замечает, куда смотрит Тайлер, закатывает глаза и говорит:

– Не бойся, тебе это не угрожает.

Затем Марла выталкивает Тайлера в коридор и говорит, что, к сожалению, полицию он вызвал совершенно зря, это ведь полиция там внизу топочет, не так ли?

Очутившись в коридоре, Марла запирает двери в номер «8Г» и пихает Тайлера в направлении лестницы. На лестнице Марла и Тайлер прижимаются к стене, чтобы пропустить полицейских и санитаров с кислородным баллоном, которые спрашивают, как пройти к номеру «8Г».

Марла показывает им на дверь в конце коридора.

Марла кричит полицейским вслед, что девушка из номера «8Г» когда-то была очаровательной и милой, но теперь превратилась в законченную суку. Она превратилась в зловредную ни на что не годную дрянь, она боится заняться не тем, чем следует, и поэтому предпочитает не заниматься ничем.

– Девушка из номера «8Г» не верит в себя, – кричит Марла, – и боится, что, чем старше она станет, тем меньше будет у нее выбора. Надеюсь, вы успеете ее спасти!

В то время, когда полицейские вышибают дверь в номер, Марла и Тайлер уже бегут по вестибюлю.

Полицейский кричит перед дверью:

– Позвольте помочь вам, мисс Зингер! Вы должны жить! Впустите нас, и мы поможем вам разобраться с вашими проблемами.

Марла и Тайлер бегут по улице. Вскрикивают в такси. Бросив взгляд из машины, Тайлер видит тени, движущиеся за окнами номера Марлы.

Когда машина выехала на шестиполосную автостраду, по которой в никуда мчатся миллионы огней, Марла сказала, что Тайлер должен не дать ей заснуть до утра. Если она заснет, то ей крышка.

Марла рассказала Тайлеру, что многие желают ей смерти. В основном это те, что уже сами умерли. Они звонят ей по телефону с того света и молчат. Порой в баре бармен подзывает Марлу к телефону, она берет трубку, а там – мертвое молчание.

Тайлер и Марла провели всю ночь в соседней со мной комнате. Когда Тайлер проснулся, Марлы уже не было. Наверное, вернулась в отель «Регент».

Я говорю Тайлеру, что Марле нужен не любовник, а психиатр.

– А про любовь здесь и речи нет, – отвечает Тайлер.

Короче говоря, на сцене вновь появляется Марла, чтобы погубить еще одну часть моей жизни. Это началось со мной еще в колледже. Заводишь друга, друг женится, и у тебя больше нет друга.

Отлично.

Ясное дело, говорю я.

Тайлер спрашивает, чем я обеспокоен.

Я – Сжатые В Комок Кишки Джо.

Нет, нет, все отлично, говорю я.

Приставил бы кто мне пистолет к виску и размазал бы мозги по стене.

Все в полном порядке, говорю я. Честное слово.

8

Мой начальник отпустил меня домой переодеть брюки, на которых он заметил пятна засохшей крови. Я не возражал.

Дыра в моей щеке все никак не заживает. Я иду на работу, а мои подбитые глаза похожи на черные бублики, посередине которых что-то вроде двух узеньких сфинктеров – через них-то я и смотрю на мир. До сегодняшнего дня меня расстраивало, что никто не заметил, как я превратился в полностью погруженного в медитацию учителя ДЗЕН. Я принадлежу к школе ФАКС. Я пишу эти маленькие стишки, которые называются ХАЙКУ и посылаю их всем по ФАКСУ. Когда я прохожу через холл нашей конторы, и ВСЕ с нескрываемой враждебностью смотрят на меня, я испытываю полный ДЗЕН.

Пчелы и трутни

Улей вольны оставить.

Матка – рабыня.

Раздай все твое имение и машину твою, и поселись в арендованном доме, в заваленной токсичными отходами части города и слушай, как по ночам Тайлер и Марла в соседней комнате называют друг друга подтиркой для жопы.

Получи, ты, подтирка для жопы!

Я сказал тебе, делай, ты, подтирка для жопы!

Заткни пасть! Остынь, крошка!

В сравнении с этим я выгляжу как маленький спокойный центр вселенной.

И вот я, с подбитыми глазами и с засохшей коркой крови на брюках, захожу в контору и говорю всем ПРИВЕТ. ПРИВЕТ! Посмотрите на меня, ПРИВЕТ! Я – полный ДЗЕН. Это –

КРОВЬ. Это – НИЧТО. Привет. Ничто не имеет значения, и чувствовать себя ПРОСВЕТЛЕННЫМ – это так КЛЕВО.

Вздых.

Взгляд.

Там за окном. Птица.

Начальник спрашивает, моя ли это кровь.

Птица летит по ветру. Я сочиняю в уме крошку-хайку.

Лишившись гнезда,

Птица весь мир обретет.

Жить ради жизни.

Я проверяю на пальцах: пять слогов, семь, снова пять.

Ах, кровь, моя ли?

Ага, отвечаю я. Отчасти.

Ответ неправильный.

* * *

Какая, в конце концов, разница. У меня две пары черных брюк, шесть белых рубашек и шесть смен нижнего белья. Необходимый минимум. Я хожу в бойцовский клуб. Чего тут необычного.

– Отправляйся домой, – говорит начальник. – Переоденься.

Я начал задумываться над тем, не являются ли Тайлер и Марла на самом деле одним и тем же лицом. Если не считать того, что они трахаются каждую ночь в комнате Тайлера.

Трахаются.

Трахаются.

Трахаются.

Тайлер и Марла никогда не находятся в одной и той же комнате. Я никогда не видел их вместе.

Ну и что, вы никогда не видели вместе меня и За За Габора, но это ведь не означает, что мы – одно и то же лицо. Просто Тайлер никогда не выходит из комнаты, когда у него в гостях Марла.

Чтобы я мог постирать брюки, Тайлер должен научить меня варить мыло. Тайлер где-то наверху, а на кухне пахнет гвоздикой и паленым волосом. Марла сидит за кухонным столом, прижигает длинной ароматизированной сигаретой себе запястье и называет себя подтиркой для зада.

– Я принимаю свое болезненное гнойное состояние как данность, – говорит Марла, обращаясь к огоньку сигареты.

Марла вкручивает сигарету в белую мякоть своей руки:

– Гори, ведьма, гори!

Тайлер наверху, у меня в комнате, скалится в мое зеркало, изучая свои зубы. Он говорит мне, что устроился на временную работу официантом на банкетах.

– В отеле «Прессман», если есть свободное время по вечерам, – говорит Тайлер. – Такая работа способствует развитию чувства классовой ненависти.

Ладно, говорю я, мне плевать.

– Бабочку выдает администрация, – добавляет Тайлер. – От тебя потребуются только черные брюки и белая рубашка.

Мыло, Тайлер, говорю я. Нам нужно мыло. Я должен постирать брюки.

Я держу ногу Тайлера, пока он делает двести приседаний на одной ноге.

– Чтобы сделать мыло нам потребуется высококачественный жир, – говорит Тайлер.

Тайлер – кладезь ценной информации.

За исключением того времени, когда они трахаются, Марла и Тайлер никогда не находятся в одной комнате вместе. Когда Тайлер со мной, Марла избегает его. Мне это знакомо. Точно так

же вели себя друг с другом мои родители перед тем, как мой отец собрался открыть филиал семьи в другом городе.

Мой отец всегда говорил:

– Женись, прежде чем секс тебе надоест, иначе вообще никогда не женишься.

Моя мать всегда говорила:

– Никогда не покупай вещей с пластмассовой молнией.

За всю свою жизнь мои родители ни разу не сказали чего-то такого, что хочется вышить шелком на своей подушке.

Тайлер сделал сто девяносто восемь приседаний. Сто девяносто девять. Двести.

На нем тренировочные шорты и что-то вроде халата для ванной из рифленой резины.

– Сделай так, чтобы Марла свалила из дома, – говорит Тайлер. – Пошли ее в магазин за банкой щелочи. Только пусть купит щелочь в хлопьях. Ни в коем случае не кристаллическую. В общем, как-нибудь избавься от нее.

Мне шесть лет и я работаю курьером: доставляю сообщения от отца матери и наоборот. Мои родители не разговаривают друг с другом. Я ненавидел это, когда мне было шесть лет. Я ненавижу это и сейчас.

Тайлер начинает делать «ножницы», а я спускаюсь вниз, говорю Марле про щелочь в хлопьях и даю ей десять долларов и проездной на автобус. Марла по-прежнему сидит за столом и курит сигарету, которая пахнет гвоздикой. Я вынимаю сигарету у нее из пальцев. Нежно и спокойно. Затем посудной тряпкой я стираю ржавые пятна на руке Марлы там, где пузыри от ожогов начали кровоточить. Затем я вдеваю поочередно ее ступни в туфли на высоком каблуке.

Марла смотрит, как я изображаю принца из «Золушки», и говорит:

– Я решила зайти. Думала, дома никого нет, а дверь у тебя все равно не запирается.

Я молчу в ответ.

– Знаешь, – говорит Марла, – презерватив – это хрустальный башмачок нашего поколения. Надеваешь его при встрече с незнакомцем, танцуешь до утра, а затем выбрасываешь в мусор. В смысле, презерватив, а не незнакомца.

Я не разговариваю с Марлой. Она может чесать языком в группах поддержки и с Тайлером, но со мной подружиться ей не удастся.

– Я прождала тебя здесь все утро.

Пепел ли ветер

Принес или снежинки -

Камню нет дела.

Марла встает из-за кухонного стола. На ней голубое платье с короткими рукавами из какого-то блестящего материала. Марла задирает подол, так что я вижу швы на изнанке платья. На Марле нет нижнего белья. Она подмигивает мне.

– Я хотела показать тебе мое новое платье, – говорит Марла. – Это свадебное платье ручной работы. Тебе нравится? Я купила его у старьевщика за один доллар. Представляешь, кто-то сидел и делал все эти крошечные стежки, чтобы сшить это дрянное, дурацкое платье, – говорит Марла.

Подол платья с одной стороны длиннее, чем с другой, а пояс сполз Марле на самые бедра.

Прежде чем уйти в магазин, Марла поднимает еще раз подол кончиками пальцев и кружит вокруг меня и кухонного стола, виляя голыми ягодицами. Она никак не может понять, говорит Марла, почему это люди с такой легкостью выбрасывают то, от чего они были буквально без ума ночь назад. Рождественская елка, к примеру. Миг назад она была в центре всеобщего внимания. И вот, вместе с сотнями таких же елок, лежит никому не нужная в кювете вдоль шоссе, блестя фольгой, золотой и серебряной. Смотришь на эти елки и думаешь то ли о жертвах дорожно-транспортного происшествия, то ли о жертвах сексуального маньяка, который бросает их связанными черной изолентой и с нижним бельем, вывернутым наизнанку.

Как я хочу, чтобы она, наконец, свалила.

– Я была в Центре бродячих животных и подумала об этом, – говорит Марла. – Там все эти звери, все эти песики и кошечки, которых хозяева любили, а потом выбросили на улицу, из кожи вон лезут, чтобы ты обратил на них внимание, потому что через три дня им впрыснут смертель-

ную дозу фенобарбитала натрия, а затем сожгут в крематории для домашних животных. Такой вот Освенцим для некогда любимых. И даже если кто-то любит тебя до такой степени, что однажды спас тебе жизнь, то тебя, как минимум, уж точно стерилизуют.

Марла смотрит на меня так, словно это я ее трахаю:

– Но ведь последнее слово всегда остается за тобой?

Марла идет к двери, напевая тему из этого дурацкого «Списка Шиндлера».

Я провожаю ее взглядом.

После ухода Марлы на две секунды воцаряется молчание.

Я оборачиваюсь. У меня за спиной стоит Тайлер.

Тайлер спрашивает:

– Ну что, избавился от нее?

Он всегда появляется беззвучно, этот Тайлер.

– Для начала, – Тайлер распахивает холодильник и начинает рыться в нем, – для начала надо вытопить сало.

По поводу начальника Тайлер говорит мне, что если и вправду не хочу читать депеши от него, то мне достаточно пойти в почтовое отделение, заполнить заявление о смене адреса и пусть все его цидульки отправляются напрямиком в какую-нибудь богом забытую дыру в Северной Дакоте.

Тайлер извлекает из морозильника пластиковые пакеты с чем-то белым и замороженным и складывает их в мойку. Я же тем временем ставлю котел на плиту и наполняю его водой. Мало воды нальешь, и вытапливаемый из сала жир сразу потемнеет.

– В этом жире содержится очень много солей, так что чем больше воды, тем лучше, – говорит Тайлер.

Кладем сало в воду и доводим воду до кипения.

Тайлер выдавливает в воду белую гущу из каждого мешка, а пустые мешки складывает в контейнер для мусора.

И говорит:

– Шевели мозгами. Вспомни всю эту чушь, которой тебя учили в бойскаутах. Вспомни курс химии для старших классов.

Трудно представить себе, что Тайлер когда-то был бойскаутом.

А вот еще что я могу сделать, по словам Тайлера. Могу поехать к дому начальника и подключиться через шланг к патрубку системы водоснабжения его дома. Взять ручной насос и вкачать в систему некоторое количество промышленного красителя. Красного, зеленого, голубого – неважно. А потом посмотреть, как мой начальник будет выглядеть на следующий день. А еще можно сесть в кустах и при помощи того же насоса поднять давление в системе до семи атмосфер. Когда кто-нибудь пойдет в туалет и сольет воду, бачок взорвется. При десяти атмосферах, если кто-нибудь откроет душ, с душа сорвет насадку, и она полетит вниз со скоростью пушечного ядра.

Тайлер хочет поддержать меня морально. Но, если честно, я люблю моего начальника. Я же теперь просветленный. Почти как Будда. Паук в центре хризантемы. Алмазная сутра и космическая мантра. Хари Рама, ясное дело. Кришна, Кришна. Одним словом, Просветленный.

– Оттого, что ты засунул в жопу перо, – говорит Тайлер, – ты еще не стал павлином.

Сало топится, и жир всплывает на поверхность воды.

Ах так, говорю я, значит, это я воткнул в жопу перо?

Словно оттого, что у Тайлера все руки покрыты сигаретными ожогами, душа его продвинулась на высший уровень. Мистер и миссис Подтирки Для Жопы. Я придаю своему лицу невозмутимое выражение и превращаюсь в одну из тех индийских коров, которых время от времени приходится отстреливать работникам аэропортов.

Уменьшить огонь на плите.

Я перемешиваю кипящую воду.

Все больше и больше жира всплывает на поверхность воды, пока не образуется толстый слой перламутрового цвета. Сними слой жира большой ложкой.

Итак, спрашиваю, что там Марла?

Тайлер говорит:

– Она, по крайней мере, хочет дойти до точки. Я перемешиваю кипящую воду. Снимать

жир надо до тех пор, пока он не вытопится весь. Только жир, вытопленный подобным образом, обладает хорошим качеством. Только такой жир нам и нужен.

Тайлер говорит, что я не хочу дойти до точки. А если не дойти до точки, то нечего и надеяться на спасение, Иисус пошел на распятие. Дело не просто в том, чтобы отказаться от денег, собственности и положения в обществе. Такой пикник может себе позволить каждый. Дело в том, что от самосовершенствования я должен перейти к саморазрушению. Надо начинать рисковать.

Это, в конце концов, не научный семинар.

– Если струсишь, не дойдя до точки, – говорит Тайлер, – у тебя ничего не выйдет.

Воскрешение возможно только после полного саморазрушения.

– Только потеряв все, – говорит Тайлер, – мы приобретаем свободу.

Интересно, есть такая вещь, как преждевременное просветление?

– Мешать-то не забывай, – говорит Тайлер.

После того, как весь жир вытопился, слить кипяток. Вымыть котел и наполнить его свежей водой.

Я спрашиваю Тайлера, неужели мне еще так далеко до точки?

– Ты даже и представить не можешь себе, говорит Тайлер, – как далеко.

Повтори процесс со снятым жиром. Растопи его в водяной бане и снимай верхний слой.

– В сале, которое мы используем, очень много солей, – говорит Тайлер, – а если солей слишком много, то мыло не затвердеет.

Растапливай и снимай.

Марла возвращается.

В тот же момент, как Марла открывает раздвижную дверь, Тайлер исчезает. Он пропадает так стремительно, словно кинулся из комнаты наутек.

Может, пошел наверх, а может – в подвал спустился.

Подлый трус.

Марла возвращается, неся в руках пластмассовую канистру со щелочью в хлопьях.

– У них там, в магазине, была туалетная бумага, изготовленная на сто процентов из переработанной туалетной бумаги, – говорит Марла. – Ну и работенка, наверное, перерабатывать туалетную бумагу.

Я беру канистру и, не сказав ни слова, ставлю ее на стол.

– Могу я сегодня остаться на ночь? – спрашивает Марла.

Я считаю в уме слоги: пять, семь и снова пять.

Улыбка змеи,

Тигра приветливый взгляд:

Ложь – источник зла.

Марла говорит:

– Что это ты такое варишь?

Я – Точка Кипения Джо.

Вали отсюда, просто вали и не задавай вопросов. Что тебе, мало того времени, которое ты у меня уже отняла?

Марла хватается за рукав и задерживается на секунду, чтобы поцеловать меня в щеку.

– Позвони мне, – просит она, – Пожалуйста, позвони, нам надо с тобой поговорить.

Я повторяю: да, да, да, да, да.

Как только Марла выходит из дома, Тайлер возвращается.

Словно по волшебству. Мои родители в совершенстве владели этим волшебством. Они упражнялись в нем пять долгих лет.

Я вытапливаю жир, а Тайлер тем временем освобождает место в холодильнике. Клубы пара заполняют все вокруг, и вода капает с потолка кухни. На задней стенке холодильника горит со-рокаваттная лампочка. Свет ее с трудом пробивается через ряды пустых бутылок из-под кетчупа и банок с маринадом. Но и этого мне хватает, чтобы отчетливо рассмотреть профиль Тайлера.

Вытапливай и снимай слой. Вытапливай и снимай слой. Сливай жир в пустые картонки из-под молока со срезанным верхом.

Пододвинув стул к открытому холодильнику, Тайлер следит за тем, как застывает жир.

Я становлюсь на колени перед Тайлером рядом с холодильником, и Тайлер показывает мне линии у меня на ладонях. Линия жизни. Линия любви. Бугры Венеры, бугры Марса. Вокруг нас – холодный туман, наши лица освещены тусклым светом.

– Окажи мне еще одну услугу, – просит Тайлер.

Ты имеешь в виду Марлу, не так ли?

– Не смей мне даже говорить о ней. И не смей говорить с ней обо мне у меня за спиной. Обещаешь? – настаивает Тайлер.

Обещаю.

– Если ты упомянешь меня при ней, то больше никогда меня не увидишь.

Обещаю.

Обещаешь?

Обещаю.

Тайлер говорит:

– Запомни, ты пообещал мне это трижды.

Слой какой-то густой и прозрачной жидкости собирается на поверхности жира в холодильнике.

Жир, говорю я, разделяется.

– Все правильно, – замечает Тайлер. – Это глицерин. При производстве мыла его смешивают с твердым жиром. А мы его снимем.

Тайлер облизывает губы и кладет мою руку ладонью вниз к себе на колено, покрытое полкой его халата из рифленой резины.

– Если смешать глицерин с азотной кислотой. получится нитроглицерин, – говорит Тайлер.

Я делаю глубокий вздох и повторяю слово «нитроглицерин».

Тайлер еще раз облизывает губы и влажным ртом прикладывается к тыльной стороне моей ладони.

– Если смешать нитроглицерин с натриевой селитрой и опилками, то получится динамит, – говорит Тайлер.

След его поцелуя влажно блестит на моей белой руке.

Динамит, повторяю я, и присаживаюсь на корточки.

Тайлер откручивает крышку на канистре со щелочью.

– Им можно взрывать мосты, – добавляет Тайлер.

– Если смешать нитроглицерин с парафином и дополнительным количеством азотной кислоты, то получится пластит, – говорит Тайлер. – Им можно взорвать даже небоскреб.

Тайлер наклоняет канистру со щелочью над влажным следом поцелуя на моей руке.

– Это химический ожог, – объясняет Тайлер. – Это больнее, чем все, что ты знал до сих пор. Больнее, чем тысяча сигарет одновременно.

Поцелуй блестит на моей руке.

– Шрам останется навсегда, – предупреждает Тайлер.

– Если у тебя будет достаточно мыла, ты сможешь взорвать весь земной шар, – говорит Тайлер. – А теперь помни, что ты мне обещал.

И Тайлер высыпает щелочь из канистры.

9

Слюна Тайлера была нужна по двум причинам. Во-первых, к влаге прилипали чешуйки щелочи, которые вызывали ожог. Во-вторых, ожог может произойти только тогда, когда мы имеем дело с раствором щелочи в воде. Или слюне.

– Это химический ожог, – говорит Тайлер. – Это больнее, чем все, что ты знал до сих пор.

Недаром щелочь используют для прочистки засорившейся канализации.

Закрой глаза.

Паста из щелочи и воды прожигает насквозь алюминиевую сковородку.

Водная щелочь без остатка растворяет деревянную ложку.

При смешивании с водой щелочь разогревается до двухсот градусов и именно при этой температуре начинает прожигать мои ткани. Тайлер прижимает мои пальцы к колену, не давая

мне отдернуть руку, а второй ладонью упирается в ширинку моих перепачканных краской брюк, и говорит, что я должен запомнить этот момент навсегда, потому что это самый главный момент в моей жизни.

– Потому что все, что произошло до этого, стало историей, – говорит Тайлер, – а все, что произойдет после этого – историей станет.

Это – величайший момент нашей жизни.

Очертания щелочного ожога на моей руке в точности повторяют очертания губ Тайлера. Ощущение такое, словно на руке развели костер, или приложили раскаленное клеймо, которым клеймят животных, или положили на нее аварийный ядерный реактор. Но это не рука – это нечто, размытая картинка, висящая в конце долгого-долгого пути. Я пытаюсь о ней так думать.

Представьте, что костер горит где-то за линией горизонта. Как закат солнца.

– Не пытайся отвлечься от боли, – говорит Тайлер.

Очень напоминает направленную медитацию под руководством Клои в группе поддержки.

Даже мысленно не произноси слово боль.

Медитация помогает при раке, почему бы ей и здесь не помочь?

– Посмотри на руку, – говорит Тайлер.

Не смотри на руку.

Не произноси даже мысленно такие слова, как прижигание, плоть, ткань, обугленная.

Постарайся не слышать собственных стонов.

Медитируй.

Закрой глаза и представь, что ты в Ирландии.

Ты в Ирландии, летом, после того, как закончил колледж, и ты пьешь в пабе рядом с замком, куда каждый день прибывают сотни автобусов с американскими и английскими туристами, приехавшими приложиться к камню Бларни.

– Никогда не забывай, – говорит Тайлер, – что между изобретением мыла и человеческими жертвоприношениями существует связь.

Когда паб закрывается, ты покидаешь его вместе с группой мужчин и идешь по ночным улицам. Только что прошел дождь, и капли влаги блестящими бусинами покрывают запаркованные автомобили. Наконец, ты добираешься до замка Бларни.

Полы в замке прогнили, а ты взбираешься по каменным ступеням лестницы, и с каждым твоим шагом темнота вокруг становится все непрогляднее. Твои спутники поднимаются уверенно и спокойно, они не в первый раз участвуют в этом маленьком бунте.

– Слушай меня, – говорит Тайлер, – открой глаза.

– В древние времена, – рассказывает Тайлер, – человеческие жертвоприношения совершались на высоком речном берегу. Тысячи приносились в жертву. Слушай меня. После жертвоприношения тела сжигали на костре.

– Плачь, сколько тебе влезет, – говорит Тайлер, – беги к умывальнику и смывай щелочь под краном, но пойми: ты глуп и ты умрешь. Посмотри на меня.

– В один прекрасный день ты умрешь, – повторяет Тайлер, – и пока ты этого не осознал до конца, ты мне не нужен.

Ты в Ирландии.

– Плачь, сколько тебе влезет, – говорит Тайлер, – но каждая твоя слеза, упав на щелочь, рассыпанную по твоей руке, оставит ожог, словно горящая сигарета.

Медитация. Ты в Ирландии, летом, после окончания колледжа, и, может быть, именно там ты впервые начал мечтать об анархии. За годы до того, как повстречался с Тайлером Дерденом, за годы до того, как помочился в ванильный пудинг, ты уже отваживался время от времени на маленький бунт.

В Ирландии.

Ты стоишь на верхней площадке замковой лестницы.

– Чтобы нейтрализовать ожог, мы используем уксус, – сообщает Тайлер, – но сначала ты должен отречься.

После того, как сотни людей приносили в жертву и сжигали, говорит Тайлер, под алтарем собирался толстый слой густого белого сала.

Прежде всего, надо дойти до точки.

Ты стоишь на верхней площадке замковой лестницы в Ирландии, и со всех сторон тебя

окружает непроглядная тьма, и перед тобой, на расстоянии вытянутой руки, каменная стена.

– Дождь, – говорит Тайлер, – год за годом падал на погребальный костер, и год за годом на нем сжигали людей. Просочившись сквозь древесные угли, дождь превращался в раствор щелока, а щелок вступал в реакцию с жиром, вытопившимся из жертв, и густое белое мыло вытекало из-под алтаря и стекало по склону к реке.

Ты подходишь вместе с ирландцами к краю платформы и мочишься вместе с ними в непроглядную тьму.

И твои новые приятели подбадривают тебя; давай смелее, не жалея своей богатенькой американской мочи, желтой от витаминов и гормонов. Отливай смелее свое богатство.

– Это – величайший момент нашей жизни, – говорит Тайлер, – а ты мыслями где-то совсем в другом месте.

Ты в Ирландии.

Ого, молодец, ты таки решился! Ага. Вот здорово. Запах дневной нормы аммония и витамина В.

Там, где мыло стекало в реку, говорит Тайлер, после тысячелетий костров и дождей, люди стирали свою одежду и замечали, что она отстирывается лучше, чем в других местах.

Я мочусь на камень Бларни.

– Здравсьте! – говорит Тайлер.

Я мочусь в мои черные брюки с пятнами высохшей крови, которые так не по нутру моему начальнику.

Ты в доме на Бумажной улице.

– Это что-то означает, – говорит Тайлер.

– Это знак, – говорит Тайлер.

Тайлер – кладезь ценной информации. Цивилизации, не знавшие мыла, говорит Тайлер, использовали в качестве моющего средства для одежды и для волос собственную мочу и мочу своих собак, поскольку моча содержит мочевую кислоту и аммоний.

Затем резкий запах уксуса и пламя на твоей руке, которая едва видна в конце долгого-долгого пути, наконец, гаснет.

В воспаленных окончаниях твоих обонятельных нервов запах щелочи сменяется тошнотворным больничным запахом: уксуса и мочи.

* * *

– Как выяснилось, – говорит Тайлер, – всех этих людей не зря приносили в жертву.

На тыльной стороне твоей ладони вздуваются две красные, блестящие губы, точно повторяющие очертания поцелуя Тайлера. Вокруг них – маленькие, круглые следы слез, похожие на сигаретные ожоги.

– Открой глаза, – говорит Тайлер, и я вижу, что его лицо тоже мокрое от слез.

– Поздравляю, – говорит Тайлер, – ты стал еще на один шаг ближе к концу.

– Теперь ты знаешь, – говорит Тайлер, – что первое мыло в мире делали из героев.

Подумай о животных, на которых испытывают новые вещества.

Подумай об обезьянах, запущенных в космос.

– Без их боли, их смерти, их жертвы, – говорит Тайлер, – мы были бы никем.

10

Я останавливаю лифт между этажами, а Тайлер, тем временем, расстегивает ремень. Когда лифт останавливается, кастрюли с супом на раздаточной тележке перестают греметь крышками. Тайлер снимает крышку с супницы, и пар вздымается грибом до самого потолка.

Тайлер расстегивает ширинку и говорит:

– Не смотри, а то у меня ничего не выйдет.

В супнице – томатный суп-пюре с мексиканским кориандром и моллюсками. Аромат такой, что постороннего запаха никто не учует.

Я тороплю его, постоянно оглядываясь через плечо, а Тайлер уже выпростал на полдюйма

свой отросток над супницей. Со стороны это выглядит довольно забавно: как будто слон-переросток в галстук-бабочке всасывает суп через маленький бледный хобот.

Тайлер говорит:

– Я же сказал тебе: «Не смотри!».

На двери лифта прямо передо мной имеется маленькое окошечко-иллюминатор, через которое я могу видеть, что творится в коридоре банкетного блока. Но сейчас, когда лифт остановлен между этажами, все что я вижу – это узкая щель высотой в тараканий рост, просторы зеленого линолеума, и вдалеке – полуоткрытая дверь, за которой магнаты и их необъятные супружницы ведрами хлещут шампанское, сыто рыгают и демонстрируют друг другу бриллианты больше чем моя жизнь.

На прошлой неделе, говорю я Тайлеру, когда все юристы штата Нью-Йорк собрались здесь на рождественскую вечеринку, я поднапрягся и наложил в приготовленный для них апельсиновый мусс.

На прошлой неделе, говорит Тайлер, он остановил лифт и пернул над целой тележкой «Vossone Dolce», приготовленного для чаепития, которое организовала «Молодежная Лига».

Ну и хитрец этот Тайлер! Знает, как хорошо меренги впитывают запах!

Через щель в тараканий рост до нас доносится музыка, которой пленная арфистка услаждает магнатов, пока те отправляют в свои рты, битком набитые мраморными зубами, огромными как камни Стоунхенджа, ломти баранины величиной с поросенка каждый.

Ну, давай же, говорю я.

– Не могу, – отвечает Тайлер.

Если суп остынет, его отправят обратно на кухню.

Эти типы иногда отсылают блюдо обратно на кухню безо всяких видимых причин. Они просто хотят, чтобы ты побегал за их денежки. На таких вечеринках принято включать чаевые в счет, так что они полагают, что уже купили право обращаться с тобой как с дерьмом. Мы, разумеется, ничего не отправляем на кухню. Переложим слегка и на другом блюде подадим кому-нибудь еще, и тот даже не заметит: молодая картошечка по-французски или спаржа под голландским соусом, полный порядок.

Я говорю, Ниагара. Нил. В школе мы верили, что если руку спящего человека засунуть в миску с теплой водой, то он напрудит в постель.

Тайлер говорит:

– Во!

У меня за спиной Тайлер говорит:

– О да! Пошло! Пошло! Наконец!

За полуоткрытыми дверями зала мелькают в танце золотые, черные и красные юбки, такие же длинные как занавес из бархата с золотым шитьем в старом бродвейском театре. Мы видим, как в щели мелькают парами один за другим черные кожаные «Кадиллаки» со шнурками на том месте, где должно было быть ветровое стекло.

Не переборщи, говорю я.

Мы с Тайлером превратились в партизан сферы услуг. В саботажников званых ужинов. Когда отель занимается организацией банкетов, он предоставляет все: еду, вино, посуду и официантов. Все оплачено. И поскольку они знают, что ты уже получил свои чаевые, они обращаются с тобой как с тараканом.

Однажды Тайлер обслуживал званый ужин. Именно тогда Тайлер стал официантом-ренегатом. Это был первый такой ужин, который он обслуживал. Мероприятие происходило в том белом стеклянном доме, похожем на облако, что возвышается над городом на своих стальных ногах, которые упираются в склон холма. Гостям как раз подали рыбное блюдо, и тут, пока Тайлер соскребает с тарелок остатки спагетти, хозяйка дома вбегает на кухню с клочком бумаги в трясущихся руках. Не разжимая челюстей, мадам вопрошает, не видели ли официанты, чтобы кто-нибудь из гостей проходил на ту половину дома, где спальни? В частности, из гостей женского пола? А хозяйка дома никто не видел?

В кухне Тайлер. Альберт, Лен и Джерри протирают и составляют в стопки тарелки, а ученик повара, Лесли, раскладывает порции чесночного масла на артишоки, фаршированные креветками и улитками.

– Нам не велели ходить в ту часть дома, – говорит Тайлер.

Мы вошли в дом через гараж. Нам не полагается находиться нигде, кроме гаража, кухни и столовой.

Тут за спиной жены в проеме двери возникает сам хозяин дома, он вырывает записку из трясущихся рук жены со словами, что так будет лучше.

– Как я могу говорить с этими людьми, – возмущается мадам, – не зная, кто это сделал?

Хозяин кладет ладонь на ее обтянутое белым шелком плечо (платье под цвет дома) и мадам успокаивается, расправляет плечи, и руки ее перестают трястись.

– Это твои гости, – говорит он. – И эта вечеринка имеет большое значение.

Со стороны смотреть довольно забавно: словно чревовещатель оживляет свою куклу. Мадам глядит на мужа, который слегка подталкивает ее в направлении столовой. Записка падает на стол, и дверь кухни, отворяясь, отбрасывает ее к ногам Тайлера.

Альберт спрашивает:

– Что там написано?

Лен начинает очищать тарелки после рыбного блюда.

Лесли отправляет противень с артишоками обратно в духовку и тоже интересуется:

– Ну, так что же там написано?

Тайлер смотрит Лесли прямо в глаза и говорит, не поднимая записки:

– В одном из твоих флаконов с духами теперь – моя моча.

Альберт улыбается:

– Так ты ей нассал в духи?

Нет, говорит Тайлер. Просто оставил записку между флаконами. У нее на полочке под зеркалом в ванной этих флакончиков не меньше сотни.

Лесли улыбается:

– Так значит не нассал?

– Нет, – говорит Тайлер, – но ведь она этого не знает.

Весь остаток званого ужина в облаке на небесах Тайлер соскребал с тарелок хозяйки холодные артишоки, затем холодную телятину с холодной картошкой «помм дюшесс», затем холодную цветную капусту по-польски. Она не притронулась ни к одному из блюд, а вина в ее бокал Тайлеру за вечер пришлось подливать раз десять, не меньше. Расположившись во главе стола, мадам не сводила глаз с пришедших на ужин женщин, и, в самом конце ужина, между шербетом и абрикосовым тортом, внезапно куда-то исчезла.

Они уже домывали грязную посуду и начали складывать тарелки и термосы в принадлежавший отелю автофургон, как вдруг на кухню заявился хозяин дома и спросил, не поможет ли ему Альберт отнести кое-что тяжелое.

Лесли говорит, может быть, Тайлер зашел слишком далеко?

Громко и быстро Тайлер рассказывает всем, как убивают китов, чтобы получить эти духи, унция которых стоит дороже золота. А ведь большинство людей никогда не видели живых китов. Лесли живет с двумя маленькими детьми в квартире, окна которой выходят прямо на скоростную автостраду, а у хозяйки дома все эти бутылочки в ванной стоят больше, чем каждый из официантов зарабатывает за год.

Альберт возвращается и набирает телефон службы спасения.

Альберт прикрывает рот ладонью и шепчет в сторону, что не стоило Тайлеру писать эту записку.

Тайлер говорит:

– Ну так пойдешь и настучи менеджеру. Пусть меня уволят. Я на этой сраной работе не женился.

Все внимательно рассматривают свои ботинки.

– Это самое лучшее, что только может в жизни случиться, – говорит Тайлер. – Когда тебя увольняют, ты перестаешь толочь вод в ступе и начинаешь что-то менять в своей жизни.

Альберт говорит по телефону, что нам нужна «скорая помощь» и называет адрес. Ожидая ответа, он сообщает нам, что хозяйке плохо не на шутку, Альберту пришлось нести ее от самого туалета. Мужу она не позволила себя нести. Она сказала, что это он налил мочу в ее духи, потому что хотел, воспользовавшись ее нервным припадком, спутаться с одной из ее подруг, и еще она сказала, что устала, безумно устала от всех этих людей, которые называют себя друзьями их дома.

Хозяин не мог вытащить мадам из туалета, в котором она упала, потому что та размахивала в воздухе половинкой разбитого флакона от духов и обещала перерезать мужу горло, если он только к ней притронется.

Тайлер говорит:

– Круто!

От Альберта воняет. Лесли говорит:

– Альберт, дорогуша, от тебя воняет!

Из ванной невозможно было выбраться, не провоняв, говорит Альберт. Весь пол был усеян разбитыми флаконами, и еще груды осколков стекла в унитазе. Похоже на лед, говорит Альберт, как на тех шикарных банкетах в отеле, когда мы насыпаем в писсуары колотый лед. В ванной воняет, а весь пол усеян осколками льда, который никогда не растает, и Альберт помогает мадам встать с пола. Ее белое платье все в желтых пятнах. Мадам размахивает в воздухе осколком флакона, поскользывается на пролитых духах и осколках стекла и падает на ладони.

Она плачет и истекает кровью, забившись в угол. О, как жжет, говорит она:

– Уолтер, как жжет. Как жжет! – причитает мадам.

Духи, все эти выделения мертвых китов, проникают в порезы и жгут нестерпимо.

Хозяин вновь поднимает мадам на ноги. Она держит руки так, словно молится, только не прижимает ладони одну к другой, потому что по ним ручьями стекает кровь, струится по запястьям, по алмазному браслету и капает с локтей.

И хозяин говорит:

– Все будет хорошо, Нина.

– Мои руки, Уолтер, – не унимается мадам.

– Все будет хорошо.

Мадам вопрошает:

– Кто мог это сделать? Кто ненавидит меня так сильно?

Хозяин говорит Альберту:

– Вы бы не могли вызвать «скорую»?

Это была первая акция Тайлера, террориста сферы услуг. Партизана-официанта. Экспроприатора минимальной заработной платы. Тайлер занимался этим долгие годы до знакомства со мной, но, как он утверждает, в одиночку пьют только неудачники.

Когда Альберт заканчивает рассказ, Тайлер говорит:

– Круто!

Но вот мы снова в отеле, лифт остановлен между кухонным этажом и этажом банкетного зала, и я рассказываю Тайлеру, как высморкался на заливную форель, которую подавали для конгресса дерматологов, и потом трое гостей сказали мне, что форель пересолена, а один – что он ничего вкуснее в жизни не ел.

Тайлер стряхивает последнюю каплю в супницу и заявляет, что отлил все, что мог.

Продельывать эту операцию легче всего с холодными супами, такими как вишисуаз, или когда наш шеф-повар готовит по-настоящему свежее гаспачо. Но это невозможно с французским луковым супом, поверхность которого в горшочках покрыта коркой расплавленного сыра. Если бы у меня были деньги на обед в нашем ресторане, я бы заказал именно его.

У нас с Тайлером возник острый дефицит новых идей. Когда постоянно подкладываешь что-то в пищу, это быстро наскучивает. Складывается ощущение, что это – часть твоих служебных обязанностей. Но тут как-то на банкете один из докторов или юристов, неважно кто, говорит, что вирус гепатита живет шесть месяцев на поверхности нержавеющей стали. Представляете, как долго он проживет в шарлотке по-русски с ромовым заварным кремом?

Или в лососевой запеканке?

Я спросил у доктора, где можно разжиться вирусом гепатита, а тот уже был крепко под градусом и рассмеялся.

Все можно найти в баках на больничной свалке, говорит он и смеется.

Все, что угодно.

Больничная свалка: вот это действительно – дойти до точки.

Положив палец на кнопку лифта, я спрашиваю Тайлера, готов ли он. Шрам на тыльной стороне моей ладони вздулся и блестит как пара губ, точно повторяющих очертания поцелуя Тайлера.

– Секундочку, – говорит Тайлер.

Томатный суп, наверное, все еще горячий, потому что пакостная штучка, которую Тайлер запихивает в ширинку, раскраснелась от пара, словно королевская креветка.

11

В Южной Америке, что недаром зовется Зачарованным Краем, мы могли бы перейти вброд реку, и маленькая рыбка забралась бы к Тайлеру в уретру. Рыбка эта сплошь покрыта колючими шипами, которые она может выдвигать и втягивать. Она зацепится шипами за стенки мочеоточника Тайлера и приступит к метанию икры. Есть столько различных возможностей провести субботнюю ночь гораздо хуже.

– Мы могли бы и похлеще обойтись с матерью Марлы, – говорит Тайлер.

– Заткнись, – парирую я.

Тайлер говорит, что французское правительство могло бы нас похитить и спрятать в подземном комплексе в окрестностях Парижа, где даже не хирурги, а в спешке обученные лаборанты отрезали бы нам веки для того, чтобы проводить на нас испытания на токсичность нового аэрозоля для загара.

– Такие вещи случаются, – говорит Тайлер. – Почитай газеты.

Хуже всего то, что я точно знаю, что Тайлер затеял насчет матери Марлы. Впервые, с тех пор, как я с ним познакомился, Тайлер зарабатывает настоящие деньги. Заколачивает бабки. Позвонили от Нордстрема и заказали двести брусков мыла для лица «Тайлеровский Жженый Сахар» к рождеству. Они предложили оптовую цену двадцать долларов за брусок, и у нас появились деньги на то, чтобы проветриться в субботу вечером. Починить газовое отопление. Сходить на танцульки. Если бы у нас хватало денег на все, я бы ушел с работы.

Тайлер действует под вывеской «Мыловаренный Завод на Бумажной улице». Говорят, что лучше мыла никто никогда не видывал.

– Гораздо хуже было бы, – говорит Тайлер, – если бы ты случайно съел мать Марлы.

Чуть не подавившись курицей «гунь-бао», которую я жевал, я велел Тайлеру заткнуться.

Эту субботнюю ночь мы проводим на переднем сиденье «импалы» выпуска 1968 года, которая стоит на приколе на спущенных шинах на парковке для подержанных автомобилей. Мы болтаем с Тайлером, пьем пиво из банок, и нам уютно на переднем сиденье «импалы», ибо оно просторнее, чем диваны, которые большинство людей могут себе позволить. В этой части города парковками заняты почти все улицы. Торговцы автомобилями зовут машины в таком состоянии «шпротами»: все они стоят по двести долларов, и днем их можно купить у цыганских парней, которые держат эту торговлю. Цыгане стоят возле дверей фанерных будочек, где у них конторы, и курят длинные, тонкие сигары.

Такие машины любят покупать старшекласники, чтобы разбить их в хлам и больше уже ни о чем не волноваться. «Гремлины», «пейсеры», «маверики» и «хорнетты», «пинто», пикапы «Интернейшнл Харвестер», открытые «камаро», «дастеры» и «импалы». Машины, которые их владельцы когда-то любили, а затем выбросили. Животные на водопое. Невесты, одетые в платья от «Гудсвилла». С черными, красными и серыми бамперами, с наростами на днище, которые уже никто никогда не станет отскребать из пескоструйной машины. Отделка салона: пластик под дерево, пластик под кожу и пластик под хром. На ночь цыгане даже не запирают дверцы этих машин.

Фары машин, проезжающих по бульвару, высвечивают на миг цену, написанную на огромном, как экран панорамного кино, ветровом стекле «импалы». Это Америка. Цена – девяносто восемь долларов. Изнутри это выглядит как восемьдесят девять центов. Ноль, ноль, точка, восемь, девять. Позвоните Америке по этому номеру.

Большинство машин здесь стоят не больше ста долларов и у всех у них на ветровом стекле наклеено условие продажи: «ЗАБИРАТЬ, КАК ЕСТЬ».

Мы выбрали «импалу» потому, что, если придется спать в машине в субботнюю ночь, шире сиденья не найти.

Мы едим у китайцев, потому что не можем поехать домой. Или спать здесь, или оставаться до утра в ночном клубе. Но мы не ходим в ночные клубы. Тайлер говорит, что громкая музыка, особенно басовые партии, нарушает его биоритм. После того, как мы посетили дискотеку в по-

следний раз, Тайлер заявил, что громкая музыка вызывает у него запор. Кроме того, в клубе почти невозможно разговаривать: после пары стаканов каждый чувствует себя центром вселенной, но на самом деле полностью изолирован от внешнего мира.

Как труп в классическом английском детективе.

Мы спим сегодня ночью в машине, потому что Марла заявила сегодня к нам домой и угрожала вызвать полицию, чтобы меня арестовали за то, что я сварил ее мать. Затем Марла принялась громить дом, крича, что я – чудовище и людоед. Она распинывала кучи «Ридерз Дайджест» и «Нэйшнл Джоиграфик» по всему дому; за этим занятием я ее и оставил. Вот и все.

После ее неудачной попытки наложить на себя руки при помощи «ксанакса» в отеле «Регент», я не верю в то, что Марла решится вызвать полицию, но Тайлер все же рассудил, что этой ночью нам будет лучше заночевать где-нибудь в другом месте. На всякий случай.

На всякий случай: вдруг Марла подожжет дом.

На всякий случай: вдруг Марла пойдет и купит пистолет.

На всякий случай: вдруг Марла все еще там.

На всякий случай.

Я попытался сосредоточиться:

Луны бледный лик

Лишь миг тревожит звезду:

Ля-ля, тополя.

Машины пролетают мимо вдоль бульвара, я сжимаю банку пива в руке; твердое бакелитовое рулевое колесо «импалы» достигает, наверное, трех футов в диаметре, и потрескавшееся вишиловое сиденье щиплет меня за задницу через ткань джинсов. Тайлер говорит:

– Еще раз расскажи мне, что произошло.

Несколько недель я пытался не обращать внимания на то, что Тайлер затеял насчет матери Марлы. Как-то раз я пошел вместе с Тайлером в отделение «Вестерн Юнион» и увидел, как он отправляет матери Марлы телеграмму следующего содержания:

ВСЯ ПОКРЫЛАСЬ МОРЩИНАМИ (тчк)

СРОЧНО НУЖНА ТВОЯ ПОМОЩЬ

(вскл)

Тайлер показал клерку читательский билет Марлы и подписал телеграмму именем Марлы, сказав, что да, иногда имя Марла дают сыновьям, и клерк стал дальше заниматься своими делами.

Когда мы вышли из «Вестерн Юнион», Тайлер сказал мне, что, если я люблю его, я должен ему доверять. Это дело меня не касается, добавил он и пригласил меня в «Гарбонзо» на порцию хуммуса.

Меня испугала не столько телеграмма, сколько приглашение в ресторан. Никогда при мне ни за что Тайлер не выкладывал наличных. Одежду Тайлер достает так: он приходит в гостиницы или гимнастические залы и обращается в отдел находок. Это, конечно, лучше, чем то, как Марла крадет джинсы из сушилок в прачечных-автоматах и продает их по двенадцать долларов пара в скупку секонд-хэнда. Тайлер никогда не ел в ресторанах, а Марла вовсе не покрывалась морщинами.

Безо всяких на то причин Тайлер послал матери Марлы шестикилограммовую коробку шоколада.

Еще один вариант провести субботнюю ночь хуже, докладывает мне Тайлер, сидя в «импале», это – коричневый паук-отшельник.

При укусе он впрыскивает не яд, но пищеварительный фермент – такую кислоту, которая растворяет ткани вокруг укуса, так что твоя рука или нога буквально тает у тебя на глазах.

Когда все это случилось сегодня вечером, Тайлер куда-то спрятался. Марла заявила к нам не постучавшись. Она просто встала у входной двери и громко крикнула: «Тук-тук-тук!».

Я читал «Ридерз Дайджест» на кухне и даже не шелохнулся.

Марла возопила:

– Тайлер, ты дома? Можно зайти?

Я крикнул, что Тайлера дома нет.

Марла крикнула мне в ответ:

– Не будь злоюкой!

Я подхожу к двери. Марла стоит в прихожей со срочной бандеролью «Федерал Экспресс» в руках и говорит:

– Мне нужно кое-что положить к тебе в морозильник.

Я следую за пей по пятам в кухню и говорю «не надо».

Не надо.

Не надо.

Не надо.

Не надо хранить у меня дома всякую дрянь.

– У меня нет морозилки в номере, – говорит Марла. – Ты же мне сам сказал, зайчик, что можно пользоваться твоей.

Не говорил я этого. Меньше всего мне хотелось бы, чтобы Марла начала переезжать ко мне домой, перетаскивая свое барахло по частям.

Марла распечатала бандероль на кухне, вытащила оттуда пакет с чем-то белым и стала трясти его у меня перед лицом, посыпая все вокруг полистироловыми упаковочными катышками.

– Это не дерьмо, – говорит она. – Это моя мать, так что отвали в сторону.

Марла держит в руках один из пакетов для сэндвичей, наполненных тем самым белым веществом, из которого мы с Тайлером вытапливаем жир.

* * *

– Гораздо хуже было бы, – говорит Тайлер, – если бы ты случайно съел содержимое одного из этих пакетов. Если бы ты проснулся как-нибудь посреди ночи и выдавил из него эту белую жижу, добавил бы к ней концентрат «Калифорнийского лукового супа» и съел бы, макая в подливку картофельные чипсы. Или брокколи.

Мы стояли на кухне с Марлой, и больше всего на свете в тот момент мне не хотелось, чтобы Марла открывала морозильник.

Я спросил ее, что она собирается делать с этим белым веществом.

– Губы, – сказала Марла. – С возрастом губы втягиваются в рот. Это можно исправить при помощи инъекции коллагена. Я уже скопила около тридцати фунтов коллагена в твоём холодильнике.

Я спросил, какого же размера у нее будут губы после таких инъекций.

Марла сказала, что больше всего она боится самой операции.

* * *

В пакетах содержалось то же самое вещество, говорю я Тайлеру, сидя в «импале», из которого мы делали мыло. С тех пор, как обнаружили, что силикон вреден, для косметических операций по разглаживанию морщин, увеличению губ или коррекции подбородка стали использовать коллаген. Марла объяснила мне, что большинство дешевого коллагена производится из стерилизованного и обработанного говяжьего жира, но такой дешевый коллаген недолго удерживается внутри тела. Организм отторгает его; не проходит и шести месяцев, как у тебя снова тонкие губы.

Самый лучший коллаген, объяснила Марла, делают из твоего собственного жира, отсосанного из ляжек, очищенного и обработанного специальным образом, а затем вприснутого тебе же обратно в губы. Такой коллаген – это надолго.

Пакеты в морозилке – это коллагеновый фонд Марлы. Как только у матери Марлы нарастает на ляжках лишний жир, она отсасывает его и помещает в пакеты. Марла говорит, что эта процедура называется подборка. Если матери Марлы коллаген самой не нужен, то она посылает его Марле. У Марлы-то жира нет совсем, а Марлина мамаша считает, что коллаген родственника должен прижиться лучше, чем дешевый из говяжьего жира.

Свет фонаря с бульвара сочится сквозь ветровое стекло и проецирует слова ЗАБИРАТЬ,

КАК ЕСТЬ на щеку Тайлера.

– Паук, – говорит Тайлер, – может отложить яички тебе под кожу, а затем его личинки начнут прогрызать ходы. Вот ведь какие несчастья приключаются с некоторыми.

После этих слов мой цыпленок с миндалем с теплой, густой подливкой становится на вкус таким, словно его сделали из куска ляжки матери Марлы.

* * *

И тут, стоя на кухне с Марлой, я понял, что сделал Тайлер.

ВСЯ ПОКРЫЛАСЬ МОРЩИНАМИ

И я понял, зачем он послал конфеты матери Марлы.

СРОЧНО НУЖНА ТВОЯ ПОМОЩЬ

Я говорю, Марла, ты же не хочешь заглянуть в морозилку.

Марла переспрашивает: «Что?»

* * *

– Мы же не едим красного мяса, – объясняет мне Тайлер, пока мы сидим в «импале», – а из куриного жира можно сделать только жидкое мыло.

– Мы разбогатеет на этой штуке, – говорит Тайлер, – мы заплатим за квартиру.

Ты должен сказать Марле, говорю я, а не то она думает, что я это сделал.

– Омыление жира, – говорит Тайлер, – это химическая реакция, при помощи которой получается качественное мыло. Ни куриный, ни другой жир с высоким содержанием солей здесь не годится.

– Послушай, – говорит Тайлер, – у нас – большой заказ. Поэтому надо послать мамаше Марлы побольше шоколада, а еще – фруктовые кексы.

Но, думаю я, теперь из этого ничего не выйдет.

* * *

Короче говоря, Марла заглянула в морозилку. Ну не сразу, сначала произошла небольшая возня. Я попытался помешать ей, и она уронила мешок на пол, и он лопнул, и мы оба поскользнулись на этой жирной белой гадости, и нас чуть не стошнило. Я схватил Марлу сзади за талию, ее густые черные волосы лезли мне в глаза, я прижимал ее руки и говорил, что это сделал не я. Это не я сделал.

Не я.

– Моя мама! Ты размазал мою маму по линолеуму!

Нам нужно варить мыло, говорю я Марле в затылок. Чтобы выстирать брюки, чтобы заплатить за квартиру и починить газ. Это не я сделал.

Это сделал Тайлер.

Марла кричит:

– Что ты такое несешь! – и вырывается, оставив у меня в руках свою юбку.

– Я пытаюсь подняться со скользкого пола, сжимая в руке цветастую индийскую юбку Марлы, а Марла в одних колготках и блузке в деревенском стиле, в туфлях на высоких каблуках открывает морозилку и обнаруживает исчезновение коллагенового фонда.

В морозилке ничего нет, кроме двух старых батареек от фонарика.

– Где она?

Я отползаю назад: мои ноги и руки разъезжаются на скользком линолеуме, а моя задница чертит на грязном полу чистую полосу, уходящую прочь от Марлы и холодильника. Я закрываю глаза юбкой, чтобы не видеть лица Марлы, когда я скажу ей правду.

Правду.

Мы сварили из нее мыло. Из Марлиной мамы. Мыло.

– Мыло?

Мыло. Варишь жир. Добавляешь щелочь. Получаешь мыло.

Когда Марла начинает визжать, я бросаю ей в лицо юбку и убегаю. Поскальзываюсь, падаю. Встаю и снова убегаю.

Марла носится за мной по первому этажу, хватаясь за косяки, отталкиваясь руками от подоконников, чтобы не налететь на стены, поскальзывается, падает.

Оставляет жирные, грязные отпечатки на обоях в цветочек. Налетает на деревянные стеновые панели, встает и снова бежит за мной.

Она кричит:

– Ты сварил мою мать!

Но это Тайлер сварил ее мать.

Марла кричит, отставая от меня все время на пол шага.

Это Тайлер сварил ее мать.

– Ты сварил мою мать!

Входная дверь по-прежнему открыта.

В нее я и выскочил, оставив визжащую Марлу у себя за спиной. На бетонном тротуаре мои ноги уже не разъезжались, и я кинулся вперед со всех ног. Я бежал, пока не нашел Тайлера, или Тайлер не нашел меня, и я рассказал ему, что случилось.

Мы сидим с Тайлером, в руках у каждого по бутылке пива, он – на заднем сиденье, я – на переднем. Даже сейчас Марла, наверное, все еще мечется по дому, раскидывая старые журналы, и называет меня козлом и двуличным хитрожопым капиталистическим ублюдком.

Между мной и Марлой – ночь, в которой на каждом углу тебя подстерегает или меланома, или ядовитое насекомое, или плотоядный вирус. Лучше уж оставаться там, где есть.

– Когда молния ударяет в человека, – говорит Тайлер, – его голова обугливается до размеров бейсбольного мяча, а застежка на его брюках расплавляется.

Я интересуюсь, дошли ли мы до точки сегодня?

Тайлер откидывается назад и спрашивает:

– Если бы Мэрилин Монро была бы еще жива, чем бы она занималась?

Спокойной ночи, говорю я.

Разорванный в клочья плакат свисает с потолка и Тайлер говорит:

– Цеплялась бы за крышку гроба.

12

Мой начальник стоит слишком близко от моего стола, тонкие губы расползлись в ехидной улыбочке, ширина на уровне моего локтя. Я отрываю глаза от стола, от письма с оповещением об отзыве изделия. Все эти письма всегда начинаются одинаково:

– Составлено в соответствии с требованиями, изложенными в Национальных нормативах безопасности автомобильного транспорта. Мы установили наличие дефекта...

На этой неделе я применил к очередному случаю обычную формулу, и на сей раз А умножить на В умножить на С оказалось больше, чем стоимость отзыва изделия на доработку.

На этой неделе речь идет всего-навсего о пластиковом зажиме, который удерживает резиновую полоску на дворнике. Бросовая деталька. Дефект касается лишь двухсот автомобилей. Затраты на доработку близки к нулю.

На прошлой неделе я имел дело с более типичным случаем. На прошлой неделе речь шла о коже, обработанной веществом с установленными тератогенными свойствами, синтетическим нирретолом или чем-то в этом роде, которое полностью запрещено, но, тем не менее, все еще применяется для выделки кож кое-где в Третьем Мировом Мире. Сильная штука, способна вызвать уродства плода при одном только соприкосновении беременной женщины со следами реагента. Но на прошлой неделе поводов звонить в Департамент транспорта не было. Никто и не собирался отзываться изделие.

Стоимость новой обивки, умноженная на стоимость работ, умноженную на организационные расходы, составила бы больше, чем доход нашей компании за первый квартал. Даже если кто-нибудь обнаружит наше упущение, мы сможем заплатить за молчание не одной убитой горем семье, прежде чем затраты хоть сколько-нибудь приблизятся к стоимости замены обивки в

салонах шести тысяч семисот автомобилей.

Но на этой неделе мы решили отозвать изделие. И на этой неделе ко мне вернулась бессонница. Бессонница вернулась, и мне кажется, что весь мир останавливается у края моей могилы, чтобы плюнуть в нее.

Мой начальник надел серый галстук, значит сегодня, должно быть, вторник.

Мой начальник принес листок бумаги и спрашивает, не потерял ли я кое-что. Этот листок кто-то забыл в копировальной машине, говорит он и начинает читать:

– Первое правило бойцовского клуба: никому не рассказывать о бойцовском клубе.

Он бегаёт глазами по строчкам и хихикает:

– Второе правило бойцовского клуба: никому никогда не рассказывать о бойцовском клубе.

Я слышу, как слова Тайлера срываются с губ моего начальника. Моего Господина Начальника, средних лет субъекта, отрастившего трудовую мозоль, который держит семейное фото на рабочем столе и мечтает пораньше уйти на пенсию, чтобы проводить зимы в трейлерном парке где-нибудь в аризонской пустыне. Мой начальник, который крахмалит до скрипа рубашки и ходит к парикмахеру каждый вторник после обеда, смотрит на меня и говорит:

– Надеюсь, что это не ты писал.

Я – Налитые Кровью Глаза Джо.

Тайлер попросил меня напечатать правила клуба и сделать десять копий. Не восемь и не девять, уточнил Тайлер, а десять. И все же, бессонница вернулась: последний раз я спал три ночи назад. Это, наверное, оригинал. Я сделал десять копий и забыл оригинал. Копировальная машина сверкает мне в глаза вспышкой, словно папарацци. Бессонница делает все вокруг очень далеким: копией, снятой с копии, которая, в свою очередь, снята с копии. Ты не можешь ничего коснуться, и ничто не может коснуться тебя.

Мой начальник читает:

– Третье правило бойцовского клуба: в поединке участвуют двое.

Мы оба делаем вид, что ничего не происходит.

– Не более одного поединка за вечер.

Я не спал уже три ночи. Возможно, я сплю сейчас. Мой начальник трясет листком бумаги у меня перед носом. Что это все означает, спрашивает он. Развлечения за счет компании? Мне платят за работу, а не за участие в военных играх. И мне никто не давал позволения пользоваться копировальными машинами в личных целях.

Что это все означает? Он трясет листком бумаги у меня перед носом. Что, по-моему, спрашивает он, нужно сделать с подчиненным, который тратит рабочее время на жизнь в придуманном мире. Что бы сделал я на его месте?

Что бы сделал я?

Дыра в моей щеке, черно-голубые синяки под глазами и вздувшийся красный шрам от поцелуя Тайлера. Копия, снятая с копии, которая, в свою очередь, снята с копии.

Досужие рассуждения.

Почему Тайлер хочет именно десять копий правил бойцовского клуба?

Коровы в Индии.

Для начала, говорю я, я бы не стал трезвонить про этот листочек кому ни попадя.

Такое ощущение, говорю я, что этот текст написал крайне опасный психопат-убийца, и что этот разнузданный шизофреник может сорваться в любой момент рабочего дня и начать носиться по конторе с полуавтоматическим, перезаряжаемым сжатым газом карабином «армалит AR-180».

Мой начальник молча смотрит на меня.

Этот парень, говорю я, наверное, по ночам надпиливает у себя дома крестом при помощи надфиля пулю к этому карабину, а затем одним прекрасным утром он является на работу и всаживает эту пулю в своего придирчивого, бездарного, мелочного, занудного, трусоватого и болтливового начальника, и пуля, войдя в тело, раскрывается по этим надпилам, словно бутон цветка, и выкидывает комок его вонючих кишок через дыру в спине размером с кулак. Представьте себе, как ваша брюшная чакра раскрывается в снятом рапидом извержении тонких кишок, похожих на связку сосисок.

Мой начальник уже не машет листком с правилами у меня перед носом.

Валяйте, говорю я, прочтите что-нибудь еще.

Нет, серьезно, говорю я, жутко интересно. Сразу видно – законченный псих написал.

И я улыбаюсь. Края маленькой, как анус, дырки у меня в щеке такого же черно-голубого цвета, как десны у собаки. Кожа на синяках у меня под глазом стянута так, словно ее покрыли лаком.

Мой начальник молча смотрит на меня.

Давайте я подскажу, говорю я.

Четвертое правило бойцовского клуба, говорю я, не более одного поединка за вечер.

Мой начальник смотрит сначала на листок, затем на меня.

А я говорю: пятое правило бойцовского клуба – бойцы сражаются без обуви и голыми по пояс.

Мой начальник смотрит на листок, затем на меня.

Возможно, говорю я, этот хрен полоумный возьмет карабин «игл апаш», потому что у него магазин на тридцать патронов при весе всего девять фунтов. У «армалита» магазин всего на пять патронов. С тридцатью патронами в магазине какой-нибудь вконец охреневший ублюдок может перестрелять всех вице-президентов, сидящих за столом из красного дерева в конференц-зале, и еще на каждого директора по пуле останется.

Слова Тайлера срываются с моих губ. А ведь когда-то я был таким славным малым.

Я смотрю начальнику прямо в глаза. Глаза у него бледно-бледно-голубые.

Полуавтоматический карабин «J&R 68» также снабжается тридцатизарядным магазином, но весит всего лишь семь фунтов.

Мой начальник молча смотрит на меня. Страшно подумать, говорю я. Возможно, вы знали этого человека долгие годы. Возможно, и он знает все про вас: где вы живете, где работает ваша жена, и в какую школу ходят ваши дети.

Я устал от этого разговора, мне скучно.

И зачем только Тайлеру понадобилось десять копий правил бойцовского клуба?

Главное – не сказать ему, что я все знаю про кожаную обивку салона. И про тормозные прокладки, которые выглядят совершенно нормально, но отказывают после двух тысяч миль пробега.

Кроме того, я знаю все о термостате системы кондиционирования воздуха, который раскаляется до такой степени, что поджигает карты в бардачке, и о том, сколько людей погибло из-за проброса в топливном инжекторе. Я ведь видел людей с ногами, отрезанными ниже колена, из-за того, что турбины наддува взрывались, и лопасти их пробивали противопожарную переборку и влетали в пассажирский салон. Я выезжал на места аварий и видел сгоревшие дотла машины и подписывал протоколы осмотра, в которых в графе «ПРИЧИНА АВАРИИ» было написано «НЕИЗВЕСТНА».

Нет, говорю я, это не мой листок. Я беру листок двумя пальцами и вырываю у него из руки. Край бумаги, должно быть, порезал начальнику большой палец, поскольку он кладет палец в рот и начинает сосать, выпучив глаза. Я сминаю бумагу в комок и бросаю ее в мусорное ведро рядом с моим столом.

Может быть, говорю я, не стоит беспокоить меня из-за всякого мусора, который вы повсюду подбираете?

* * *

В воскресенье вечером я отправляюсь в группу «Останемся мужчинами», но подвал епископальной церкви Святой Троицы почти пуст. Только Большой Боб и я. Каждая мышца моего тела саднит, но сердце бьется, и мысли вихрем кружатся у меня в голове. Это все бессонница. Всю ночь думаешь, не переставая.

Всю ночь думаешь: сплю я или нет? Спал я или нет?

Ко всем моим огорчениям добавляется то, что Боб как-то окреп за последнее время, и бицепсы на его руках налились. Большой Боб улыбается, он очень рад меня видеть.

Он думал, что я умер.

Ага, говорю я, а я думал, что ты.

– А у меня, – говорит Большой Боб, – хорошие новости.

А куда все подевались?

– Это и есть хорошие новости, – говорит Большой Боб. – Группа расформирована. Я пришел сюда на всякий случай, чтобы сообщить это тем, кто еще не знает.

Я падаю, закрыв глаза, на одну из кушеток из магазина для бедных.

– Хорошие новости, – уточняет Большой Боб, – это то, что вместо нее создана другая группа, первое правило которой – никому не говорить о ней.

Боже мой!

Большой Боб продолжает:

– А второе правило – никогда не говорить о ней.

Черт! Я открываю глаза.

Мать твою так!

– Эта группа называется бойцовским клубом, – говорит Большой Боб, – и она собирается по пятницам вечером в заброшенном гараже на другом конце города. А вечером по четвергам в другом гараже по соседству собирается еще одна группа.

Эти места мне неизвестны.

– Первое правило бойцовского клуба, – говорит Большой Боб, – никому не рассказывать о бойцовском клубе.

По вторникам, четвергам и пятницам Тайлер работает киномехаником. Я видел его платежную ведомость за прошлую неделю.

– А второе правило бойцовского клуба, – говорит Большой Боб, – никому не рассказывать о бойцовском клубе.

По субботам вечером Тайлер ходит в бойцовский клуб со мной.

– В поединке участвуют только двое.

По воскресеньям утром мы отлеживаемся дома после поединка.

– Не более одного поединка за вечер, – говорит Большой Боб.

В воскресенье и в понедельник вечером Тайлер работает официантом.

– Бойцы сражаются без обуви и голыми по пояс.

Вечером во вторник Тайлер дома варит мыло, пакует его и отправляет заказчиком. «Мыловаренный Завод на Бумажной улице».

– Поединок продолжается столько, сколько потребуется, – говорит Большой Боб. – Эти правила придумал тот парень, который придумал бойцовские клубы.

– Ты его знаешь? – спрашивает Большой Боб.

– Я сам его никогда не видел, – говорит Большой Боб, – но вроде бы его зовут Тайлер Дерден.

«Мыловаренный Завод на Бумажной улице».

Знаю ли я его?

Да как сказать, говорю я.

Возможно.

13

Когда я добираюсь до отеля «Регент», в коридоре меня встречает Марла в купальном халате. Марла позвонила мне на работу и спросила, не буду ли я любезен пропустить тренажерный зал, библиотеку или прачечную, или что там у меня запланировано на сегодня, и срочно явиться к ней.

Марла позвонила мне потому, что она меня ненавидит.

Она не обмолвилась ни словом насчет своего коллагенового фонда.

Итак, Марла спрашивает меня, не окажу ли я ей услугу? Марла пролежала в постели весь день. Марла ест то, что служба доставки доставляет ее соседям, которые уже умерли. Марла говорит, что они спят, и принимает за них заказы. Короче говоря, Марла лежала в постели в ожидании службы доставки, которая обычно прибывает между двенадцатью и двумя часами дня. У Марлы уже пару лет как нет медицинской страховки, поэтому она давно перестала осматривать себя, но этим утром она обнаружила в груди уплотнение, и лимфатические узлы под мышкой оказались плотными и болезненными, но она не могла сказать об этом никому из тех, кого лю-

бит, чтобы не испугать их, и к доктору не могла пойти – вдруг там ничего нет, – но ей все же нужно было кому-то об этом рассказать и нужно было, чтобы кто-нибудь посмотрел.

У Марлы – карие глаза такого цвета, как у зверя, которого раскалили добела в печи и швырнули в холодную воду. Как это называется, не помню: то ли вулканизация, то ли гальванизация, то ли закалка.

Марла говорит, что она простит мне коллаген, если я осмотрю ее.

Я понимаю, что она не позвонила Тайлеру, потому что не хотела пугать его. Я же ей безразличен.

Мы поднимаемся в ее комнату, и Марла объясняет мне, что в природе не встречается старых животных, потому что они умирают раньше, чем состарятся. Если они заболевают или просто становятся медлительными, их пожирает кто-нибудь моложе и сильнее. Животным не положено стареть.

Марла ложится на кровать и развязывает поясok на купальном халате. Наша культура искажила смысл смерти, говорит она. Старые животные – это исключение из законов природы.

Это – уродство.

Марла обливается холодным потом, пока я рассказываю ей, как в колледже у меня вскочила бородавка. Не где-нибудь, а на члене. Я отправился на медицинский факультет, чтобы мне ее удалили. Потом я рассказал об этом отцу. Через год. Отец рассмеялся и назвал меня дураком, потому что бородавки вроде той жутко нравятся бабам, так что Бог оказал мне большую честь, наградив меня ею.

Я стою на коленях возле кровати Марлы, ощупывая холодную кожу Марлы пядь за пядью, сжимая ее холодную плоть между пальцами, а Марла говорит мне, что эти бородавки, которые так жутко нравятся бабам, вызывают у них рак шейки матки.

И вот я сижу на одноразовой салфетке в смотровой комнате медицинского факультета, и один студент прыскает жидким азотом на мой член, в то время как восемь его сокурсников наблюдают. Вот до чего случается дойти, когда нет медицинской страховки. Только они не говорят «член», они называют его пенисом, но, как ни назови, они льют на него жидкий азот, и это так же больно, как щелочь.

Марла смеется вместе со мной, пока не замечает, что мои пальцы останавливаются. Словно что-то нашли.

Марла перестает дышать, и живот у нее становится тугим как барабан, и сердце бьет в эту тугую, как барабан, кожу изнутри. Но я остановился не поэтому, я остановился, потому что болтал и потому что почувствовал на какой-то миг, что ни меня, ни Марлы в комнате нет. Мы очутились на медицинском факультете, в том далеком прошлом, мы сидели на липкой бумаге, и мой член горел огнем от жидкого азота, когда один из студентов увидел мою босую ногу и вылетел из комнаты в два прыжка. Он вернулся с тремя настоящими докторами, и доктора отпихнули от меня в сторону студента с жидким азотом.

Один настоящий доктор схватил мою босую правую ногу и сунул ее под нос двум другим настоящим докторам. Все трое помяли ее, потыкали пальцами и сняли ее на «поляроид». Они вели себя так, словно остального меня, полуголого, полумороженного, не существовало вовсе. Существовала только эта нога, и все студенты-медики столпились в кружок, чтобы рассмотреть ее получше.

– Как долго, – спросил доктор, – у вас это красное пятно на ноге?

Доктор имел в виду мое родимое пятно. У меня на правой ноге – родимое пятно в форме (как шутил отец) темно-красной Австралии с маленькой Новой Зеландией справа. Именно это я им и сказал, и все сразу же повеселели. Мой член потихоньку оттаивал. Все, кроме студента с жидким азотом, ушли, да и он бы ушел, поскольку ему было стыдно смотреть мне в глаза. Но он остался, взял мой член за головку и потянул к себе, а затем прыснул тонкой струйкой жидкого азота на то, что еще оставалось от бородавки. Такая боль, что если представить себе, будто длина моего члена – несколько сотен миль, и боль – на его дальнем конце, то она все равно будет ужасной.

Марла смотрит на мою руку и на шрам от поцелуя Тайлера.

Я сказал студенту-медику, что видно ему нечасто здесь попадались родимые пятна.

Да не в этом дело, сказал студент. Все подумали, что это не родимое пятно, а рак. Сейчас такой новый вид рака, который, в основном, поражает молодежь. Просыпаешься одним прекрас-

ным утром и видишь красное пятно у себя на лодыжке или ступне. Пятно становится все больше и больше, покрывает тебя с ног до головы, и ты умираешь.

Студент объяснил мне, что все пришли в такое возбуждение, потому что подумали, что у меня этот самый новый рак. Он еще редко встречается, но постепенно распространяется все шире и шире.

Это было так давно.

Рак – он такой, объясняю я Марле. Случаются ошибки, поэтому если у тебя где-то что-то, не дай Бог, не в порядке, не надо забывать обо всем остальном.

Не дай Бог, говорит Марла.

Студент с азотом закончил, он сказал, что остатки бородавки отпадут сами собой через несколько дней. На липкой бумаге рядом с моей задницей валялся снимок моей босой ступни, который никому не был нужен. Я спросил, можно ли мне забрать фотографию.

У меня она до сих пор висит в комнате в рамочке, на уголке зеркала. Я причесываю волосы перед зеркалом каждое утро, собираясь на работу, и думаю о том, как однажды у меня ровно десять минут был рак – куда там, хуже, чем рак.

Я говорю Марле, что в этот День Благодарения мы впервые не пошли с бабушкой кататься на каток, хотя лед был толщиной почти в шесть дюймов. Моя бабушка всегда наклеивала маленькие кусочки пластыря на лоб и на руки там, где родинки, которые были у нее всю жизнь, выглядели некрасиво с ее точки зрения. Края пластыря задирались, а родинки окрашивались в странные цвета, вроде голубого.

Когда моя бабушка в последний раз отправилась в больницу, дедушка нес ее чемодан и жаловался, что его скособочит – таким тяжелым был чемодан. Моя франко-канадская бабушка была такой застенчивой, что никогда не показывалась в купальнике перед посторонними, а, направляясь в туалет, открывала кран в ванной, чтобы никто не услышал никаких звуков. Выписываясь из больницы Лурдской Богоматери после частичной мастэктомии, она сказала:

– Это тебя-то скособочило?

Для моего дедушки это было чем-то вроде итога всей жизни: моя бабушка, рак, их женитьба, вся жизнь. Он смеется каждый раз, когда рассказывает эту историю.

Марла не смеется. Я хочу, чтобы она смеялась, чтобы у нее поднялось настроение. Я хочу, чтобы Марла простила мне коллаген, я говорю, что ничего не нашел. Если ей что-то почудилось сегодня утром, то это ошибка. Как в истории с родинкой.

На тыльной стороне ладони Марлы – шрам от поцелуя Тайлера.

Я хочу, чтобы Марла улыбнулась, поэтому я не рассказываю о том, как я в последний раз обнимал Клои – лысую Клои, скелетик, обмазанный желтым воском с шелковым платочком, обмотанным вокруг лысой головы. Я обнял Клои в последний раз перед тем, как она исчезла навсегда. Я сказал ей, что она похожа на голубя, и Клои засмеялась. На пляже я всегда сижу, спрятав правую ногу под себя или зарыв ее в песок. Схоронив Австралию с Новой Зеландией. Я боюсь, что люди увидят мою ногу, и я начну умирать у них в сознании. Рак, которого у меня нет, начнет расползаться. Я не стал рассказывать это Марле.

Мы не хотим знать практически ничего про тех, кого любим.

Чтобы Марла смеялась, чтобы у нее поднялось настроение, я рассказываю ей о женщине из «Дорогого Эбби», которая вышла замуж за преуспевающего владельца похоронного бюро, а тот в брачную ночь заставил ее принять ледяную ванну, чтобы кожа ее стала ледяной на ощупь, после чего положил в постель и попросил не шевелиться все время полового акта.

Забавно не то, что эта женщина послушалась его в брачную ночь, а то, что она продолжала делать так все следующие десять лет их совместной жизни, а теперь она пишет в «Дорогой Эбби» и спрашивает у него совета.

14

Если люди думают, что ты скоро умрешь, они начинают внимательно слушать тебя. Вот за что я любил группы поддержки.

Если люди полагают, что видят тебя в последний раз, они начинают действительно смотреть на тебя. Иначе они говорят с тобой о своих проблемах с банком, о песне, которая играет по радио, или поправляют прическу, пока ты говоришь.

А тут тебе принадлежит все их внимание.

Они начинают слушать, а до того просто ждали своей очереди заговорить.

И даже когда они заговаривают, они уже не говорят про себя. Они говорят с тобой, и после этого разговора вы оба чувствуете себя немного другими.

Марла начала ходить в группу поддержки, когда обнаружила у себя в груди первое уплотнение.

А утром после того, как мы нашли у нее второе уплотнение, Марла прискакала на кухню, засунув обе ноги в одну половину колготок, и сказала:

– Посмотри – правда, я похожа на русалку?

А еще она сказала:

– Бывает, парни, сидя на толчке, делают вид, что они едут на мотоцикле. Но они выделяются. А у меня это вышло совершенно случайно.

Первое уплотнение Марла обнаружила как раз перед тем, как мы повстречались в «Останемся мужчинами», а теперь вот появилось и второе.

Достаточно сказать вам, что Марла до сих пор жива. Философия Марлы заключается в самой возможности умереть в любое мгновение. Трагедия вся в том, говорит она, что этого не происходит.

Когда Марла обнаружила первое уплотнение, она отправилась в клинику, где измученные мамы семейств, одетые, как пугала, сидели в пластиковых креслах вдоль трех стен приемного покоя с тощими бледными детишками на руках. У детей были черные круги под глазами, и вообще они походили на подпорченные апельсины или бананы, и мамы вычесывали из их волос корки перхоти, вызванные вышедшим из-под контроля организма дрожжевым грибком. Зубы торчали у детишек из тощих десен так, что до сознания впервые доходило, что человеческие зубы – это просто осколки кости, высунувшиеся наружу, чтобы измельчать попавшие в рот вещи.

Вот чем все кончается, если нет медицинской страховки. Еще когда никто ничего не знал, многие голубые парни захотели родить себе ребятешек от женщин, а теперь дети больны, их матери умирают, а отцы уже умерли. И сидя в приемном покое, провонявшем рвотой, мочой и уксусом, слушая, как сестра расспрашивает каждую мамашу, как давно она больна и сколько веса она потеряла с начала болезни, и есть ли у ребенка родственники или опекуны, Марла решает: нет, нет и нет.

Если уж суждено умереть, то лучше об этом не знать.

Марла заглянула в прачечную-автомат за углом от больницы и ukrала все джинсы из сушилок, а затем пошла к скупщику, который дал ей по пятнадцать долларов за пару. Затем Марла пошла и купила себе пару отличных колготок, из тех, которые никогда не поползут.

– Даже на дорогих колготках – на тех, что не ползут, – часто бывают затяжки, – говорит Марла.

В этом мире нет ничего вечного. Все потихоньку рассыпается.

Марла начала ходить в группы поддержки, поскольку становится легче, когда поймешь, что ты – не единственная в мире подтирка для жопы. У всех что-нибудь не в порядке. На какое-то время у нее даже сердце стало биться ровнее.

Марла начала работать в морге, где ее посадили заниматься клиентами, оплачивающими похороны вперед. Часто какой-нибудь толстяк, – а еще чаще, – толстуха, – выходили из демонстрационного зала с урной для праха размером с рюмочку для вареных яиц, и тогда Марла, сидевшая за столом в фойе с черными распущенными волосами, колготками в затяжках, уплотнением в груди и нависшим над головой дамкловым мечом, вынуждена была говорить им:

– Мадам, не льстите себе! В эту штучку не влезет пепел даже от одной вашей головы. Пойдите и принесите урну размером с мяч для боулинга.

Сердце Марлы выглядело примерно так же, как мое лицо. Как все дерьмо и грязь в этом мире. Исползованная подтирка для задницы, которую никто не собирается использовать даже как вторсырье.

В промежутках между работой в морге и посещением групп поддержки, рассказала мне Марла, она общалась с мертвецами. Мертвецы звонили ей с того света по ночам. Порой в баре бармен подзывал Марлу к телефону, она брала трубку, а там – мертвое молчание.

Временами ей казалось, что это и есть – дойти до точки.

– Когда тебе двадцать четыре, – говорит Марла, – ты не имеешь никакого представления о

том, как низко можно пасть, но я всегда всему быстро училась.

В первый раз, когда Марла наполняла урну пеплом, она забыла надеть маску. Когда, покончив с урной, Марла высморкалась, на ее носовом платке остались черные разводы от человеческого пепла.

Если в доме на Бумажной улице телефон звонил только раз, а затем в трубке молчали, значит, кто-то из мертвецов звонил Марле. Это случалось гораздо чаще, чем можно себе представить.

В доме на Бумажной улице стали раздаваться звонки от детективов, расследующих взрыв в моем кондоминиуме. Тайлер становился рядом со мной и нашептывал мне в одно ухо, в то время как я держал телефонную трубку у другого. Следователь спрашивал, знаю ли я кого-нибудь, кто в состоянии изготовить кустарным способом динамит.

– Акты насилия – естественная часть моего развития, – шепчет Тайлер, – в направлении трагедии и распада.

Я объясняю следователю, что, по-моему, взрыв в кондоминиуме вызван неполадками в холодильнике.

– Я покончил с жаждой физической власти и собственническим инстинктом, – шепчет Тайлер, – потому что только через саморазрушение я смогу прийти к власти над духом.

Динамит, сказал детектив, содержал примеси – щавелевокислый аммоний и перхлорат калия – что означает, что взрывное устройство было изготовлено кустарно, в домашних условиях, и что засов на входных дверях был надпилен.

Я сказал, что в ту ночь был в Вашингтоне, округ Колумбия.

Детектив объяснил по телефону, что кто-то впрыснул жидкий фреон в замочную скважину, а затем ввел в нее зубило, которым пытался выбить цилиндр. По этому методу обычно воры снимают замки с велосипедов.

– Освободитель, который разрушил мою собственность, – говорит Тайлер, – боролся за то, чтобы освободить мой дух. Учитель роздал за меня все мое имение, дабы я спасся.

Детектив сказал, что тот, кто сделал самодельный динамит, мог включить газ и задуть дежурный огонек в духовке задолго до того, как произошел взрыв. Газ мог послужить всего лишь спусковым крючком. День за днем газ заполнял кондоминиум, пока искра не проскочила на щетке электрического двигателя в компрессоре холодильника, и не произошел взрыв.

– Скажи ему, – шепчет Тайлер, – Да, это сделал я. Я устроил взрыв. Ведь это то, что он хочет услышать.

Нет, говорю я детективу, я не открывал газ перед тем, как уехать из города. Мне нравилась моя жизнь. Мне нравилась моя квартира. Мне нравилась моя мебель. Вся – светильники, кресла, ковры – я жил этим. Это был я сам. Тарелки в серванте были частью меня. Домашние растения были частью меня. Телевизор был частью меня. Это меня хотели взорвать. Неужели вы не понимаете?

Следователь попросил меня никуда не отлучаться из города.

15

Мистер глубокоуважаемый председатель местного отделения национального объединенного профессионального союза киномехаников и операторов проекционных аппаратов сидит и молчит.

Под кажущейся человеку нерушимой поверхностью вещей зачастую вызревают кошмары.

В этом мире нет ничего вечного.

Все потихоньку рассыпается.

Я знаю это, потому что это знает Тайлер.

Три года подряд Тайлер резал и склеивал пленку для сети кинотеатров. Кинофильм перевозят в виде шести или семи маленьких бобин, упакованных в металлический ящик. Работа Тайлера заключалась в том, чтобы склеивать маленькие бобины в пятифутовые, которые используются на автоматических кинопроекторах. Три года, семь кинотеатров, не менее трех залов в каждом, новый фильм еженедельно. Через руки Тайлера прошли сотни копий.

Жаль, но когда все старые проекторы заменили автоматическими, профсоюз перестал нуждаться в услугах Тайлера. Мистер председатель местного отделения пригласил Тайлера к себе

для беседы.

Работа была скучной, платили сущую ерунду, так что председатель объединенного союза объединенных независимых киномехаников и объединенных кинотеатров сказал, что они готовы оказать Тайлеру Дердену честь, оставив за ним одну смену в качестве синекуры.

Не надо считать это увольнением. Считайте сокращением штатов.

А затем мистер председатель местного отделения хренов говорит:

– Мы высоко ценим ваш вклад в наше общее дело.

Да никаких проблем, говорит Тайлер и ухмылка озаряет его лицо. Пусть профсоюз высылает каждый месяц зарплату, а он будет держать язык за зубами.

Тайлер сказал:

– Не надо считать это увольнением. Считайте это досрочным выходом на пенсию.

Через руки Тайлера прошли сотни копий.

Копии вернулись к дистрибьютору. Копии вновь отправились в прокат. Комедии. Драмы. Мюзиклы. Любовные истории. Боевики.

И в каждую копию Тайлер клеил по несколько кадров с порнухой.

Содомия. Оральный секс. Садомазохизм.

Тайлеру было нечего терять.

Нечего терять, когда ты – последний винтик в этом мире, мусор под ногами у людей.

* * *

То же самое Тайлер собирался сказать менеджеру отеля «Прессман».

На этой своей работе в отеле «Прессман» Тайлер был, по его словам, никем. Никого не волновало, жив он или умер, и он отвечал всем взаимностью. Именно это Тайлер посоветовал сказать и мне, когда мы явимся на прием в кабинет менеджера отеля, где у дверей сидят сразу два охранника.

Тайлер и я допоздна сидели и рассказывали друг другу, как прошла встреча у каждого из нас.

Сразу после похода в союз киномехаников, Тайлер заставил меня предстать перед менеджером отеля «Прессман».

Тайлер и я все больше и больше походили друг на друга. У обоих по дырке в щеке, у обоих кожа потеряла всякую чувствительность и перестала реагировать на удары.

Мои синяки я заработал в бойцовском клубе, а Тайлеру морду набил председатель союза киномехаников. После того, как Тайлер выполз из профсоюзного офиса, я отправился на встречу с менеджером отеля «Прессман».

И вот я сижу в кабинете менеджера отеля.

Я – Кровавая Месть Джо.

Первое, что сказал менеджер, это: «В вашем распоряжении три минуты». За тридцать секунд я успел рассказать ему, как мочился в суп, пропитывал кишечными газами крем-брюле, чихал на тушеный цикорий, а затем я потребовал, чтобы отель высылал мне каждую неделю мою заработную плату плюс чаевые. В обмен на это я не буду ходить на работу, и не пойду в редакции газет или санитарную инспекцию с громкими и скандальными разоблачениями.

Представьте себе только заголовки на первой полосе:

«ПОЛОУМНЫЙ ОФИЦИАНТ ПРИЗНАЕТСЯ В ОСКВЕРНЕНИИ ЕДЫ».

Разумеется, сказал я, вы можете меня посадить. Можете меня повесить, оторвать мне яйца, проволочь меня по улицам и облить меня с ног до головы едкой щелочью, но отель «Прессман» останется навсегда известен как место, где богатейшие люди мира едят пищу с мочой.

Слова Тайлера срываются с моих губ.

А ведь когда-то я был таким славным малым.

* * *

В офисе профсоюза киномехаников Тайлер хохотал, пока председатель отделения избивал

его. Когда один из ударов отправил Тайлера из кресла на пол, Тайлер сел, прислонившись к стене, и продолжал хохотать.

– Давай, валяй, все равно убить меня не сможешь, – говорил Тайлер сквозь смех. – Глупый мудака. Можешь меня избить в говно, а ведь все равно не убьешь.

Тебе есть что терять.

А мне терять нечего.

У тебя есть все.

Давай, валяй, бей в поддых. Еще раз по морде. Выбей мне все зубы, но щеки ты мне все равно будешь посылать. Сломай мне ребра, но если хоть неделю я останусь без зарплаты, тебя и твой долбаный профсоюз засудят владельцы кинотеатров, кинопрокатчики и каждая мамаша, детеныш которой увидел полноценный стояк на экране в самой середине «Бемби».

– Я – подонок, сказал Тайлер. – Я – подонок, дерьмо и псих для тебя и для всего этого ебанного мира. Тебе наплевать, где я живу и как я себя чувствую, что я ем и чем кормлю своих детей, и чем я расплачиваюсь с врачом, если заболею. Пусть я тупой, слабый и унылый, но ты отвечаешь за меня.

* * *

Я сижу в кабинете менеджера отеля «Прессман» и облизываю губы, разбитые местах в десяти. Я поворачиваюсь к менеджеру продырявленной щекой, и это выглядит очень убедительно.

В основных чертах, я сказал ему то же самое, что и Тайлер.

После того, как председатель профсоюза повалил Тайлера по полу и увидел, что тот ничем не отвечает на его побои, он отодвинул свое большое, как «кадиллак» туловище, – гораздо большее, чем может ему пригодиться в его жизни, – на некоторое расстояние и пнул Тайлера носком ботинка под ребра. Тайлер только рассмеялся. Тогда «его честь» вонзил носок ботинка Тайлеру в почки. Тайлер скрючился, но не перестал хохотать.

– Давай, валяй, – сказал Тайлер. – Поверь мне. Тебе сразу полегчает. Будешь чувствовать себя просто великолепно.

* * *

В кабинете менеджера отеля «Прессман» я спросил хозяина, можно ли мне воспользоваться его телефоном. Я взял трубку и набрал номер редакции городской газеты. Онемевший менеджер смотрел на меня, и я начал.

Привет, сказал я, я совершил ужасное преступление против человечества, чтобы выразить мой политический протест. Протест против эксплуатации работы сферы услуг.

Если уж садиться в тюрьму, то не в качестве же психически неуравновешенного слуги, отлившего в суп. Надо окружить акцию героическим флером.

ОФИЦИАНТ-РОБИН ГУД – ЗАСТУПНИК ОБЕЗДОЛЕННЫХ.

Тогда это коснется не только одного отдельно взятого отеля и одного отдельно взятого официанта.

Менеджер почти ласково вынимает трубку у меня из руки. Он говорит, что не желает, чтобы я больше работал здесь, по крайней мере, пока я выгляжу так, как сейчас.

Я стою перед его столом и говорю: «Что?»

Вам не нравится мой внешний вид?

И без промедления, глядя прямо в глаза менеджеру, я со всего размаху засаживаю себе кулаком в нос, так что свежая кровь прыскает из незаживших шрамов.

Почему-то мне вспоминается ночь нашего первого боя с Тайлером. Я хочу, чтобы ты врезал мне изо всей силы.

Удар вышел не особенно сильным. Я бью себя снова. Выглядит неплохо, кровь повсюду, но я еще со всего размаху налетаю спиной на стену, чтобы удар выглядел внушительно, и разбиваю при этом висящую на стене картину.

Осколки стекла падают на пол, следом за ними срывается со стены картина, на которой

изображены цветы, повсюду кровь, я катаюсь по полу. Я веду себя как полный придурок. Кровь пачкает ковер. Приподнявшись, я оставляю кровавые гигантские отпечатки ладоней на столе менеджера и говорю, пожалуйста, помогите мне, но не могу сдержаться при этом хихиканья.

Пожалуйста, помогите мне.

Пожалуйста, не бейте меня больше.

Я снова падаю на пол и размазываю кровь по ковру. Чтобы не говорить больше слова «пожалуйста», я сжимаю губы. Окровавленное чудовище ползет по изящным цветам и элегантным орнаментам персидского ковра. Кровь капает у меня из носа и, горячая, течет мне в горло. Чудовище ползет по ковру, собирая на себя нитки и пыль, которые липнут к крови на его клыках. Оно подползает на достаточное расстояние для того, чтобы ухватить менеджера отеля «Прессман» за его брючины в мелкую полоску и прстонать:

– Пожалуйста.

Скажи это еще раз.

«Пожалуйста» вырывается изо рта пузырьками крови.

Скажи это еще раз.

Пожалуйста.

Пузырьки крови, лопаясь, обливают все вокруг.

Вот как Тайлер создал предпосылки для того, чтобы отныне проводить в бойцовском клубе каждый день. Сначала клубов было семь, потом их стало пятнадцать, затем – двадцать три, а Тайлеру все было мало. В деньгах он теперь не нуждался.

Пожалуйста, прошу я менеджера отеля «Прессман», дайте мне денег. И при этом хихикаю.

Пожалуйста.

Пожалуйста, не бейте меня больше.

У вас есть все, а у меня нет ничего. И я начинаю карабкаться, держась за брючины в мелкую полоску и заляпывая их кровью, и менеджер под моим весом прогибается назад, опирается руками на подоконник, и десны его оголяются в гримасе страха.

Чудовище вонзает свои кровавые клыки в брючный ремень менеджера, добирается до накрахмаленной рубашки и вцепляется кровавыми когтями в хрупкие запястья менеджера.

Пожалуйста. Я улыбаюсь так, что у меня вот-вот лопнут губы.

Мы боремся, менеджер визжит и пытается вырвать свои руки из моих, а кровь льется у меня из разбитого носа и всякая дрянь налипает на нас обоих, и тут посмотреть на эту великолепную сцену заявляются оба охранника.

16

Сегодня все газеты напечатали, что какие-то люди взломали офисные помещения, расположенные на этажах с десятого по пятнадцатый небоскреба «Хейн Тауэр», выбрались через окна наружу и нарисовали на южном фасаде здания улыбающуюся рожу высотой в пять этажей, а затем устроили пожар в комнатах, расположенных в центре гигантских глаз, так, чтобы они сияли как живые над погруженным в предрассветные сумерки городом.

На фотографии в газете видно, что рисунок похож не то на тыкву для Хэллоуина, не то на японского демона скупости, висящего над городом в небе, а дым, вырывающийся из его глаз, пририсовывает к нему то ли густые брови ведьмы, то ли дьявольские рога. Некоторые кричали от страха, увидев это зрелище.

Что все это значит?

И кто это сделал? Даже когда огонь потушили, рисунок остался, и это оказалось еще хуже. Пустые и мертвые глаза взирали с высоты на жителей города.

Газеты все пишут и пишут об этом случае.

Разумеется, и ты об этом читал, и тебе бы ужасно хотелось знать, не является ли и эта выходка частью «Проекта Разгром».

В газетах написано, что у полиции нет никаких ключей к случившемуся. Молодежные банды или космические пришельцы, авторы этого творения, кто бы они ни были, рисковали жизнью, ползая по карнизам и вставая на подоконники с аэрозольными баллончиками черной краски в руках.

И что такое «Комитет Неповиновения» или «Комитет Поджогов»? Возможно, гигантская

рожа была их домашним заданием на эту неделю.

Тайлер наверняка знает, но первое правило «Проекта Разгром» гласит: не задавать вопросов, касающихся «Проекта Разгром».

В «Комитете Разбоя» «Проекта Разгром» на этой неделе Тайлер заявил, что его метод руководства напоминает выстрел из пистолета. Пистолет просто направляет взрыв в нужную сторону, вот и все.

На последнее собрание «Комитета Разбоя» Тайлер явился с пистолетом и телефонным справочником в руках. Собрания проходят в том же подвале, где по субботам собирается бойцовский клуб. Для каждого комитета выделен свой особый день.

«Поджоги» собираются по понедельникам.

«Налеты» по вторникам.

«Неповиновение» по средам.

«Дезинформация» по четвергам.

Организованный хаос. Анархическая бюрократия. Представьте-ка себе.

Группы поддержки. Что-то вроде.

Итак, вечером во вторник, «Комитет Разбоя» предложил программу действий на ближайшую неделю, Тайлер ознакомился с ней и дал комитету домашнее задание.

На следующей неделе каждый член «Комитета Разбоя» должен ввязаться в драку с незнакомцем и проиграть в ней. За стенами бойцовского клуба. Это не так просто, как кажется. Человек на улице сделает все возможное, чтобы не ввязываться в драку.

Идея заключалась в том, чтобы заставить подраться какого-нибудь бедолагу, чем втянуть его в организацию. Позволить тому почувствовать в первый раз в жизни, что такое – победить в схватке. Позволить ему потерять над собой контроль. Позволить ему избить тебя до полусмерти.

Надо выдержать и не сорваться. Если победишь ты, все пропало.

– Наша задача, ребята, – говорит Тайлер членам комитета, – напомнить этим людям о силе и власти, которой они сами располагают.

Это что-то вроде вступления. Затем Тайлер начинает доставать из стоящей перед ним картонной коробки сложенные пополам блокнотные листки и разворачивать их. На этих листках – предложения членов комитета по программе на следующую неделю. Каждый член комитета пишет свое предложение на листке в блокноте, висящем на стене, вырывает листок, складывает его пополам и опускает в коробку. Тайлер просматривает предложения и выбрасывает плохие.

Вместо каждого выброшенного предложения он кладет сложенный пополам пустой листок.

Затем каждый член комитета вытягивает из картонной коробки по листку. Как объяснил мне Тайлер, если кто-то вытягивает пустой листок, то у него на следующую неделю нет ничего кроме домашнего задания.

Если же тебе достается предложение, то ты, например, отправляешься в конце недели на пивной фестиваль и сбиваешь с ног парня, который справляет свои дела в химическом туалете. Или приходишь на показ мод в торговом центре и с галереи обливаешь участников земляничным вареньем.

Если тебя арестовали, ты больше не член «Комитета Разбоя». Если ты засмеешься, ты больше не член комитета.

Никто не знает, кому принадлежит конкретное предложение, и никто, кроме Тайлера, не знает всех предложений, и какие из них были приняты, а какие он выбросил в мусорное ведро. А потом читаешь в газетах, что-нибудь о неопознанном человеке, который впрыгнул в «ягуар» с открытым верхом, вырвал у водителя руль и направил машину в фонтан посреди площади.

Остается только догадываться, не было ли это одним из предложений, которые вытянул не ты, а кто-то другой.

Вечером в следующий вторник ты будешь вглядываться в лица собравшихся в полутемном подвале на заседание комитета, пытаешься догадаться, кто именно из них въехал на «ягуаре» в фонтан.

Кто залез на крышу художественного музея и стрелял шариками для пейнтбола по скульптурам во внутреннем дворике?

Кто нарисовал зловещую рожу на «Хейн Тауэр»?

Представьте себе, что в ту ночь, когда происходили события на «Хейн Тауэр», в офисные помещения проникла группа помощников юристов, делопроизводителей или курьеров, которые

днем там работали. Может быть, они слегка выпили, хотя это и запрещено правилами «Проекта Разгром». К некоторым дверям ключи у них были подобраны заранее, в других случаях они пользовались баллончиками с фреоном, чтобы взломать замок. А затем одни карабкались, упираясь подошвами ботинок в кирпичный фасад здания, в то время как другие держали веревки, которые раскачивались в воздухе: они высывались из окон, рискуя потерять жизнь в той самой конторе, где день за днем вели размеренное, разграфленное по часам, существование.

А на следующее утро те же самые клерки и счетоводы с аккуратно зачесанными волосами, с глазами красными от бессонницы, но трезвые, стояли, задрвав головы, в толпе и слушали, как люди вокруг недоумевают, кто бы мог это сделать, и как полиция уговаривает всех отойти от здания, в то время как водопады извергаются из потухших и закопченных глаз гигантского монстра.

Тайлер сказал мне по секрету, что на каждом собрании выдвигается не больше четырех дельных предложений, так что шансы вытянуть предложение равны четырем к десяти. В комитете двадцать пять человек, включая Тайлера. Каждому дается домашнее задание – завязать драку и проиграть, каждый вытягивает из ящика предложение.

На этой неделе Тайлер сказал им:

– Пусть каждый пойдет и раздобудет себе пушку.

Затем Тайлер дал одному из парней телефонную книгу и попросил его вырвать из нее любую рекламную страницу на выбор, а затем передать книгу соседу. Ни один из членов комитета не должен приобретать оружие в одном месте с другим.

* * *

– Это, – сказал Тайлер, извлекая пистолет из кармана, – пистолет, и у каждого из вас на собрании комитета, которое состоится через две недели, должен быть такой же.

– Оплатить покупку лучше всего наличными, – сказал Тайлер. – На следующем собрании вы все обменяетесь пистолетами, а затем заявите в полицию, что тот пистолет, который купили вы, был у вас украден.

Никто не задает вопросов. Не задавать вопросов – это первое правило «Проекта Разгром».

Тайлер пускает пистолет по рукам. Удивительно, что такая маленькая штучка так много весит, словно нечто огромное, солнце, например, или гора, сжалось до ее размеров. Ребята из комитета осторожно берут пистолет двумя пальцами. Каждому хочется спросить, заряжен ли он, но второе правило «Проекта Разгром» гласит, что не следует никогда задавать вопросов.

Может быть, заряжен, а может и нет. Может быть, нам следует всегда исходить из худшего.

– Нет ничего проще и совершеннее, чем пистолет, – сказал Тайлер, – Просто берешь и нажимаешь на спусковой крючок.

Третье правило «Проекта Разгром» – оправдания не принимаются.

– Спусковой крючок, – сказал Тайлер, – освобождает боек, а боек бьет по капсулю.

Четвертое правило – лгать нельзя.

– Взрыв выталкивает металлический снаряд из открытого конца патрона, а ствол фокусирует силу взрыва, направляя снаряд в нужную точку, – сказал Тайлер. – так же, как пушка направляет ядро, пусковая шахта – ракету и мочеиспускательный канал – сперму в нужном направлении.

Когда Тайлер придумал «Проект Разгром», он сказал, что проект этот не имеет никакого отношения к другим людям. Тайлеру все равно, пострадают ли при его реализации другие люди или нет. Задача проекта – заставить каждого его участника осознать то, что имеет власть над историей. И каждый из нас имеет власть над миром.

Тайлер придумал «Проект Разгром» в бойцовском клубе.

Это был один из тех вечеров, когда в бой вступают новички. В ту субботу в клуб пришел юноша с лицом ангела, и я вызвал его на бой. Таково правило. Новичок принимает бой. Я знал, что вызвал его потому, что меня вновь замучила бессонница, и мне ужасно хотелось разрушить что-нибудь красивое.

Поскольку некоторые из ран на моем лице уже никогда не заживут, мне по части красоты

терять особенно нечего. Мой начальник спросил у меня, что я такого делаю с дырой в моей щеке, что она никак зажить не может. Когда я пью кофе, объяснил я ему, я всегда вставляю в нее два пальца, чтобы не протекала.

Бывают такие состояния, когда спишь полностью, кроме той твоей части, которая сознает, что бодрствует. В тот вечер в бойцовском клубе я бил этого новичка по его ангельскому лицу сначала костяшками пальцев, твердыми, как железо, а затем, когда костяшки начали кровоточить, порезавшись о зубы, выступившие сквозь порванные губы парнишки, я стал бить его нижней частью кулака, пока он не обмяк и не свалился на пол.

Тайлер сказал мне позже, что он никогда не видел, чтобы я прежде что-либо уничтожал с таким остервенением. В тот вечер Тайлер и понял, что ему следует либо перевести деятельность бойцовского клуба на более высокий уровень, либо закрыть его совсем.

За завтраком на следующее утро Тайлер сказал:

– Ты вел себя как маньяк, как психопат из комиксов. Что на тебя накатило?

Я сказал, что дерьмово себя чувствую и так и не смог расслабиться. Я больше не получаю от боя кайфа. Возможно, у меня выработалось привыкание. Возможно, мне теперь требуются более сильные возбудители.

Именно в то утро Тайлер и придумал «Проект Разгром».

Тайлер спросил меня, с кем я бился на самом деле.

Я полностью согласен с рассуждениями Тайлера о том, что мы чувствуем себя дерьмом и рабами истории. Я хотел разрушить всю красоту в мире. Сжечь дождевые леса Амазонки. Прорвать хлорфторуглеводородами озоновый слой насквозь. Открыть сливные краны на всех танкерах мира и сбить заглушки со всех нефтяных скважин на континентальном шельфе. Я хотел убить всю рыбу, которую не в силах съесть и изгадить пляжи Франции, которых никогда не увижу.

Я хотел, чтобы весь мир дошел вместе со мной до точки.

Избивая этого парнишку, я понимал, что мне хочется вышибить мозги каждой панде, которая не желает размножаться ради спасения своего вида, и каждому киту или дельфину, который сложил лапки и выбросился на берег.

Не надо считать это вымиранием. Считайте это сокращением штатов.

Тысячи лет людишки трахались на этой планете, мусорили на ней и засирали ее, а теперь история требует, чтобы я подчищал за всеми и платил по их счетам. Плющил консервные жестянки, предварительно вымыв их дочиста. Отчитывался за каждую каплю использованного моторного масла.

И я должен заплатить за ядерные отходы и за емкости с горючим, зарытые в землю, и за оползни, разрушающие подземные захоронения токсичных отходов, за все то, что натворили предыдущие поколения.

Я держал голову ангелочка на одной руке, как младенца или футбольный мяч, а костяшками второй молотил его лицо, молотил, пока губы у него не лопнули. А затем добивал его локтем, пока он не рухнул бесформенной кучей на землю. Пока кожа у него на скулах не почернела и не прилипла к костям черепа.

Я хотел вдыхать дым пожарищ.

Птицы и олени – никчемная роскошь, а хорошая рыба – это дохлая рыба.

Мне хотелось сжечь Лувр. Раскрошить молотком на мелкие кусочки греческую коллекцию в Британском музее и подтереться Моной Лизой. Отныне этот мир принадлежит мне.

Этот мир отныне принадлежит мне, и только мне. Древние давно в могилах.

Именно в то утро за завтраком Тайлер и придумал «Проект Разгром».

Мы хотели освободить мир от груза истории.

Мы завтракали в доме на Бумажной улице, и Тайлер сказал:

– Представь себе, что ты сажаешь редиску и картошку возле пятнадцатой лунки заброшенного поля для гольфа. Или охотишься на лосей в сырых лесах на склонах каньона вблизи от развалин Рокфеллер-центра, или собираешь корнеплоды возле каркаса Космической Иглы, наклонившейся под углом в сорок пять градусов. Мы распишем фасады небоскребов и превратим их в наши гигантские тотемы и вампумы. Каждый вечер то, что уцелело от человечества, будет собираться в пустых зоопарках и запирается в клетках, чтобы не подвергнуться нападению медведей, диких кошек и волков, которые будут по ночам взирать на нас через прутья решеток.

– Переработка отходов и ограничение скорости движения – это полная чушь, – сказал Тайлер. – Мне это напоминает тех курильщиков, что решают бросить курить, лежа на смертном одре.

«Проект Разгром» спасет мир. Наступит ледниковый период для культуры. Искусственно вызванные темные века. «Проект Разгром» вынудит человечество погрузиться в спячку и ограничить свои аппетиты на время, необходимое Земле для восстановления ресурсов.

– Это единственное оправдание анархии, – говорит Тайлер. – Ты только задумайся.

Бойцовский клуб делает мужчин из клерков и кассиров. «Проект Разгром» сделает что-нибудь более приличное из современной цивилизации.

– Представь, – говорит Тайлер, – лося, бредущего мимо разбитых витрин супермаркета и гниющих куч красивых платьев и фраков на плечиках. Мы будем носить одну одежду из кожи, которой нам хватит на всю жизнь, и карабкаться по стволам лиан толщиной с руку, которые обвивают небоскребы. Как в сказке о Джеке и волшебном горошке. Вскрабкаешься выше крон влажного леса, а там воздух такой чистый, что можно рассмотреть крошечные фигурки людей, молотящих зерно и раскладывающих полосы кабаньего мяса вялиться на протянувшейся на тысячи миль и раскаленной августовским солнцем пустой восьмизначной скоростной автострады.

Такова цель «Проекта Разгром», сказал Тайлер: полное и немедленное уничтожение цивилизации.

Каков будет следующий этап «Проекта Разгром» не знает никто, кроме Тайлера. Не задавать никогда вопросов – это второе правило «Проекта Разгром».

* * *

– Пуль покупать не надо, – говорит Тайлер членам «Комитета Разбоя». – И на тот случай, если у вас возник такой вопрос, сообщаю вам: да, нам придется убивать.

Поджоги. Разбой. Неповиновение и Дезинформация.

Не задавать вопросов. Никогда не задавать вопросов. Никаких извинений, никакой лжи.

Пятое правило «Проекта Разгром»: Тайлер всегда прав.

17

Мой начальник снова кладет на стол рядом с моим локтем какой-то листок бумаги. Галстук я больше не ношу. На моем начальнике – голубой галстук, значит, сегодня – вторник. Дверь в его кабинет теперь всегда закрыта, и мы не обменялись и парой слов с того дня, как он нашел в копировальной машине листок с правилами бойцовского клуба, и я предположил, что могу прострелить ему брюхо из крупнокалиберного оружия. А я всего-то навсего дурачился.

Или, скажем, я могу взять и позвонить в отдел качества Департамента транспорта. Скоба крепления переднего сиденья ни разу не проходила испытания на лобовое столкновение до того, как была направлена в производство.

Если знаешь, где искать, то найдешь скелет в любом шкафу.

Доброе утро, говорю я.

– Доброе, – говорит он.

Рядом с моим локтем еще один совершенно секретный документ, который Тайлер попросил меня размножить. Неделю назад Тайлер мерил шагами подвал нашего дома на Бумажной улице. Шестьдесят пять приставных шагов в длину и сорок – в ширину. Тайлер размышлял вслух. Тайлер спросил меня:

– Сколько будет шестью семь?

Сорок два.

– А сорок два умножить на три?

Сто двадцать шесть.

Тайлер дал мне рукописный листок и попросил набрать текст и размножить его в семидесяти двух экземплярах.

Зачем столько?

– Потому что, – говорит Тайлер, – ровно столько парней сможет спать в этом подвале, если

поставить в нем трехэтажные армейские казарменные кровати.

А их имущество? – спросил я.

Тайлер ответил:

– Они принесут с собой только то, что значится в этом списке, – все умещается под матрасом.

Список, который мой начальник нашел в копировальной машине. Копировальной машине, счетчик которой все еще был установлен на семьдесят две копии.

«Наличие указанных предметов не является гарантией допуска к тренировке, но никто не будет допущен, если явится без них и без пятисот долларов на похороны».

Кремация трупа стоит не менее трехсот долларов, утверждает Тайлер, а цены постоянно растут. Если ты умрешь, а денег таких у тебя нет, твое тело станет добычей студентов-медиков.

Деньги курсант должен постоянно носить в ботинке на случай, если его убьют, чтобы похороны не пришлось оплачивать «Проекту Разгром».

Кроме этого курсант должен иметь при себе следующие предметы:

Две черных рубашки.

Две пары черных брюк.

Две пары прочных черных ботинок.

Две пары черных носков и две смены простого нижнего белья.

Одно плотное черное пальто.

Все это – один комплект с собой, второй – на себе.

Одно белое полотенце.

Один армейский походный матрас из поролона.

Один белый пластиковый котелок.

Я сижу за столом, мой начальник стоит рядом. Я подбираю со стола оригинал списка и говорю:

– Спасибо.

Мой начальник возвращается в кабинет, а я возвращаюсь к работе – к незаконченному паянсу у меня на компьютере.

После работы я отдаю копии Тайлеру. Дни проходят один за другим. Я иду на работу.

Я прихожу домой.

Я иду на работу.

Я прихожу домой, а возле нашего крыльца стоит парень. Он стоит и держит в руках коричневый бумажный пакет, в котором – его сменная черная рубашка и вторые черные брюки. Остальные три предмета – белое полотенце, армейский матрас и пластиковый котелок – он повесил на перила крыльца. Из окна второго этажа мы с Тайлером изучаем парня и Тайлер приказывает мне отослать его домой.

– Слишком молод, – говорит Тайлер.

Парень на крыльце – это ангелочек, которого я пытался уничтожить в тот вечер, когда Тайлер изобрел «Проект Разгром». Несмотря на синяки под глазами и короткую армейскую стрижку, мордочка у него слишком нежная и гладкая. Одень его в платье и заставь улыбнуться – не отличишь от девушки. Мистер Ангел стоит по стойке смирно лицом к двери дома, уставившись в потрескавшиеся доски взглядом. На нем черная рубашка, черные ботинки и черные брюки.

* * *

– Избавься от него, – говорит мне Тайлер. – Слишком молод.

Я спрашиваю Тайлера, сколько это лет – слишком молод?

– Не имеет значения, – отвечает Тайлер. – Если кандидат молод, мы говорим ему, что он слишком молод. Если он толстый, мы говорим ему, что он слишком толст. Если стар – что слишком стар. Если тощий – слишком тощ. Если белый – слишком бел. Если черный – слишком черен.

Именно так проверяли кандидатов в буддийских монастырях на протяжении квадриллионов и биллионов лет, объясняет Тайлер. Кандидата посылают прочь, но если решимость его настолько сильна, что он прождет у дверей без еды под открытым небом три дня, тогда и только

тогда он может войти и приступить к тренировке.

Так что я сказал Мистеру Ангелу, что он слишком молод, но за обедом обнаружил, что он по-прежнему стоит у дверей. После обеда я спустился, слегка поколотил Мистера Ангела метлой и выбросил мешок с его вещами на улицу. С верхнего этажа Тайлер наблюдает, как я для начала заехал парню метлой по уху, потом швырнул его вещи в сточную канаву и начал кричать на него.

Убирайся, кричал я. Ты что, оглох? Ты слишком молод. У тебя ничего не выйдет, кричу я. Возвращайся через пару лет и попробуй снова. Убирайся. Прочь с моего крыльца.

На следующий день парень все еще там и говорить к нему выходит Тайлер.

– Извини, – говорит Тайлер.

Тайлер сожалеет, что парень услышал про тренировки, но он на самом деле слишком молод и поэтому будет лучше, если он все же отправится домой.

Хороший полицейский. Плохой полицейский.

Я вновь кричу на беднягу. Затем, через шесть часов, выходит Тайлер и говорит, что – увы! – но никакой возможности нет. Парень должен уйти. Тайлер говорит, что вызовет полицию, если парень не уйдет.

Но парень остается.

А его вещи так и валяются в канаве. Ветер уносит обрывки бумажного пакета.

А парень все стоит и стоит.

На третий день к дверям является второй кандидат. Мистер Ангел по-прежнему там, Тайлер спускается и говорит ему:

– Проходи. Подбери свои вещи и проходи.

Новому парню Тайлер говорит, что, к его огромному сожалению, вышла ошибка. Новый парень слишком стар, чтобы заниматься здесь, и будет лучше, если он уйдет.

Я хожу на работу каждый день. Я прихожу домой, и каждый день один или два парня ожидают у крыльца. Я больше даже не смотрю им в лица. Я захлопываю за собой дверь и оставляю их стоять на крыльце. Это случается почти каждый день: иногда кандидаты уходят, но чаще всего они выстаивают все три дня, и так пока большинство из семидесяти двух коек, которые мы с Тайлером купили и поставили в подвале, не оказываются заполненными.

В один прекрасный день Тайлер дает мне пятьсот долларов наличными и просит меня постоянно носить их с собой в ботинке. Деньги на мои похороны. Это тоже один из обычаев буддистских монахов.

Теперь, когда я прихожу домой с работы, дом полон незнакомыми людьми, набранными Тайлером. Все поглощены работой. Первый этаж целиком превращен в кухню и мыловаренный завод. В туалет попасть невозможно. Иногда группа курсантов исчезает на несколько дней и возвращается с красными прорезиненными мешками, наполненными жидким, водянистым жиром.

Как-то ночью Тайлер поднялся ко мне в спальню и сказал:

– Не беспокойте их попусту. Они все знают, что им делать. Так устроен «Проект Разгром». Никто не знает плана целиком, но каждый в совершенстве обучен выполнять одну простую задачу.

* * *

Одно из правил «Проекта Разгром» – Тайлер всегда прав.

А затем Тайлер исчез.

Парни из «Проекта Разгром» топят сало с утра до ночи. Я не сплю. Всю ночь я слышу, как другие парни варят сало со щелочью, нарезают мыло в бруски, раскладывают их на бумаге для выпечки, а затем заворачивают каждый брусок в ткань и запечатывают ярлыком с торговым знаком «Мыловаренного Завода на Бумажной улице». Все, кроме меня, знают, что нужно делать, а Тайлера все нет и нет.

Я слоняюсь вдоль стен, как мышь, попавшая в мышеловку, где люди-автоматы, молчаливые и энергичные как дрессированные обезьянки, варят мыло, работают и спят посменно. Одна команда обезьянок-астронавтов готовит весь день еду, другая – ест эту еду из принесенных с собой пластиковых котелков.

Как-то утром я уходил на работу и увидел Большого Боба, стоявшего на крыльце. Он был одет в черные ботинки, рубашку и брюки. Я спросил его, не видел ли он Тайлера на днях? Может быть, это Тайлер прислал его сюда?

– Первое правило «Проекта Разгром», – говорит Большой Боб, вытянувшись по струнке, пятки вместе, – не задавать вопросов, касающихся «Проекта Разгром».

И какую же не требующую мозгов задачу поручил Тайлер ему лично, спрашиваю я. Ведь есть и такие курсанты, вся обязанность которых сводится к тому, чтобы день за днем варить рис или мыть котелки, или чистить ковры. День за днем. Может быть, Тайлер пообещал Большому Бобу, что того постигнет просветление, если он шестнадцать часов в день будет заворачивать в упаковку бруски мыла?

Большой Боб ничего не отвечает.

* * *

Я иду на работу. Я прихожу домой, а Большой Боб все так и стоит на крыльце. Я не сплю всю ночь, а на следующее утро я нахожу Большого Боба приводящим в порядок сад.

Перед тем, как уйти на работу, я спрашиваю Большого Боба, кто его впустил? Кто назначил его ухаживать за садом? Видел ли он Тайлера? Был ли здесь Тайлер ночью?

Большой Боб отвечает:

– Второе правило «Проекта Разгром» – не задавать вопросов, касающихся...

Я обрываю его. Да, говорю я, да, да, да, и еще раз – да!

И пока я тружусь в конторе, команды обезьянок-астронавтов вскапывают грязную лужайку вокруг дома, вносят в почву аммонийные удобрения, чтобы понизить кислотность и бросают лопатами приобретенный на ферме навоз и обрезки волос, купленные в парикмахерской, которые отгоняют от посевов мышей и кротов и повышают содержание протеинов в почве.

Посреди ночи другая команда обезьянок-астронавтов является со скотобойни домой с мешками кровавого мяса, чтобы повысить содержание железа в почве, и пакетами костной муки с высоким содержанием фосфора.

Команды обезьянок-астронавтов сеют семена базилика, чабреца и латука, высаживают саженцы лещины, эвкалипта, декоративного апельсина и перечной мяты в калейдоскопическом порядке. Посредине каждой зеленой куртины – розовый куст. Другие команды выходят по ночам с ручными фонариками и убивают слизней и улиток. Еще одна команда собирает лучшие листья и ягоды с кустов можжевельника, чтобы изготовить из них натуральный краситель. Дельфиниум – потому что это натуральный дезинфектант. Листья фиалки – средство от головной боли, душистый ясменник придает мылу аромат свежесрезанной травы.

На кухне стоят бутылки с сорокаградусной водкой, которая нужна для производства прозрачного розового гераниевого мыла, и мыла цвета жженого сахара, и мыла с пачулиями. Я украл одну бутылку водки, а похоронные деньги потратил на сигареты. Заходила Марла. Мы поговорили о растениях. Мы гуляли с Марлой по усыпанным гравием дорожкам посреди калейдоскопически-зеленых клумб сада, пили и курили. Мы говорили о ее груди. Мы говорили о чем угодно, кроме Тайлера Дердена.

В один прекрасный день в газетах появилось сообщение о том, что бригада одетых в черное людей напала на хороший район и на магазин, торговавший роскошными моделями автомобилей, и принялась наносить удары бейсбольными битами по бамперам, отчего воздушные мешки начали срабатывать и взрываться внутри салонов, пачкая их тальком, а противоугонные устройства завывали как бешенные.

В «Мыловаренном Заводе на Бумажной Улице» команды обезьянок-астронавтов обрывают лепестки с роз, анемонов и лаванды и укладывают их в коробки с чистым жиром, который поглощает их эфирные масла, необходимые для производства мыла с цветочным запахом.

Марла рассказывает мне о растениях.

Роза, говорит мне Марла, это природное вяжущее средство.

Имена некоторых растений звучат как список умерших в доме престарелых: Роза, Вербена, Лилия, Нарцисс. Другие, такие как Таволга, Буквица, Наперстянка, Душица похожи на имена фей из комедий Шекспира. Чемерица с ее сладким ванильным запахом. Лещина – еще одно

натуральное вяжущее средство.

Аир, дикий испанский ирис.

Каждую ночь мы с Марлой гуляем в саду, пока я не убеждаюсь, что и сегодня Тайлер не пришел ночевать домой. За нами следом всегда плетется какая-нибудь обезьянка-астронавт, подбирает веточку бальзама, руты или мяты, которую сорвала Марла и растерла в пальцах, чтобы дать мне понюхать. Или брошенный окурок. Обезьянка-астронавт бредет за нами, чтобы стереть все следы нашего пребывания в этом саду.

В другую ночь в одном парке в самом центре города еще одна группа людей в черном облила бензином каждое дерево и провела бензиновые дорожки между деревьями, а затем устроила небольшой, но настоящий лесной пожар. В газетах написали, что от жара поплыли окна в особняке напротив парка, а у автомобилей на стоянке с неприличным звуком полопались шины.

Дом, снятый Тайлером на Бумажной улице, превратился в живое существо, влажное изнутри, оттого что в нем живет, потеет и дышит столько людей. Внутри ходит столько людей, что дом шевелится.

В другую ночь, когда Тайлер снова не вернулся домой, кто-то просверлил отверстия в банкоматах и таксофонах, а затем вставил в дырки катетеры и, при помощи шприца для смазочных работ, наполнил их изнутри солидолом и ванильным пудингом.

И хотя Тайлера никогда не было дома, через месяц у многих обезьянок-астронавтов на тыльной стороне ладони виднелся след поцелуя Тайлера. Потом эти обезьянки-астронавты куда-то девались, а их место занимали новые, приходившие на крыльцо им на замену.

И каждый день группы уезжали и приезжали домой в различных автомобилях. Никогда не удавалось увидеть одну и ту же машину дважды. Однажды вечером я услышал, как Марла на крыльце говорит обезьянке – астронавту:

– Я пришла к Тайлеру. К Тайлеру Дердену. Он живет здесь. Он – мой друг.

Обезьянка-астронавт ответила:

– Мне жаль, но ты слишком... слишком молода, чтобы тренироваться с нами.

– Шел бы ты, – отрезает Марла.

– Кроме того, – продолжает обезьянка, – ты не принесла то, что необходимо: две черных рубашки, две пары черных брюк...

– Тайлер, – кричит Марла.

– Пару прочных черных ботинок.

– Тайлер!

– Две пары черных носков и две смены нижнего белья.

– Тайлер!

Я слышу, как хлопнула входная дверь. Марла три дня ждать не станет.

Приходя с работы, я обычно делаю себе бутерброд с арахисовым маслом.

Когда я пришел домой в этот раз, я увидел, как одна обезьянка читает остальным, сидящим на полу, занимающим собой весь первый этаж, следующий отрывок:

– Ни один из вас не обладает уникальностью и красотой снежинки. Вы – не более чем разлагающаяся органическая материя, как и все другие живые существа. Вы все – часть одной и той же компостной кучи.

Обезьянка-астронавт продолжала:

– Наша культура уравнила нас в правах. Никто больше не может с полным основанием называть себя белым или черным, богатым или бедным. Мы все хотим одного и того же. Наша индивидуальность ничего не стоит.

Чтец замолкает, когда я захожу, чтобы сделать себе бутерброд, и все обезьянки-астронавты сидят смирно, как будто никого кроме меня здесь нет. Не стоит, говорю я. Я уже читал это. Я набирал этот текст.

Даже мой начальник, наверное, уже это прочел.

Мы – просто большая куча дерьма, говорю я. Валяйте дальше, играйте в ваши игры. Не обращайтесь на меня внимания.

Обезьянки-астронавты спокойно дожидаются, пока я сделаю бутерброд, возьму еще одну бутылку водки и поднимусь наверх. У себя за спиной я слышу:

– Ни один из вас не обладает уникальностью и красотой снежинки.

Я – Разбитое Сердце Джека, потому что Тайлер бросил меня. Как мой отец. Как все вокруг.

Вечерами, после работы, я иногда захожу то в один, то в другой бойцовский клуб и спрашиваю, не видел ли кто Дердена Тайлера.

И в каждом новом бойцовском клубе кто-то другой, незнакомый мне стоит в круге света под лампой, окруженный со всех сторон тьмой, и читает слова Тайлера.

Первое правило бойцовского клуба гласит: никому не рассказывать о бойцовском клубе.

Когда начинается бой, я отвожу руководителя клуба в сторону и спрашиваю его, не слышал ли он о Тайлере Дердене. Я живу вместе с Тайлером, говорю я, и он давно уже не появлялся дома.

Парень делает большие глаза и спрашивает, действительно ли я знаком с Тайлером Дерденом.

Это случается в большинстве новых бойцовских клубов. Да, говорю я, мы с Тайлером – лучшие приятели. И тогда, ни с того, ни с сего, все кидаются пожать мне руку.

Эти новые ребята глядят на дырку в моей щеке и на черную кожу на моем лице, желтую и зеленоватую по краям, и обращаются ко мне «сэр». Нет, сэр. Да нет, сэр. Они не знакомы с Тайлером Дерденом, и никто из их знакомых тоже не знаком. Друзья их друзей встречались с Тайлером, они и основали это отделение бойцовского клуба, сэр.

Затем они подмигивают мне.

Никто из их знакомых не знаком с Тайлером Дерденом.

Сэр.

И все спрашивают меня, а это правда? Правда, что Тайлер Дерден создает армию? Ходят такие слухи. Правда, что Тайлер спит по ночам не больше часа? А еще ходят слухи, что Тайлер разъезжает по стране, открывая повсюду бойцовские клубы. Что последует за этим? – интересуются все.

Собрания участников «Проекта Разгром» переместились в другой подвал, побольше, потому что все комитеты – и «Поджоги», и «Налеты» и «Неповиновение», и «Дезинформация» – становятся все многочисленнее и многочисленнее, по мере того как новые и новые люди проходят школу бойцовских клубов. У каждого комитета – свои руководители, но даже они не знают, где находится Тайлер. Он связывается с ними каждую неделю по телефону.

Все участники «Проекта Разгром» интересуются, что последует за этим.

К чему мы придем?

Что ждет нас впереди?

На Бумажной улице мы с Марлой гуляем по ночам в саду босиком, вдыхая на каждом шагу аромат шалфея, лимонной вербены и розовой герани. Черные рубашки идут за нами со свечами в руках, поднимая листья растений, чтобы убить улитку или слизняка. Марла спрашивает, что здесь происходит?

Слой срезанных волос под слоем тряпичных обрезков. Волосы и навоз.

Подкормка сырым мясом и костной мукой. Растения растут быстрее, чем обезьянки-астронавты успевают их срезать. Марла спрашивает меня:

– Что ты собираешься делать?

Как ты сказала?

В грязи что-то блеснуло золотом, и я наклонился, чтобы рассмотреть получше. Я не знаю, что будет дальше, говорю я Марле.

Похоже, нас обоих бросили.

Уголкем глаза я вижу обезьянок-астронавтов в черном, толпящихся у меня за спиной со свечами в руках. Это блестел коренной зуб в золотой коронке. Рядом с ним – еще два зуба с серебряными пломбами. Это – человеческая челюсть.

Не знаю, говорю я, не знаю, что последует за этим. И я запикиваю челюсть с блестками зубов туда, глубже в грязь, волосы, дерьмо, кости и кровь, туда, где Марла их не увидит.

В пятницу вечером я заснул в конторе у себя за рабочим столом.

Когда я проснулся, все уже ушли, а на столе у меня звонил телефон. Телефон звонил у меня во сне, и мне так и не ясно, реальность ли это вторглась в мой сон, или мой сон овладел реальностью.

Я ответил на звонок: Определение Ответственности.

Так называется мой отдел: «Определение Ответственности».

Солнце заходит, а по небу мчатся огромные кучевые облака размером со штат Вайоминг и Японию вместе взятые. Своего окна на работе у меня нет. Просто стены в нашей конторе стеклянные. В этом здании все стены стеклянные – от пола до потолка. Везде – вертикальные жалюзи. Повсюду – серый производственный ковролин, украшенный маленькими надгробиями размером для подключения персональных компьютеров к локальной сети. Лабиринт клетушек из прозрачного пластика и декоративных панелей.

Где-то гудит пылесос.

Мой начальник уехал в отпуск. Он послал мне e-mail, а затем испарился. Я должен приготовить за две недели полный отчет. Зарезервировать конференц-зал. Подбить бабки. Подвести черту. Что-то в этом роде. Меня явно хотят подставить.

Я – Полная Невозмутимость Джо.

Мое поведение давно вышло за всякие рамки.

Я снимаю трубку, на проводе Тайлер, он говорит мне:

– Выйди на улицу, там, на автостоянке, тебя ждут парни.

Кто они такие, спрашиваю я.

– Они ждут тебя, – говорит Тайлер.

Мои руки пахнут бензином.

Тайлер продолжает:

– Пора делать ноги. У них есть машина. «Кадиллак».

Я все еще сплю.

Я не могу понять, снится мне Тайлер или нет.

Или это я снюсь Тайлеру?

Мои руки пахнут бензином. Больше никого в здании нет. Я спускаюсь и выхожу на автостоянку.

Один из парней, которые посещают бойцовский клуб, работает с автомобилями. Он припарковал на повороте чей-то черный «корниш», и все, что я могу – смотреть на этот черно-золотой портсигар, готовый умчать меня прочь. Автомеханик, который выбирается из автомобиля, говорит мне, что все в полном порядке: он поменял номера у машины на другие, снятые с автомобиля на долговременной стоянке в аэропорту.

Он говорит, что может завести все, что угодно, из рулевой колонки «кадиллака» торчат два провода. Замкните провода, ток попадет на обмотку стартера и – вперед с ветерком!

Или еще можно подсмотреть код противоугонного устройства в базе данных в магазине.

Три обезьянки-астронавта сидят на заднем сиденье, облаченные в свою черную униформу. Ничего не слышу. Ничего не вижу. Ничего никому не скажу.

Я спрашиваю их: а где же Тайлер?

Автомеханик из бойцовского клуба распахивает передо мной дверцу «кадиллака» словно водитель. Механик – высокорослый детина с костлявыми плечами – напоминает телеграфный столб, вроде тех, что стоят вдоль дорог.

Я спрашиваю: мы едем к Тайлеру?

Посередине переднего сиденья меня ожидает торт на день рождения с зажженными свечами. Я сажусь в машину. Мы отъезжаем.

Даже через неделю после посещения бойцовского клуба ты с трудом можешь сдержаться от того, чтобы не превысить скорость. Возможно, что у тебя – внутреннее кровотечение и вот уже два дня – черный от свернувшейся крови стул, но ты все равно чувствуешь себя клево. Машины шарахаются от тебя во все стороны. Водители показывают тебе палец. Тебя начинают ненавидеть абсолютно незнакомые тебе люди. В этом нет ничего личного. После бойцовского клуба ты так расслаблен, что тебе на все наплевать. Ты даже радио не включаешь. Возможно, у тебя в ребре трещина, которая расходится при каждом вдохе. Машины сзади сигналият тебе фарами. Солнце – золотой апельсин – заходит за горизонт.

Автомеханик за рулем. Я – на пассажирском кресле. Между нами – торт с зажженными свечами.

Смотреть на парней вроде нашего автомеханика в бойцовском клубе – страшное дело. Костлявые парни никогда не вырубаются. Они бьются до тех пор, пока не превращаются в кот-

лету. Белые парни, похожие на скелеты, покрытые татуированным воском, черные парни, похожие на вяленое мясо – такие парни обычно ходят парами и видно, что они явились из клуба Анонимных Наркоманов. Такие парни никогда не говорят: «Хватит». Они переполнены энергией, они движутся так быстро, что края изображения размываются, они словно выздоравливают на глазах. Как будто у них нет другого выбора, как умереть, и умереть они должны обязательно именно в этом бою.

Такие парни всегда бьются друг с другом.

Никто другой не вызывает их на бой, и они не могут вызвать на бой никого, кроме другого такого же скелета, потому что никто другой не хочет биться с ними.

Те же, что следят за боем, следят за ним молча, когда бьются такие парни, как наш механик.

Ничего не слышно, кроме сдавленного дыхания бойцов, шлепков рук, ищущих опоры, глухих ударов кулаков по выступающим ребрам, побелевшим от напряжения. Видно, как играют мышцы, сухожилия и вены под кожей у этих парней. Как блестит их влажная, потная кожа под одинокой лампой посреди подвала.

Проходит десять, пятнадцать минут. Запах пота этих парней напоминает запах жареных цыплят.

Проходит двадцать минут и, наконец, один из этих парней валится на пол.

После боя оба бывших наркомана сидят рядышком весь остаток вечера, опустошенные, усталые, с улыбкой на губах.

С тех пор как автомеханик начал ходить в бойцовский клуб, он постоянно толчется возле дома на Бумажной улице. Хочет, чтобы я послушал песни, которые он пишет. Хочет, чтобы я посмотрел домик для птиц, который он сделал. Однажды он показал мне фотографию какой-то девушки и спросил, стоит ли ему на ней жениться.

Сидя на переднем сиденье «корниша», этот парень говорит мне:

– Посмотрите, какой торт. Это я для вас сделал.

Мой день рождения не сегодня.

– Масло немного подтекало через кольца, – говорит автомеханик, но я заменил масло и воздушный фильтр. А еще я проверил клапана и распределитель. Сегодня ночью обещали дождь, так что я поменял и резину на стеклоочистителях.

Я спрашиваю, что собирается делать Тайлер?

Механик открывает пепельницу и вдавливая прикуриватель в панель.

Он говорит:

– Это что, проверка? Вы нас проверяете?

Где Тайлер?

– Первое правило бойцовского клуба: никому не рассказывать о бойцовском клубе, – говорит механик. – А правило «Проекта Разгром» – не задавать вопросов.

А что можно говорить?

– Поймите: моделью для Бога является ваш собственный отец, – говорит механик.

А у нас за спиной моя работа, моя контора становятся все меньше, меньше, меньше, пока не исчезают совсем.

Мои руки пахнут бензином.

Механик продолжает:

– Если ты американец мужского пола и христианского вероисповедания, то твой отец – это модель твоего Бога. А если ты при этом не знаешь своего отца, если он умер, бросил тебя или его никогда нет дома, что ты можешь знать о Боге?

Это одна из догм Тайлера Дердена. Он накарябал ее на листке бумаги, пока я спал и оставил мне, чтобы я отксерил ее на работе в нужном количестве экземпляров. Я читал это все. Даже мой начальник, наверно, все это читал.

– Так что кончается это тем, – говорит механик, – что ты всю жизнь ищешь отца и Бога.

– Необходимо смириться с тем, – продолжает он, – что Бог, возможно, тебя не любит. Возможно, он тебя просто ненавидит. Это не самое худшее, что может случиться в жизни.

По мнению Тайлера, если Бог обращает на тебя внимание, потому что ты ведешь себя плохо, то это все же лучше, чем если ему вообще на тебя наплевать. Возможно, потому что Божья ненависть все же лучше Божьего безразличия.

Если у тебя есть выбор – стать врагом Бога или стать ничтожеством, – что выберешь ты?

По мнению Тайлера Дердена мы – нежеланные дети Божьи. Для нас в истории не оставлено места.

Если мы не привлечем к себе внимания Бога, то у нас нет надежды ни на вечное проклятие, ни на искупление грехов.

Что хуже: ад или ничто?

Мы можем обрести спасение, только если нас поймают и накажут.

– Сожги Лувр, – повторяет механик, – и подотрись «Моной Лизой». Так, по крайней мере, Бог будет знать твое имя.

Чем ниже падешь, тем выше взлетишь. Чем дальше уйдешь от Бога, тем больше он будет желать, чтобы ты вернулся.

– Если бы блудный сын никогда не вернулся в отчий дом, – говорит автомеханик, – тучный телец был бы все еще жив.

Того, что ты исчислен вместе со звездами небесными и песком на берегу моря, еще мало.

Механик направляет «корниш» на старую объездную автостраду без разделительного барьера и снижает скорость до разрешенной. Салон «корниша» наполняется светом фар едущих за нами следом грузовиков, а мы продолжаем беседовать и наши лица отражаются в лобовом стекле. Мы едем, не превышая скорости. Соблюдая закон.

Закон есть закон, сказал бы Тайлер. Ехать с превышением скорости – то же самое, что устроить поджог. Устроить поджог – то же самое, что подложить бомбу. Подложить бомбу – то же самое, что убить человека.

Преступник всегда преступник.

– На прошлой неделе мы открыли еще четыре отделения бойцовского клуба, – говорит автомеханик. – Может быть, следующим отделением мы поставим руководить Большого Боба, как только найдем подходящий подвал?

На следующей неделе он повторит правила с Большим Бобом и поставит его руководить отделением.

Отныне, когда руководитель начинает встречу бойцовского клуба, все становятся вокруг лампочки в центре помещения, а руководитель обходит собрание по периметру в темноте.

Я спрашиваю, кто придумал это новое правило? Тайлер Дерден?

Механик улыбается и говорит:

– Вы же знаете, кто придумывает правила.

Суть нового правила в том, что никто не должен быть центром бойцовского клуба, объясняет он. Никто, кроме двух бойцов. Руководитель будет объявлять правила из темноты, обходя собравшихся по кругу. Люди в толпе будут смотреть на других людей через пустой центр помещения.

Так отныне будет во всех бойцовских клубах.

Найти бар или гараж, в котором разрешат проводить собрания клуба, не так уж и сложно. В баре, где до сих пор базируется один из первых клубов, они собрали арендную плату за месяц в один вечер.

Другое новое правило, говорит механик, заключается в том, что отныне все бойцовские клубы будут бесплатными. Вход не будет стоить ничего.

Механик выкрикивает в открытое окно встречным машинам, и поток воздуха, шуршащий по обшивке, заглушает его слова:

– Нам нужны вы, а не ваши деньги. Механик выкрикивает в открытое окно:

– Пока ты в бойцовском клубе, не имеет значения, сколько денег у тебя на счету в банке. Где ты работаешь – не имеет значения. Есть ли у тебя семья – не имеет значения. Кто ты такой – не имеет значения.

Механик выкрикивает в открытое окно:

– Твое имя не имеет значения.

Обезьянка-астронавт на заднем сиденье подхватывает:

– Твои проблемы не имеют значения.

Механик выкрикивает:

– Твои проблемы не имеют значения.

Обезьянка-астронавт восклицает:

– Твой возраст не имеет значения.

Механик выкрикивает:

– Твой возраст не имеет значения.

И тут механик направляет машину на встречную полосу, и огни встречных машин наполняют салон, холодные, словно штыковые удары. Сначала одна машина, а затем другая, мчатся на нас лоб в лоб, вереща клаксонами, но механик успевает уклониться в сторону и избежать столкновения.

Фары надвигаются на нас, огромные, гигантские, завывают клаксоны, но механик устремляется в самую гущу света, звука и шума.

– Твои ожидания не имеют значения.

Никто не подхватывает эту заповедь.

На этот раз уклоняться приходится уже встречной машине.

Еще одна машина надвигается, мигая дальним светом, водитель жмет на сигнал, а механик выкрикивает:

– Спасенья нет.

И на этот раз механик не уклоняется от столкновения, позволяя это сделать встречной машине.

Еще одна машина, и вновь механик выкрикивает:

– Рано или поздно ты умрешь.

На этот раз, как только встречная машина сворачивает, механик кидает рулевое колесо в ту же сторону. Машина снова пытается уклониться, но механик опять идет ей наперерез.

В такие мгновения все у тебя внутри тает и растворяется. В такое мгновение ничего не имеет значения. Посмотри на звезды – и ты пропал. Твое имущество не имеет значения. Ничего не имеет значения. То, что у тебя дурно пахнет изо рта, не имеет значения. Снаружи темно и гудят встречные машины. Тебе мигают в лицо дальним светом, и, возможно, тебе уже никогда не придется ходить на работу.

Тебе уже не придется ходить в парикмахерскую.

– Быстрее, – говорит механик.

Встречная машина сворачивает в сторону, и мы вновь пытаемся ее перехватить.

– Что бы ты хотел сделать, – спрашивает механик, – перед смертью?

На нас вновь надвигается, завывая, встречная машина, но механик даже не смотрит вперед, он смотрит на меня и говорит:

– Десять секунд до столкновения.

– Девять.

– Восемь.

– Семь.

– Шесть.

Работа, говорю я. Я хочу уволиться с работы.

Машина сворачивает в сторону, но механик на этот раз не пытается ее перехватить.

Впереди возникают новые и новые огни. Механик поворачивается к трем обезьянкам на заднем сидении.

Он говорит им:

– Эй, обезьянки-астронавты, вы видели, как играют в эту игру. Решайся сразу, а то так и умрешь.

Справа нас обгоняет машина со стикером на бампере, на котором написано: «Я вожу лучше, когда пьян». В газетах писали, что одним прекрасным утром на тысячах машин появились эти стикеры. На других стикерах написаны такие лозунги как: «Пьяные водители против материнства» или «Все животные подлежат вторичной переработке».

Я читаю газеты и понимаю, что это сделал либо «Комитет Неповиновения», либо «Комитет Дезинформации».

Сидящий рядом, со мной механик подтверждает: да, все это часть «Проекта Разгром».

Три обезьянки-астронавта молчат у нас за спиной.

«Комитет Неповиновения» печатает карточки с правилами безопасности, которые вкладываются на самолетах в карманы на спинках кресел, на которых изображены пассажиры, дерущиеся за кислородные маски, в то время как реактивный лайнер падает на скалы со скоростью ты-

сяча миль в час.

Комитеты неповиновения и дезинформации соревнуются, кто из них первыми разработает вирус, который заставит банкоматы изрыгнуть из себя поток десяти и двадцатидолларовых бумажек.

Прикуриватель уже достаточно разогрелся и механик просит меня зажечь свечи на праздничном торте.

Я зажигаю свечи, и над тортом вспыхивает маленький огненный нимб.

– Что бы ты хотел сделать перед смертью? – спрашивает механик и направляет машину навстречу грузовику.

Водитель грузовика давит на сигнал, снова, и снова, и снова, а фары надвигаются на нас, озаряя улыбку на лице автомеханика.

– Загадывайте желания, да быстрее, – говорит он, бросая взгляд в зеркальце на трех обезьянок-астронавтов на заднем сидении. – От небытия нас отделяют пять секунд.

– Раз, – говорит он.

– Два.

Грузовик надвигается на нас, словно сверкающая и ревущая гора.

– Три.

– Научиться ездить верхом, – доносится с заднего сидения.

– Построить дом, – говорит другой голос.

– Сделать татуировку.

Механик отвечает:

– Уверуйте в меня и обретете смерть вечную.

Мы опоздали. Механик сворачивает в сторону, и водитель грузовика – тоже, но задние стабилизаторы «корниша» цепляются за бампер грузовика.

Разумеется, сразу я не понимаю, что произошло. Я вижу огни грузовика, уносящиеся вдаль, меня швыряет на дверь, а затем на торт и на механика за рулем.

Механик вцепляется в рулевое колесо, пытаюсь совладать с ним, а свечи на торте гаснут. На какое-то мгновение в обитом теплой черной кожей салоне становится абсолютно темно, и мы все кричим на одной ноте, одним и тем же низким криком, в унисон со звуковым сигналом грузовика. Нам некуда бежать, мы не можем ничего сделать, у нас нет выбора, мы – мертвы.

Я хочу умереть прямо сейчас. Кто я в сравнении с Тайлером?

Я беспомощен.

Я глуп. Я только все время чего-то хочу, все время за что-то цепляюсь.

За мою жалкую жизнь. За мою дерьмовую работу. За шведскую мебель. Я никогда и никому об этом не говорил, но до того как я повстречал Тайлера, я мечтал купить пса и назвать его «Антураж».

Вот до чего можно докатиться в этой жизни.

Убей меня.

Я хватаюсь за рулевое колесо и пытаюсь вывернуть его обратно.

Поехали.

Приготовиться к эвакуации души.

Поехали.

Механик вырывает у нас колесо, чтобы направить нас в кювет, а я мечтаю вернуться на встречную полосу.

Поехали. Восхитительное чудо смерти, когда еще мгновение назад ты ходил и говорил, и вот – ты уже неодушевленный предмет.

Ничто и даже меньше.

Холодный.

Невидимый.

Запах кожи. Мои ремни безопасности обвилились вокруг меня словно смирительная рубашка. Я пытаюсь сесть, но тут же ударяюсь головой о рулевое колесо. Это очень больно. Моя голова падает на колени к механику. Я гляжу вверх и вижу улыбающееся лицо механика и звездное небо за лобовым стеклом.

Все руки и лицо у меня в чем-то липком.

Кровь?

Или масляный крем?

Механик смотрит на меня и говорит:

С днем рождения!

Пахнет дымом, и я вспоминаю про мой торт.

– Ты головой чуть не сломал рулевое колесо, – говорит механик.

Вот и все и больше ничего; ночной воздух, запах дыма, звезды, улыбающийся механик. Моя голова все еще лежит у него на коленях, и вдруг я понимаю, что мне вовсе не хочется поднимать ее.

А где же торт?

Механик отвечает:

– На полу.

Ночной воздух, а запах дыма все крепчает.

Исполнится ли мое желание?

Надо мной – окруженное небесными звездами улыбающееся лицо.

– Эти свечи для тортов, их почти невозможно погасить.

И, наконец, при свете звезд мне удастся различить, что дым исходит от маленьких огоньков, рассыпанных по коврику на полу салона.

19

Автомеханик из бойцовского клуба жмет на газ, вертит баранку в присущем ему яростном стиле, а мы снова едем по автостраде, потому что этой ночью у нас еще есть дела.

До того, как наступит конец цивилизации, мне надо научиться определять по звездам курс. Все вокруг так безмолвно и темно, словно наш «кадиллак» движется в космическом пространстве. Мы давно съехали с шоссе. Трое парней на заднем сиденье то ли спят, то ли в обмороке.

– Мы были на волосок от жизни, – говорит автомеханик.

Он протягивает ко мне руку и трогает длинный шрам у меня на лбу – там, куда пришелся удар рулевого колеса. Мой лоб так раздулся, что я жмурюсь от боли. Механик проводит холодным пальцем вдоль шрама. «Корниш» подскакивает на ухабе, и боль, словно жидкость, выплеснувшаяся из чашки, заливает мои глаза черной тенью. Наш помятый багажник покачивается, а отвалившийся бампер скрежещет по асфальту, нарушая ночную тишину.

Механик говорит, что задний бампер «корниша» висит на волоске: при столкновении он зацепился за передний бампер грузовика и сорвался с кронштейнов.

Я спрашиваю, является ли происходящее частью домашнего задания в рамках «Проекта Разгром»?

– В некоторой степени – да, – говорит механик, – мне надо было принести в жертву четырех человек и раздобыть мешок жира.

Жира?

– Для мыла.

Что планирует Тайлер?

Механик начинает говорить словами Тайлера Дердена.

– Я вижу перед собой самых сильных и самых умных людей, которые когда-либо жили на этой земле, – говорит он, и профиль его отчетливо вырисовывается на фоне звезд. И они работают на бензоколонках и подают еду в ресторанах.

Линия его лба, профиль его носа, ресницы и брови, движущиеся губы – все его лицо отчетливо вырисовывается на фоне звездного неба.

– Если бы мы могли разместить этих людей в тренировочных лагерях и воспитать их.

– Пистолет просто направляет взрыв в нужную сторону, вот и все.

– Все эти юноши, все эти девушки хотят отдать свою жизнь во имя чего-нибудь. Реклама заставляет их приобретать тряпки и машины, которые им вовсе не нужны. Поколения за поколениями люди работают на ненавистных работах только для того, чтобы иметь возможность купить то, что им не нужно.

– На долю нашего поколения не досталось великой войны или великой депрессии, поэтому мы должны сами объявить войну, и война эта будет духовной. Мы начнем революцию, направленную против культуры. Наша великая депрессия – это наше существование. Это депрессия ду-

ха.

– Мы должны научить людей свободе, поработив их, и показать им, что такое мужество, испугав их.

– Наполеон хвастался, что он может заставить людей жертвовать жизнью за орденскую ленту.

– Представьте себе, что весь мир объявит забастовку и откажется работать, пока богатства не будут перераспределены справедливым образом.

– Представьте себе, что вы охотитесь на лосей в сырых лесах на склонах каньона вблизи от развалин Рокфеллер-центра.

– То, что ты сказал про свою работу, это серьезно? – спросил механик.

Да, серьезно.

– Вот поэтому мы и едем туда, куда мы едем.

Мы на охоте, на охоте за жиром.

Мы едем в хранилище больничных отходов.

Мы едем в хранилище больничных отходов при станции сжигания. Там, среди использованных бинтов и перевязочных материалов, застарелых опухолей, использованных трубок для капельниц и игл, и прочих жутких, по-настоящему жутких, вещей, посреди образцов крови и ампутированных конечностей, мы найдем больше денег, чем может найти за ночь водитель мусорной машины.

Мы найдем столько денег, что, если ими нагрузить этот «корниш», он будет задевать днищем землю.

– Жир, – говорит механик, – жир, удаленный при липосукции, с ляжек богатой Америки. Самый лучший, самый густой жир в мире.

Мы привезем большие красные мешки с жиром на Бумажную улицу, смешаем со щелочью и экстрактом розмарина и продадим тем самым людям, которые заплатили за то, чтобы этот жир у них отсосали. Наше мыло стоит двадцать долларов за брусок: такую цену могут позволить себе только богатые.

– Самый густой, самый нежный жир в мире, тук земли, – говорит механик. – Так что сегодня ночью мы играем в Робин Гуда.

Маленькие восковые огоньки ползут по напольному коврику.

– Кроме того, – говорит он, – нам также поручили поискать материалы, зараженные вирусом гепатита.

20

Теперь он плачет уже по-настоящему; слеза прочертила след на стволе пистолета, стекая к скобе спускового крючка, и теперь жжет мой указательный палец. Раймонд Хессель закрывает глаза, а я прижимаю ствол сильнее к его виску, чтобы он постоянно помнил, что я – рядом, что я могу отнять у него жизнь в любой миг.

Пистолет стоит недешево, и я спрашиваю себя, не испортит ли его соль?

Все прошло так гладко, что я сам удивился. Я сделал все, что просил механик. Вот для чего нам потребовался пистолет. Это было мое домашнее задание.

Тайлер приказал, чтобы каждый из нас принес двенадцать водительских прав в доказательство того, что мы осуществили двенадцать человеческих жертвоприношений.

Я ждал в машине за углом, когда Раймонд Хессель около полуночи закончит свою смену в ночном магазине и направится на остановку. И пока он стоял и ждал дежурного автобуса, я подошел к нему и сказал: «Привет!»

Раймонд Хессель мне ничего не ответил. Ах, Раймонд Хессель, Раймонд Хессель! Вероятно, он думал, что мне нужна его получка, его жалкие ежедневные четырнадцать долларов. Эх, Раймонд Хессель, за все твои двадцать три года жизни ты так ничему и не научился! Когда я прижал пистолет к твоему виску, и твои слезы покатались по стволу, ты думал, что все дело в деньгах. Далеко не все сводится к деньгам, Раймонд Хессель.

Ты даже не поздоровался со мной, а я с тобой поздоровался.

Деньги в твоём кошельке не имеют значения.

Я сказал: «Отличная ночь, холодная, но дождя нет!»

А ты со мной даже не поздоровался.

Я сказал: «Не вздумай бежать, не то выстрелю тебе в спину». В руке у меня был пистолет, а на руке – резиновая перчатка, на тот случай, если мой пистолет когда-нибудь станет вещественным доказательством, на нем нельзя будет обнаружить ничего, кроме высохших слез Раймонда Хесселя, белого мужчины двадцати трех лет без особых примет.

Тогда ты и обратил на меня внимание. Твои глаза стали такими большими, что даже при тусклом свете фонарей было видно, что они у тебя зеленые, как антифриз.

Ты начинаешь слегка раскачиваться вперед и назад каждый раз, как только ствол пистолета касается твоей кожи, как будто он очень холодный или, напротив, очень горячий. Пока я не приказал тебе не шевелиться, но и тогда ты все время пытался отстраниться от пистолета.

Ты отдал мне бумажник, как я и просил.

Тебя звали Раймонд К. Хессель, так было написано в твоих водительских правах... Ты жил по адресу 1320 ЮВ Беннинг, квартира А. Такие номера дают квартирам, расположенным в подвале. Буквы вместо цифр.

Раймонд К. К. К. К. Хессель, я с тобой разговариваю.

Ты задрал голову вверх и назад, пытаясь отстраниться от пистолета, и сказал: «Да».

Я нашел несколько фотографий в твоём бумажнике. Среди них – фотографию твоих родителей.

Тебе было несладко, я заставил тебя одновременно смотреть на фотографию, на которой улыбались твои папа и мама, и на пистолет, а потом ты закрыл глаза и заплакал.

Великолепное, восхитительное чудо смерти ожидало тебя. Еще мгновение назад ты ходил и говорил, и вот – ты уже неодушевленный предмет, и твоим родителям придется обращаться к твоему стоматологу, чтобы идентифицировать личность, потому что от твоего лица мало что останется. А ведь мама и папа всегда так надеялись на тебя, а жизнь у них была трудная, и вот до чего они дожили.

Четырнадцать долларов.

Это твоя мама? – спрашиваю я.

Да. Ты плачешь, ты всхлипываешь. Ты глотаешь слезы.

Читательский билет. Членская карточка видеоклуба. Страховое свидетельство. Я хотел взять сначала проездной, но механик велел забирать только права. Просроченный студенческий билет.

Так ты учился?

В этот момент ты всхлипнул так громко, что я прижал ствол сильнее к твоей щеке, и ты начал пятиться назад, пока я не рявкнул: стой на месте или я тебя пристрелю. Итак, что ты изучал?

Где?

В колледже? У тебя есть студенческий билет.

О, так ты не помнишь. Всклип. Стон. Всклип. Биологию.

Послушай, сейчас ты умрешь, Раймонд К. К. К. Хессель. Сегодня ночью ты умрешь. Сию секунду или через час – это уж от тебя зависит. Так солги мне. Скажи первое, что на ум придет. Сочини что-нибудь. Мне же наплевать. У меня же пистолет.

Наконец, ты начал меня слушать и отвлекся на миг от трагедии, которая разыгрывалась у тебя в голове.

Заполни анкету. Кем Раймонд Хессель хочет стать, когда вырастет?

Опусти меня домой, сказал ты, я просто хочу домой.

Нет уж, блин, сказал я. Как ты собираешься жить после того, что произошло? Ты хоть что-нибудь умеешь делать?

Соври.

Ты не знаешь.

Тогда ты умрешь прямо сейчас, сказал я. Поверни голову.

Смерть наступит через десять, девять, восемь.

Ветеринаром, сказал ты. Ты хочешь быть ветеринаром.

А, животных лечить? Для этого надо много учиться.

Слишком много учиться, сказал ты.

Или отправляйся в школу и учись до посинения, Раймонд Хессель, или готовься умереть

прямо сейчас. Выбор за тобой. Я засунул бумажник в задний карман твоих джинсов. И так, ты и вправду хочешь стать звериным доктором? Я отвел покрывшийся кристалликами соли ствол от одной щеки и приставил его к другой. Так вот, значит, кем ты всегда хотел быть, Раймонд К. К. Хессель, – ветеринаром?

Да.

Не гонишь?

Нет, в смысле, да, не гоню. Да.

Ладно, сказал я, и притронулся кончиком ствола сначала к твоему подбородку, затем к носу, оставляя повсюду влажный круглый след твоих слез.

Ну что ж, сказал я, возвращайся в школу. Если завтра утром ты проснешься живым, то придумаешь, как тебе туда вернуться.

Я приложил влажный конец ствола снова сначала к подбородку, затем к щеке, и, наконец, ко лбу. Ты можешь умереть в любую минуту, сказал я.

У меня есть твои права.

Я знаю, кто ты. Я знаю, где ты живешь. Я буду проверять, что ты подделываешь, мистер Раймонд К. Хессель. Через три месяца, затем через полгода, затем – через год, и если ты не учишься на ветеринара, я убью тебя.

Ты ничего не сказал.

Убирайся отсюда и подавись своей жалкой жизнью, но помни – я слежу за тобой, Раймонд Хессель, и я убью тебя, если узнаю, что ты трудишься на дрянной работенке, зарабатывая себе на кусок сыра и на право пялиться в телевизор.

Теперь я ухожу, а ты стой и не поворачивайся.

Вот что приказал мне сделать Тайлер.

Слова Тайлера слетают с моих губ.

Я – рот Тайлера.

Я – его руки.

Все участники «Проекта Разгром» – члены тела Тайлера Дердена. Верно и обратное.

Раймонд К. К. Хессель, завтра ты проснешься и съешь самый вкусный завтрак в своей жизни, и проживешь день, который запомнишь навсегда.

21

Ты просыпаешься в международном аэропорту Скай Харбор.

Переведи часы на два часа назад.

Маршрутный автобус отвез меня в центр Феникса. В каждом баре, в который я захожу, я вижу парней со швами над бровью – там, где плоть их лопнула от столкновения с кулаком. У них свернутые набок носы, но увидев дыру в моей щеке, они признают меня за своего.

Тайлер уже давно не возвращался домой. Я занимаюсь своей работой – мчусь из аэропорта одного города в аэропорт другого, чтобы осмотреть очередную машину, в которой кто-то отправился на тот свет. Тайны странствий. Крошечная жизнь. Крошечное мыло. Крошечные кресла в салоне самолета.

И везде я расспрашиваю людей, не попадался ли им Тайлер.

Я вожу с собой водительские права двенадцати человеческих жертв на тот случай, если я встречу его.

В каждом баре, в каждом задрипанном баре я встречаю парней с побитыми лицами. В каждом баре меня кто-то обнимает и вызывается купить мне пиво. Мне начинает казаться, что я заранее знаю, в каких барах собираются парни из бойцовских клубов.

Я спрашиваю их, не встречался ли им парень по имени Тайлер Дерден.

Глупо спрашивать их, знают ли они, что такое бойцовский клуб.

Первое правило: никому не рассказывать о бойцовском клубе.

Но не встречался ли им Тайлер Дерден. Никогда не слышали о таком, сэр, отвечают они.

Возможно, он сейчас в Чикаго, сэр.

Очевидно, это из-за дыры в щеке все обращаются ко мне «сэр».

И подмигивают мне.

Ты просыпаешься в аэропорту О'Хара и добираешься на маршрутке до центра Чикаго.

Переведи часы на час вперед.

Если можно проснуться в другом месте.

Если можно проснуться в другое время.

Почему бы однажды не проснуться другим человеком?

В какой бы бар ты ни зашел, везде полно парней, которые хотят угостить тебя пивом.

Но, нет, сэр, нет, мы не видели этого Тайлера Дердена.

И они подмигивают.

Мы никогда не слышали этого имени раньше, сэр.

Я спрашиваю про бойцовский клуб. Нет ли здесь по соседству бойцовского клуба?

Нет, сэр.

Второе правило: никому никогда не рассказывать о бойцовском клубе.

Парни в баре с побитыми лицами качают головой.

Никогда не слышали о таком, сэр. Но вы можете найти этот ваш бойцовский клуб в Сиэтле.

Ты просыпаешься в Мейгз Филд и звонишь Марле, чтобы узнать, что происходит на Бумажной улице. Марла рассказывает, что теперь все обезьянки-астронавты бреют головы налысо. Электрическая бритва от такого количества работы раскалилась добела, и из-за этого повсюду пахнет паленым волосом. А затем обезьянки-астронавты сжигают себе щелочью кончики пальцев, чтобы избавиться от отпечатков.

Ты просыпаешься в Си Таке.

Переведи часы назад на два часа.

Ты добираться на маршрутке до центра Сиэтла, и в первом же баре видишь за стойкой бармена с ортопедическим устройством на сломанной шее, из которого он вынужден постоянно смотреть в потолок. Чтобы разглядеть тебя, он вынужден скосить глаза, к тому же ему очень мешает распухший словно баклажан нос.

Бар пуст, и бармен говорит мне:

– С возвращением, сэр.

– Я никогда раньше не бывал в этом баре, никогда.

Я спрашиваю бармена, знакомо ли ему имя Тайлера Дердена.

Бармен с трудом улыбается, потому что его подбородок подперт снизу металлической скобой, и говорит:

– Это проверка?

Да, говорю я, проверка. Знаком ли он с Тайлером Дерденом?

– Вы же заходили к нам на прошлой неделе, мистер Дерден, – отвечает бармен. – Неужели вы забыли?

Тайлер был здесь.

– Вы здесь уже были, сэр.

Я никогда не был здесь до сегодняшнего вечера.

– Разумеется, раз вы так говорите, сэр, – отвечает бармен, но в четверг вечером вы спрашивали, как скоро полиция собирается закрыть нас.

В прошлый четверг я всю ночь промучился бессонницей, не понимая, сплю я или бодрствую. Я проснулся в пятницу поздно, чувствуя себя совершенно разбитым и с таким ощущением, словно я всю ночь не смыкал глаз.

– Да, сэр, – говорит бармен. – В четверг вечером вы стояли там, где вы сейчас стоите, и спрашивали насчет налета полиции на клуб, а также насчет того, скольким парням нам пришлось отказать в приеме в клуб, который собирается здесь по средам.

Бармен пожимает плечами, обводит взглядом пустое помещение бара и говорит:

– Нас никто не слышит, мистер Дерден, сэр. В прошлый раз нам пришлось отказать двадцати семи. На следующий день после встречи клуба в баре ни души не бывает.

В какой бар я ни зайду, везде ко мне обращаются «сэр».

В какой бар я ни зайду, везде парни с побитыми лицами сразу начинают смотреть на меня. Откуда они все меня знают.

– У вас родимое пятно, мистер Дерден, – говорит бармен, – на ноге. Темно-красное, в форме Австралии с Новой Зеландией.

Только Марла знает об этом. Марла и мой отец. Даже Тайлер этого не знает. Когда мы встретились на пляже, я сидел, подложив ногу с пятном под себя.

А теперь все кругом знают о раке, которого у меня не было.

– Это знает каждый участник «Проекта Разгром», мистер Дерден, – и с этими словами бармен протягивает мне руку, показывая на тыльной стороне ладони ожог в виде поцелуя.

Мой поцелуй?

Поцелуй Тайлера.

– Все знают про ваше родимое пятно, – говорит бармен, – оно стало частью легенды. Да ты весь стал частью легенды, приятель.

* * *

Я звоню Марле из мотеля в Сиэтле и спрашиваю, занимались ли мы когда-нибудь этим.

Ну, ты понимаешь.

На другом конце провода Марла переспрашивает:

– Что?

Ну, спали вместе.

– Что?

Занимались ли мы любовью хоть раз?

– Боже!

Ну, так как?

– Что «ну, так как»?

Занимались ли мы любовью?

– Я убью тебя!

Это означает «да» или «нет»?

– Я знала, что так и будет, – говорит Марла. – Ты – законченный мерзавец. То ты меня любишь, то видеть не видишь. То спасаешь мне жизнь, то варишь мыло из моей матери.

Я щиплю себя.

Я спрашиваю у Марлы, как мы познакомились.

– В группе поддержки для больных раком яичка, – говорит Марла, – ты еще тогда спас мне жизнь.

Я спас ей жизнь?

– Ты спас мне жизнь.

Тайлер спас ей жизнь.

– Ты спас мне жизнь.

Я сую палец в отверстие на моей щеке и верчу им там, боль такая, что кого хочешь разбудит от любого сна.

Марла говорит:

– Ты спас мне жизнь. Отель «Регент». Я пыталась покончить с собой. Помнишь?

Ах да.

– В ту ночь я еще сказала, что хочу сделать от тебя аборт.

Давление в салоне падает.

Я спрашиваю Марлу, как меня зовут.

Скоро нам всем крышка.

Марла говорит:

– Тайлер Дерден. Тебя зовут Тайлер Дерден, использованная ты подтирка. Ты живешь по адресу 5123 СВ Бумажная улица в доме, который сейчас кишит твоими дурацкими учениками, которые бреют голову налысо и выжигают себе подушечки пальцев щелочью.

Мне нужно поспать хотя бы немного.

– Если ты немедленно не вернешься, – кричит Марла в трубку, – эти маленькие ублюдки и из меня сварят мыло.

Мне нужно найти Тайлера.

Шрам на твоей руке, Марла, говорю я, откуда он у тебя взялся?

– Ты его сделал. Это твой поцелуй.

Мне нужно найти Тайлера.

Мне нужно поспать хотя бы немного.

Мне нужно поспать.

Мне нужно пойти и поспать.

Я прощаюсь с Марлой, желаю ей спокойной ночи, и крик Марлы в трубке становится все тише и тише, пока не смолкает совсем, как только я опускаю трубку на рычаг.

22

Когда у тебя бессонница, всю ночь думаешь, не переставая.

Сплю я или нет? Спал я или нет? Так уж устроена бессонница.

Пытаешься успокоиться, дышать ровнее, но сердце бьется часто, а в голове вихрем кружатся мысли.

Ничто не помогает. Даже направленная медитация.

Ты в Ирландии.

Даже если считать овец.

Ты отсчитываешь дни, часы и минуты с того времени, когда ты в последний раз спал. Врач рассмеялся тебе в лицо. Никто еще не умер от недостатка сна. Ты выглядишь как старый подгнивший и сморщенный плод, хуже покойника.

Ты в номере мотеля, в Сиэтле. На часах – три часа ночи. Группу поддержки в это время найти невозможно. Невозможно найти в это время маленькие голубые пилюли амитала натрия или ярко-алые таблетки секонала. Ничего из этих, похожих на игрушечные, снадобий. В это время невозможно найти даже бойцовский клуб.

Мне нужно найти Тайлера.

Мне нужно поспать хотя бы немного.

И тут просыпаешься, и видишь Тайлера, который стоит в темноте рядом с твоей кроватью. Ты проснулся.

Когда ты засыпал, Тайлер уже стоял рядом с твоей кроватью, тряс тебя и говорил:

– Проснись. Проснись! Мы решили проблему с полицией здесь в Сиэтле. Проснись!

Комиссар городской полиции требовал покончить с тем, что он охарактеризовал как «нелегальные группировки и подпольные боксерские клубы».

– Но не стоит волноваться, – говорит Тайлер. – Мы справимся без проблем с этим мистером. Мы его уже держим за яйца.

Я спросил Тайлера, почему он следил за мной.

– Забавно, – говорит Тайлер, – но я хотел тебя спросить о том же самом. Ты разговаривал обо мне с другими людьми, говнюк. Ты нарушил обещание.

Тайлер сказал, что он удивлен тем, что мне удалось его вычислить.

– Каждый раз, когда ты засыпаешь, – говорит Тайлер, – я выхожу из дома и совершаю какой-нибудь безумный поступок, что-нибудь из ряда вон выходящее.

Тайлер становится на колени возле моей кровати и шепчет:

– В прошлый четверг, пока ты спал, я летал в Сиэтл, чтобы посмотреть, как там идут дела у бойцовских клубов. Чтобы узнать, сколько парней хочет в них попасть и все такое. Найти новых вождей. У нас в Сиэтле тоже есть отделение «Проекта Разгром».

Тайлер проводит пальцем по шраму у меня на лбу.

– У нас есть отделения «Проекта Разгром» в Лос-Анджелесе и Детройте, в Вашингтоне, округ Колумбия, и в Нью-Йорке. А уж в Чикаго размах такой, что ты просто не поверишь.

Тайлер говорит:

– Не могу поверить, что ты нарушил уговор. Ведь первое наше правило: никому не рассказывать о бойцовском клубе.

Он был в Сиэтле на прошлой неделе, когда бармен с шеей в корсете сказал ему, что полиция готовится совершить налет на бойцовские клубы. Этого потребовал лично комиссар городской полиции.

– Дело в том, – говорит Тайлер, – что есть полицейские, которые с удовольствием ходят в бойцовские клубы. И репортеры газет, и помощники юристов, и сами юристы, так что нас предупреждают обо всем заранее.

Значит, собирались закрыть?

– По крайней мере, в Сиэтле, – говорит Тайлер.

Я спрашиваю, какие меры предпринял Тайлер.

– Какие меры мы предприняли, – говорит Тайлер.

Мы созвали собрание «Комитета Разбоя».

– Нас больше не существует по отдельности, тебя и меня, – говорит Тайлер. – Надеюсь, ты уже это понял.

– Мы пользуемся одним и тем же телом, но по очереди.

– Мы дали специальное домашнее задание, – говорит Тайлер, – мы сказали: «Принесите нам дымящиеся яйца его достопочтенной светлости комиссара городской полиции, или как его там положено называть».

Все это мне не снится.

– Да, – подтверждает Тайлер, – не снится.

Мы собрали команду из четырнадцати обезьянок-астронавтов, пятеро из которых были полицейскими, и направились в парк, где его честь выгуливает собаку.

– Не волнуйся, – говорит Тайлер, – с собакой все в порядке.

Нападение заняло на три минуты меньше, чем мы планировали. Мы положили на операцию двенадцать минут. Заняла она девять.

Пять обезьянок прижали комиссара к земле.

Тайлер рассказывает мне это, но каким-то образом мне все уже и так известно.

Три обезьянки стояли на стреме.

Еще одна поддерживала связь по радио.

Другая обезьянка стянула с его светлости тренировочные штаны.

Собака – это был спаниель – все лаяла и лаяла.

Лаяла и лаяла.

Лаяла и лаяла.

Одна обезьянка-астронавт обмотала резиновую ленту три раза вокруг основания члена его чести.

– Другая встала между ног его сиятельства с ножом в руке, – шепчет мне Тайлер прямо в ухо, – а я стал шептать достопочтенному комиссару полиции прямо в его достопочтенное ухо, что если он не отдаст команду отменить налет на бойцовские клубы, то останется без своих достопочтенных яиц.

Тайлер шепчет:

– Не слишком ли вы далеко зашли, ваша честь?

Если перетянуть член резиновой лентой, то он онемевает.

– Какая вас ждет политическая карьера, если избиратели узнают, что у вас кое-чего не хватает?

Похоже, что у его чести онемел не только член, но и язык.

Друг, ты посмотри, да у него яйца холодные, как лед.

Если хотя бы один бойцовский клуб будет закрыт, мы пошлем его яйца почтой: одно на восток, другое – на запад. Одно – в «Нью-Йорк Таймс», другое – в «Лос-Анджелес Таймс». Это будет вроде как наш пресс-релиз.

Обезьянка-астронавт сдирает липкую ленту со рта комиссара, и комиссар говорит: нет.

А Тайлер отвечает:

– Нам нечего терять, кроме своего бойцовского клуба.

Комиссару же есть, что терять.

На нашу долю в этом мире осталось только дерьмо и помои.

Тайлер подает знак той обезьянке, которая держит нож возле мошонки комиссара.

Тайлер говорит:

– Представь себе, что весь остаток жизни проходишь с мешочком между ног.

Комиссар говорит: нет.

Не надо.

Перестаньте.

Пожалуйста.

О!

Боже!

Помоги!

Мне!

Помоги!

Нет.

Мне!

Боже!

Мне!

Останови!

Их!

Обезьянка-астронавт, взмахнув ножом, перерезает резиновую ленту.

Мы уложились в шесть минут.

– Запомни это хорошенько, – говорит Тайлер. – Люди, которым ты пытаешься помешать, это те, от кого ты зависишь всю жизнь. Мы стираем ваше белье, готовим вам еду и подаем ее на стол. Мы расстилаем вам постель. Мы храним ваш покой, пока вы спите. Мы водим машины скорой помощи. Мы отвечаем на ваш звонок на телефонной станции. Мы – повара и водители такси – знаем про вас все. Мы обрабатываем ваши страховые полисы и банковские счета. Мы – нежеланные дети истории, которым с утра до вечера внушают по телевизору, что когда-нибудь мы можем стать миллионерами и рок-звездами, но мы не станем ими никогда.

– И мы начали понимать это, – говорит Тайлер, – поэтому лучше не трогайте нас.

Связисту приходится вырубить рацию, потому что из-за рыданий комиссара все равно ничего не слышно.

Обезьянки-астронавты одевают комиссара и отводят его и его собаку домой. После этого все зависело только от того, насколько он умеет держать язык за зубами. И, конечно же, мы были абсолютно уверены, что никаких налетов на клубы не последует.

Его достопочтенная светлость возвращается домой до смерти перепуганный, но невредимый.

– После каждого домашнего задания, – говорит Тайлер, – все больше парней, которым нечего терять, кроме бойцовского клуба, вовлекаются в «Проект Разгром».

Тайлер становится на колени возле моей кровати и говорит:

– Закрой глаза и дай мне твою руку.

Я закрываю глаза, и Тайлер берет мою руку. Он прикладывает губы к шраму от поцелуя.

– Я сказал, что если ты будешь говорить обо мне у меня за спиной, ты никогда не увидишь меня больше, – говорит Тайлер. – Мы – не два разных человека. В немногих словах дело обстоит так: когда ты бодрствуешь, ты можешь называть себя как угодно и делать все, что ты хочешь, но когда ты засыпаешь, наступает моя очередь, и ты превращаешься в Тайлера Дердена.

Но мы же бились друг с другом, говорю я. В ту ночь, когда мы придумали бойцовский клуб.

– Ты бился не со мной, – говорит Тайлер. – Это тебе показалось. Ты бился со всем, что ты ненавидишь в своей жизни.

Но я же тебя вижу.

– Во сне.

Но ты же снимаешь дом. И работаешь. На двух работах.

Тайлер говорит:

– Запроси в банке копии чеков. Я снял дом на твое имя. Ты увидишь, что почерк на чеках совпадает с почерком моих бумаг, которые ты набирал на компьютере.

Тайлер тратил мои деньги. Не удивительно, что у меня все время было превышение кредита.

– Что же касается работ, то почему ты все время чувствуешь такую усталость? Ха, это вообще не бессонница! Как только ты засыпаешь, ты становишься мной и идешь на работу, или в бойцовский клуб или куда-нибудь еще. Тебе повезло, что я не устроился работать, к примеру, в серпентарий.

Я говорю: а как же насчет Марлы?

– Марла любит тебя.

Марла любит тебя.

– Марла не знает о различии между мной и тобой. Ты назвался придуманным именем в тот вечер, когда вы познакомились. Ты же никогда не посещал группы поддержки под своим насто-

ящим именем, дерьмо ты неискреннее. С тех пор, как я спас ее жизнь, Марла считает, что тебя зовут Тайлер Дерден.

Но теперь, когда я все знаю, ты просто исчезнешь?

– Нет, – говорит Тайлер, продолжая держать меня за руку. – Меня бы не существовало на свете, если бы ты того не хотел. Я буду по-прежнему жить моей жизнью, пока ты спишь, но если ты попробуешь мне помешать – например, прикуешь себя к постели или примешь большую дозу снотворного, мы станем врагами. И тогда держись.

Какая чушь! Это всего лишь сон. Тайлер – только проекция моих мыслей. Он – не более чем диссоциативный психоз. Психогенное помрачение сознания. Тайлер Дерден – это моя галлюцинация.

– Да пошел ты, – говорит Тайлер. – А может быть, это ты – моя шизофреническая галлюцинация.

Я появился первым.

Тайлер говорит:

– Конечно, конечно, конечно, но посмотрим, кто будет последним!

Это все ненастоящее, это все сон и сейчас я возьму и проснусь.

– Так возьми и проснись!

И тут зазвонил телефон и Тайлер исчез.

Сквозь шторы пробивалось солнце.

Я попросил, чтобы мне позвонили и разбудили в семь утра. Я снимаю трубку, а там – тишина.

23

Ускоренная перемотка. Я лечу домой к Марле и «Мыловаренному заводу на Бумажной улице».

Все разваливается на части.

Дома я просто боюсь заглянуть в холодильник. Я представляю себе десятки маленьких пластиковых мешочков, в которых – замороженные кусочки плоти, а на мешочках – названия городов типа «Лас-Вегас» или «Милуоки». В этих городах, защищая местные отделения бойцовского клуба, Тайлер исполнил свои угрозы.

В углу кухни обезьянки-астронавты сидят на корточках на потрескавшемся линолеуме и изучают свои отражения в маленьком зеркальце.

– Я пляшущая и поющая срань господня, – говорит обезьянка-астронавт своему отражению. – Я – токсический отход сотворения Вселенной.

Другие обезьянки бродят по саду, что-то собирают, кого-то давят.

Положив руку на дверцу морозильника, я делаю глубокий вдох и пытаюсь сосредоточиться на моей просвещенной духовной сущности.

Пение птичек,

Капли дождя на розах.

Хочется плакать.

Дверь морозилки приоткрывается на дюйм, когда мне через плечо заглядывает Марла и спрашивает:

– А что у нас на обед?

Обезьянка-астронавт говорит своему отражению:

– Я – срань господня и заразный человеческий отброс.

Полный круг завершен.

Примерно месяц назад я не хотел, чтобы Марла видела, что лежит в морозилке. Теперь я не хочу видеть этого сам.

Боже мой! Тайлер!

Марла любит меня. Она не знает о различии между нами.

– Рада, что ты вернулся, – говорит Марла. – Нам нужно поговорить.

О, да, говорю я. Нам нужно поговорить.

Я не могу заставить себя открыть морозилку.

Я – Сжавшаяся Мошонка Джо.

Я говорю Марле: не трогай ничего в морозилке. Даже открывать ее не смей. Если найдешь там что-нибудь, сама не ешь и кошке не давай. Обезьянка-астронавт с зеркальцем смотрит на нас, и я говорю Марле, что нам лучше уйти. Мы договорим в другом месте.

На лестнице в подвал одна обезьянка зачитывает другим:

– Три способа получения напалма. Первый: смешайте равные части бензина и замороженного концентрата апельсинового сока. Второй: то же самое, но вместо апельсинового сока – диетическая кола. Третий: растворяйте высушенный и измельченный кошачий помет в бензине, пока смесь не загустеет.

Мы с Марлой перебираемся из «Мыловаренного завода на Бумажной улице» в отдельный кабинет «Планеты У Денни», оранжевой планеты.

Я вспоминаю рассуждения Тайлера о том, что, поскольку англичане открывали новые страны, создавали колонии и составляли карты, большинство географических названий на планете – это использованные по второму кругу английские географические названия. Англичане дали всему свои имена. Или почти всему.

Например, Ирландия.

Нью-Лондон есть в Австралии.

Нью-Лондон есть в Индии.

Нью-Лондон есть в штате Айдахо.

А в штате Нью-Йорк есть Нью-Йорк.

Ускоренная перемотка в будущее.

Созвездие «Ай-Би-Эм».

Галактика «Филип Моррис».

Планета «У Денни».

Каждой планете дадут имя той корпорации, что доберется до нее первой.

Вселенная «Будвайзер».

У нашего официанта большая шишка на лбу и он стоит перед нами по стойке смирно, пятки вместе.

– Сэр! – говорит он. – Заказывайте, сэр! Все, что вы пожелаете, бесплатно для вас, сэр!

Тебе кажется, что у всех из супа разит мочой.

Два кофе, пожалуйста.

Марла спрашивает:

– Почему бесплатно?

Официант принимает меня за Тайлера Дердена, говорю я.

В таком случае, говорит Марла, принесите мне жареных моллюсков, суп из моллюсков и рыбный пирожок, жареного цыпленка с вареной картошкой и полным гарниром, а еще шоколадный торт-шифон.

– Через окошечко раздатки, ведущее в кухню, я вижу трех поваров. У одного из них – шов на верхней губе. Они рассматривают меня с Марлой и шепчутся о чем-то, сдвинув в кружок свои покрытые боевыми шрамами головы. Я говорю официанту, дайте нам, пожалуйста, здоровую пищу. Без всякой дряни, которую вы туда добавляете.

– В этом случае, сэр, – говорит официант, – я бы сильно не советовал вашей даме брать суп из моллюсков.

Спасибо. Тогда не надо супа из моллюсков. Марла смотрит на меня, а я говорю ей: поверь мне.

Официант поворачивается на каблуках и направляется к кухне.

Через окошечко раздатки, ведущее в кухню, три повара делают мне знак – большой палец вверх.

Марла говорит:

– Не так уж и плохо быть Тайлером Дерденом.

С сегодняшнего дня, говорю я Марле, она должна следить за мной каждую ночь и записывать, где я был, с кем встречался. Не кастрировал ли я кого-нибудь из начальства. Все такое в этом роде.

Я вынимаю из кармана бумажник и показываю Марле мои водительские права.

Меня зовут не Тайлер Дерден.

– Но все знают тебя под этим именем, – говорит Марла.

Но я то знаю, что это не мое имя.

И на работе никто не зовет меня так. Мой начальник называет меня по-другому.

Мои родители.

– Но почему, – спрашивает Марла, – для одних людей ты – Тайлер Дерден, а для других – нет?

В первый раз, когда я встретил Тайлера, я спал.

Я переутомился, я сходил с ума, садясь в самолет, я мечтал о том, чтобы он упал. Я завидовал раковым больным. Я ненавидел мою жизнь. Мне надоела моя работа и моя мебель, и я не знал, как изменить что-то вокруг.

Я хотел положить всему конец.

Я чувствовал себя попавшим в ловушку.

Я был слишком заверренным.

Слишком правильным.

Я хотел выбраться из моей мышиной возни. Перестать играть роль сидящего в самолетном кресле потребителя одноразового масла.

Долой шведскую мебель.

Долой умное искусство.

Я взял отпуск. Я уснул на пляже, а, проснувшись, увидел Тайлера Дердена, потного и голого, испачканного в песке, со слипшимися прядками волос, лезущими прямо в глаза.

Тайлер вылавливал из зоны прибоя плавник и выволакивал его на пляж.

Из бревен он сделал тень гигантской руки, а затем сел в тени рукотворного совершенства.

Большого от совершенства и требовать нельзя.

Но возможно, я никогда не просыпался на этом пляже.

Возможно, все началось с того, что я нассал на камень в Бларни.

Когда я думаю, что сплю, на самом деле я не сплю.

За другими столиками в «Планете У Денни» я вижу одного, двух, трех, четырех, пятерых парней с черными синяками под глазами и вывороченными губами, которые улыбаются мне.

– Да, – говорит Марла, – ты не спишь.

Тайлер Дерден – это мое альтер эго, которое начало жить собственной жизнью.

– Как мать Тони Перкинса в «Психо», – говорит Марла. – Круто! У всех свои закидоны. Я однажды ходила с парнем, который делал себе пирсинг за пирсингом – все никак не мог остановиться.

С моей точки зрения, говорю я, когда я засыпаю, Тайлер похищает мое усталое тело и побитое лицо, чтобы совершить что-нибудь преступное. Утром я просыпаюсь такой измотанный и измочаленный, словно вообще не смыкал глаз.

На следующий вечер я отправляюсь в постель раньше.

Но это означает только, что на следующую ночь у Тайлера будет в распоряжении больше времени.

Чем раньше я ложусь спать, тем дольше бодрствует Тайлер.

– Но ты и есть Тайлер, – говорит Марла.

Нет.

Я – не он.

Мне многое нравится в Тайлере Дердене. Его смелость и смекалка. Его выдержка. Тайлер – забавный, обаятельный, сильный и независимый. Люди верят ему, верят, что он изменит мир к лучшему. Тайлер – свободный и независимый. А я нет.

Я не Тайлер Дерден.

– Ты ошибаешься. Тайлер, – говорит Марла.

У меня с Тайлером – общее тело, но я узнал это только недавно. Пока Тайлер занимался любовью с Марлой, я спал. Пока Тайлер действовал и говорил, я думал, что спал.

Все в бойцовском клубе и «Проекте Разгром» знают меня, как Тайлера Дердена.

И, если я буду ложиться все раньше, а вставать – все позже, однажды я просто исчезну.

Засну и не проснусь.

Марла говорит:

– Как бродячее животное в Центре бродячих животных?

Долина Псов. Даже если тебя не убивают, даже если ты понравишься кому-то, и тебя возьмут домой, тебя все равно кастрируют.

Однажды я не проснусь, и Тайлер победит.

Официант приносит кофе, щелкает каблуками и удаляется.

Я нюхаю кофе. Он пахнет кофе.

– Итак, – говорит Марла, – если я даже тебе и поверила, то что тебе от меня нужно?

Чтобы Тайлер не победил, Марла должна не давать мне заснуть. Никогда.

Полный круг завершен.

В ту ночь, когда Тайлер спас Марле жизнь, она попросила его не давать ей заснуть всю ночь.

Как только я засну, Тайлер выйдет из-под контроля, и случится что-нибудь ужасное.

А если я все же засну, Марла должна следить за Тайлером. Куда он ходит. Что он делает. Тогда днем я смогу разрушить его планы.

24

Его звали Роберт Полсон, и ему было сорок восемь лет. Его звали Роберт Полсон, и он уже никогда не станет старше.

Долговременная вероятность выживания каждого из нас равна нулю.

Большой Боб.

Этот здоровенный лось, этот шмат сала выполнял стандартное домашнее задание. Заморозить и просверлить. Именно так Тайлер пробрался в мой кондоминиум, чтобы взорвать его при помощи самодельного динамита. Берешь баллончик с фреоном, с К-12 лучше всего (хотя сейчас его уже трудно достать из-за этой истории с озоновой дырой и все такое) или, на худой конец, с К-134а и вливаешь его в цилиндр замка, пока там все не замерзнет.

В ходе домашнего задания обычно нужно высверлить замок на таксофоне, счетчике платной стоянки или газетном ящике. Затем при помощи молотка и охлажденного зубила замороженный цилиндр замка выбивается.

Еще во время стандартного домашнего задания мы высверливаем отверстие в таксофоне или банкомате, а затем, при помощи смазочного шприца, закачиваем внутрь солидол, ванильный пудинг или пластоцемент.

Все это делается не потому что «Проект Разгром» нуждается в жалких копейках. Мы завалены заказами на мыло. Даже и не знаю, как мы справимся с работой, когда придет Рождество. Домашнее задание служит для того, чтобы укрепить нервы. Повысить боевую выучку. Внести свой вклад в «Проект Разгром».

Вместо зубила можно использовать электродрель. Эффект тот же, а шума меньше.

Именно беспроводную электродрель и приняли полицейские за оружие, когда открыли огонь по Большому Бобу.

При Большом Бобе не было ничего, что могло навести на след «Проекта Разгром» или бойцовского клуба, или мыловаренного завода.

В его кармане нашли его собственную фотографию с какого-то конкурса качков, где он позировал в обнаженном виде. Дурацкая жизнь, говорил Боб. Слепнешь от прожекторов, глхнешь от рева музыки, а потом судья приказывает показать правый трицепс и напрячь его.

Покажите нам ваши руки.

Вытяните левую руку, зафиксируйте бицепс!

Стоять!

Бросить оружие!

Это куда лучше, чем обыкновенная жизнь.

На его руке был шрам от моего поцелуя. От поцелуя Тайлера. Волосы Большой Боб сбрил, а отпечатки пальцев вытравил щелочью. Лучше умереть, чем быть арестованным. Если тебя арестуют, ты исключен из «Проекта Разгром» навсегда. Никаких тебе больше домашних заданий.

Еще мгновение назад Роберт Полсон был маленьким теплым центром, вокруг которого вращалась вся Вселенная, и вот – Роберт Полсон уже неодушевленный предмет. Один выстрел из полицейского пистолета и восхитительное чудо смерти свершилось.

В каждом бойцовском клубе сегодня вечером руководитель отделения будет обходить по кругу толпу людей, глядящих друг на друга через пустое пространство под качающейся лампочкой, и выкрикивать:

– Его имя – Роберт Полсон.

И толпа будет отзываться:

– Его имя – Роберт Полсон.

Руководитель выкрикнет:

– Ему сорок восемь лет.

И толпа отзовется:

– Ему сорок восемь лет.

И ему сорок восемь лет и он был членом бойцовского клуба.

Ему сорок восемь лет и он был участником «Проекта Разгром».

Только после смерти мы обретем свои имена, потому что после смерти мы уже не будем безымянной силой. Смерть делает нас героями.

И толпа выкрикивает:

– Роберт Полсон.

И толпа выкрикивает:

– Роберт Полсон.

И толпа выкрикивает:

– Роберт Полсон.

Я пришел сегодня в бойцовский клуб, чтобы распустить его. Я выхожу под свет в центр подвала, и толпа приветствует меня радостными криками. Для всех здесь я – Тайлер Дерден. Умный. Сильный. Упорный. Я поднимаю руку, чтобы заставить парней замолчать, и говорю: может быть хватит? Отправляйтесь по домам и забудьте про бойцовский клуб.

По-моему, бойцовский клуб сыграл свою роль, разве не так?

«Проект Разгром» отменяется.

Говорят, сегодня ночью по телевизору будет отличный матч...

Сто человек молча смотрят на меня из темноты.

Человек умер, говорю я. Игра окончена. Шутка зашла слишком далеко.

И вдруг из-за спин бойцов раздается незнакомый мне голос руководителя отделения:

– Первое правило бойцовского клуба – никому не рассказывать о бойцовском клубе.

Уходите домой, кричу я.

– Второе правило бойцовского клуба – никому никогда не рассказывать о бойцовском клубе.

Бойцовский клуб закрыт. «Проект Разгром» отменяется.

– Третье правило бойцовского клуба: в схватке участвуют только двое.

Я – Тайлер Дерден, кричу я. Я приказываю вам выметаться!

Но никто на меня даже не смотрит. Все стоят и глядят друг на друга через пяточок под лампой, так, словно в нем никого нет.

Голос руководителя отделения медленно перемещается по помещению. В схватке участвуют только двое. Биться без обуви и голыми по пояс.

Схватка продолжается столько, сколько потребуется.

Эти слова звучат сейчас на шести разных языках в доброй сотне городов.

Чтение правил закончено, а я все еще стою в круге света под лампочкой.

– Пара, записавшаяся на первый бой – в круг! – выкрикивает из темноты голос руководителя. – Очистить центр клуба.

Я не двигаюсь с места.

– Очистить центр клуба!

Я не двигаюсь с места.

Лампочка отражается в сотне пар зрачков, внимательно глядящих на меня из темноты. Я пытаюсь смотреть на этих людей теми глазами, которыми смотрел на них Тайлер. Выбрать лучших бойцов для подготовки к «Проекту Разгром». Кого из них Тайлер пригласил бы работать в «Мыловаренный завод на Бумажной улице»?

– Очистить центр клуба!

Это обычная процедура в бойцовском клубе. Того, кто трижды не подчинился требованиям

руководителя, исключают из клуба.

Но я же Тайлер Дерден. Я придумал бойцовский клуб. Я написал эти правила. Никого из вас не было бы здесь, если бы не я. И я приказываю распустить клуб!

– Приготовиться к выдворению члена клуба через три, две, одну...

Круг смыкается, и полтысячи пальцев вцепляются в каждый дюйм моих рук и ног, поднимая меня к свету.

Приготовьтесь к эвакуации души через десять, девять, восемь...

Меня передают над головами толпы, из рук в руки, по направлению к двери. Я плыву. Я лечу.

Это мой клуб, кричу я. «Проект Разгром» – это моя идея. Вы не можете выдворить меня. Я здесь команду. Расходитесь по домам.

Голос руководителя отделения приказывает:

– Пара, записавшаяся на первый бой – в круг!

Я не уйду. Я не сдамся. Еще посмотрим. Я здесь главный.

– Выдворить члена бойцовского клуба!

Душа эвакуирована.

Я медленно вылетаю из дверей в темную, холодную ночь, полную звезд, и падаю на бетон автомобильной стоянки. Руки, выбросившие меня, скрываются в проеме двери, которая тут же захлопывается. В сотне городов собрания бойцовского клуба продолжаются. Без меня.

25

Кажется, это было годы назад. Тогда я хотел заснуть. Беспробудным, тупым, мертвым сном. Теперь больше всего я боюсь заснуть. Я у Марлы, в комнате «8Г» отеля «Регент». Здесь, среди всех запертых в эти клетушки стариков и наркоманов, мое отчаяние выглядит вполне нормальным и естественным.

– Вот, – говорит Марла, которая сидит, скрестив ноги на кровати, протягивая мне пригоршню стимулирующих таблеток, выдавленных из пластиковых ячеек. – У меня был парень, которого мучили ужасные кошмары. Он тоже боялся заснуть.

Что случилось с этим парнем?

– Ах, с ним? Умер. Сердечный приступ, вызванный передозировкой. Слишком много амфетаминов, – говорит Марла. – Ему было всего девятнадцать.

Спасибо за информацию.

Когда мы вошли в отель, я увидел, что у парня за стойкой регистрации половина волос на голове вырвана вместе с корнем. Его голый скальп был весь покрыт шрамами. Он поздоровался со мной. Пенсионеры, сидевшие в холле перед телевизором, повернулись посмотреть, кого это он назвал «сэр».

– Добрый вечер, сэр!

А сейчас он позвонит в одну из штаб-квартир «Проекта Разгром» и сообщит о моем местонахождении. У них на стене висит карта города, на которой они обозначают мои перемещения при помощи канцелярских кнопок. Я чувствую себя помеченным, словно перелетный гусь из передачи «В мире животных».

Они все шпионят за мной, они видят таблетки в моей руке.

– Можно принять сразу все шесть, но если ты не хочешь, чтобы у тебя заболел желудок, надо засунуть их себе в задницу, – говорит Марла.

Ничего себе новость.

Марла говорит:

– Мне они уже не помогают. Позже мы достанем что-нибудь покрепче. Какие-нибудь настоящие наркотики вроде «крестиков», «черных красоток» или «аллигаторов».

Я не собираюсь засовывать эти таблетки к себе в жопу.

– Тогда принимай не больше двух за раз.

Куда мы пойдем?

– В боулинг. Там открыто всю ночь, и заснуть тебе не дадут.

Куда бы мы ни пошли, говорю я, все принимают меня за Тайлера Дердена.

– Так вот почему водитель автобуса подвез нас бесплатно?

Да. И вот почему два парня в автобусе уступили нам места.

– И что ты по этому поводу думаешь?

Я думаю, что просто спрятаться недостаточно. Надо каким-то образом избавиться от Тайлера.

– Однажды у меня был парень, который любил примерять мои платья, – говорит Марла. – У меня есть шляпка с вуалью. Ты можешь переодеться и в таком виде выбраться из отеля.

Я не буду одеваться женщиной и не буду засовывать таблетки себе в задницу.

– Бывает и хуже, – говорит Марла. – У меня однажды был парень, который потребовал, чтобы я разыграла перед ним лесбийскую любовь с надувной куклой в человеческий рост.

Наверное, когда-нибудь Марла будет так рассказывать и обо мне.

У меня однажды был парень, который страдал раздвоением личности.

– Однажды у меня был парень, который решил увеличить себе пенис при помощи одного из этих приборов.

Я спрашиваю Марлу, который час.

– Четыре часа утра.

Через три часа мне пора на работу.

– Прими таблетки, – говорит Марла. – Раз они считают тебя Тайлером Дерденом, то они пустят тебя в боулинг-клуб бесплатно. Да послушай, прежде чем мы избавимся от Тайлера, почему бы нам не устроить шоппинг? Мы можем разжиться хорошим автомобилем, одеждой, компакт-дисками. Давай снимать сливки с этой истории!

Марла.

– Ладно, проехали...

26

Старая поговорка, что убивают тех, кого любят, верна. Верно и обратное утверждение.

Еще как верно.

Этим утром я отправился на работу и увидел полицейское оцепление между зданием, в котором я работал, и автомобильной стоянкой. Полицейские останавливали и допрашивали людей, с которыми я работал. Всех, кто попадался им.

Я даже не стал сходить с автобуса.

Я – Холодный Пот Джо.

Из окна автобуса я вижу, что окно-стена на четвертом этаже моего офисного здания выбито, а внутри пожарный в грязно-желтой робе отковыривает обгоревшую панель подвесного потолка. Дымящийся стол показывается из окна, толкаемый двумя пожарными, а затем падает вниз с высоты четвертого этажа, ударяясь об асфальт почти бесшумно, но очень эффектно.

Стол разваливается на части, которые продолжают дымиться.

Я – Комок В Желудке Джо.

Это мой стол.

Я знаю, что мой начальник мертв.

Три способа приготовления напалма. Я знаю, что Тайлер собирался убить моего начальника. Вот почему мои руки пахли бензином, вот почему я сказал, что хочу уйти с работы. Я сам разрешил ему. Будь как дома.

Убей моего начальника.

Тайлер, Тайлер.

Я знаю, что взорвался компьютер.

Я знаю это, потому что это знает Тайлер.

Я не хочу этого знать, но я знаю, как просверлить тонким сверлом для ювелирных работ крошечное отверстие в трубке монитора. Все обезьянки-астронавты знают это. Я распечатал заметки Тайлера. Это новая версия бомбы-лампочки, когда просверливают отверстие в лампочке и заливают через него бензин. Отверстие заклеивают воском или силиконом, затем вкручивают лампочку в патрон и ждут, пока кто-нибудь не войдет в комнату и не включит свет.

Трубка в мониторе вмещает гораздо больше бензина, чем лампочка.

Сначала нужно убрать пластиковую рамку вокруг катодно-лучевой трубки или же можно действовать через вентиляционные прорези в верхней панели монитора.

Но еще до этого необходимо отключить монитор от сети и от компьютера.

Телевизор тоже подойдет.

Надо помнить о том, что малейшая искра – даже статическое электричество от синтетического коврового покрытия – и вам конец. Вы превратитесь в комок горячей и визжащей плоти.

В катодно-лучевой трубке может сохраняться остаточное напряжение до трехсот вольт, так что разрядите главный конденсатор при помощи отвертки. Если в процессе этого вам пришел конец, значит, вы использовали отвертку с неизолированной ручкой.

Внутри трубки вакуум, так что, просверлив ее, вы услышите легкий свист – это воздух заполняет трубку изнутри.

Рассверлите проделанное отверстие при помощи сверл с увеличивающимся диаметром, пока в него не начнет входить воронка. Затем заполните трубку взрывчатым или легковоспламеняющимся веществом на ваш вкус. Неплох в этом случае самодельный напалм. Бензин, смешанный с замороженным концентратом апельсинового сока или с кошачьим дерьмом.

Замечательно взрывается также смесь марганцовки и сахарной пудры. Суть в том, чтобы смешать хорошо горящее вещество с тем, которое обеспечивает большое количество кислорода для горения. Если горение идет достаточно быстро, то его называют взрывом.

Перекись бария и цинковая пыль.

Аммиачная селитра и алюминиевый порошок.

Nouvelle cuisine анархии.

Нитрат бария под соусом из серы и древесного угля. Отличный порох.

Von appetit.

Наполните всем этим компьютерный монитор, и когда кто-нибудь включит компьютер, у него под носом взорвутся пара-другая килограммов пороха.

Беда в том, что я немного любил своего начальника.

Если ты американец мужского пола и христианского вероисповедания, то твой отец – это модель твоего Бога. Иногда отца тебе может заменить карьера.

А вот Тайлер моего начальника не любил.

Полиция ищет меня. Я последним покинул здание в пятницу вечером. Я проснулся за рабочим столом, с влажным пятном от моего сонного дыхания на столешнице и голосом Тайлера в телефонной трубке, который сказал мне:

– Выйди на улицу. У нас есть машина.

«Кадиллак».

Мои руки все еще пахли бензином.

Автомеханик из бойцовского клуба спросил меня, что я хотел бы сделать перед смертью. Я сказал, что хочу уйти с работы. Я сам разрешил Тайлеру. Будь как дома. Убей моего начальника.

Я доезжаю на автобусе до конечной остановки, большой, покрытой щебнем площадки, откуда пригородные автобусы отправляются в разные стороны по дорогам, разбегающимся между пустых автостоянок и вспаханных полей. Водитель достает пакет с завтраком и термос, и смотрит на меня через зеркало над его головой.

Я думаю, где бы мне спрятаться так, чтобы копы меня не нашли. С заднего сиденья я вижу, что кроме меня и водителя в автобусе находится еще человек двадцать. Я насчитал двадцать голов.

Двадцать выбритых налысо голов.

Водитель поворачивается в кресле и обращается ко мне:

– Мистер Дерден, сэр! Я восхищен тем, что вы делаете.

Я никогда не видел его прежде.

– Вы должны простить меня, сэр, – говорит водитель, – но в комитете мне сказали, что вы сами велели поступать подобным образом.

Бритые головы поворачиваются к тебе одна за другой. Затем один за другим бойцы встают. У одного в руках тряпка, от которой несет эфиром. Тот, который ближе всего к тебе, держит в руке охотничий нож. Это автомеханик из бойцовского клуба.

– Вы – смельчак, сэр, – говорит водитель, – вы назначили домашнее задание сами себе.

Механик говорит водителю:

– Заткнись. Стой на стреме и не болтай.

В руке у одного из обезьянок-астронавтов резиновая лента. Ты знаешь, что сейчас тебе

стянут яйца. Обезьянки начинают двигаться по проходу к тебе.

Механик говорит:

– Вы же знаете правила, мистер Дерден. Вы же сами сказали. Вы сказали, что если кто-нибудь попытается закрыть клуб, даже вы сами, то ему отрежут яйца.

Помидоры.

Абрикосы.

Шары.

Huevos.

Представь только, как лучшая часть тебя лежит в пластиковом мешке в морозильнике на Бумажной улице.

– Вы же знаете: сопротивление бесполезно, – говорит механик.

Водитель смотрит в зеркало и жует свой сэндвич.

Полицейская сирена завывает где-то вблизи. Вдалеке, в поле, тархтит трактор. Птицы. Заднее окно в автобусе наполовину открыто. Облака. Высокая трава на краю автобусной площадки. Пчелы или мухи гудят в траве.

– Сейчас мы сделаем небольшую операцию, – говорит автомеханик из бойцовского клуба. – На этот раз это не просто угроза, мистер Дерден. На этот раз мы ихотрежем.

Водитель автобуса говорит:

– Это копы.

Сирена воеет уже где-то перед самым автобусом.

Итак, с кем же мне придется бороться?

Полицейский автомобиль подъезжает к автобусу, мигая красными и синими огнями, и кто-то кричит снаружи:

– Всем оставаться на месте!

И я спасен.

Вроде бы.

Я могу рассказать копам про Тайлера. Я расскажу им все про бойцовский клуб. Меня, скорее всего, посадят, но тогда уже «Проект Разгром» станет их проблемой, и мне не придется больше смотреть на этот острый нож.

Полицейские взбегают по ступенькам в автобус, и первый из них спрашивает:

– Уже отрезали?

Второй добавляет:

– Режьте скорее, выписан ордер на его арест.

Затем он приподнимает фуражку и говорит:

– Ничего личного, мистер Дерден. Очень рад, наконец, познакомиться с вами.

Вы совершаете огромную ошибку, говорю я.

Механик говорит:

– Вы нас предупреждали, что скажете именно это.

Я – не Тайлер Дерден.

– И на этот счет вы нас предупреждали.

Я меняю правила. Пусть бойцовский клуб существует, но отныне мы никого и никогда не будем кастрировать.

– Так, так, так, – говорит механик.

Он уже находится на полпути ко мне и по-прежнему сжимает в руках острый нож.

– Вы сказали, что именно это и будете говорить.

Ладно, я – Тайлер Дерден. Он самый. Я – Тайлер Дерден и я диктую правила, и я приказываю вам: уберите нож!

Механик вполоборота спрашивает кого-то из идущих сзади:

– Какой у нас рекорд на сегодняшний день?

Ему отвечают:

– Четыре минуты.

Механик спрашивает:

– А сейчас кто-нибудь засек время?

Оба полицейских стоят у передней двери автобуса. Один смотрит на часы и говорит:

– Обожди чуток. Сейчас стрелка дойдет до двенадцати и тогда – валяй.

Коп говорит:

– Девять. Восемь. Семь.

Я выпрыгиваю в полуоткрытое окно. Я падаю животом на стекло в металлической раме, а у меня за спиной механик восклицает:

– Мистер Дерден, не портите нам результат!

Свисая из окна, я цепляюсь руками за черную резину задней крыши. Мне удается ухватиться за обод, и я пытаюсь вытянуть себя из окна. Кто-то держит меня за ногу. Я кричу маленькому трактору вдали:

– Эй! Эй, там!

Кровь прилила к моей голове, потому что я вишу кверху ногами. Я тяну себя в одну сторону, но руки, ухватившие меня за щиколотки, тянут меня в другую. Галстук плещется и бьет меня по лицу. Пряжка моего ремня за что-то зацепилась. Пчелы, мухи и трава в дюймах от моего лица, и я кричу:

– Эй, там!

Руки, вцепившиеся в мои штаны, начинают стягивать их вместе с ремнем.

Кто-то внутри кричит:

– Прошла минута!

Ботинки спадают с моих ног.

Ремень вместе с пряжкой исчезает внутри окна.

Чьи-то руки крепко держат мои ноги. Горячее стекло окна жжет мне живот. Белая рубашка пузырем окутывает плечи и голову. Я по-прежнему цепляюсь руками за обод колеса и кричу:

– Эй, там!

Мои ноги сложены и вытянуты. Брюки кто-то стянул с меня совсем. Солнце греет мне задницу своими лучами.

Кровь стучит у меня в висках, глаза выпучены от давления, все, что я вижу – это белая рубашка, висящая колоколом вокруг моей головы. Где-то вдалеке тархтит трактор. Гудят пчелы. Где-то. На расстоянии миллиона миль. Где-то на расстоянии миллиона миль позади кто-то выкрикивает:

– Две минуты!

Чья-то рука, скользит у меня между ног.

– Не делайте ему больно, – говорит кто-то.

Руки, которые держат меня за щиколотки, находятся от меня на расстоянии миллиона миль. Представьте себе, что они находятся в конце длинной-длинной дороги. Направленная медитация.

Не надо представлять, что металлическая окантовка окна – это тонкий, острый нож, который вспарывает вам живот.

Не надо представлять, как люди в черном разводят ваши ноги в стороны.

В миллионе, квадриллионе миль от тебя грубая, теплая рука ухватывает тебя за основание корня, и что-то начинает давить все сильнее, сильнее и сильнее.

Резиновая лента.

Вы в Ирландии.

Вы в бойцовском клубе.

Вы на работе.

Вы где угодно, но не здесь.

– Три минуты!

Кто-то вдалеке кричит:

– Вы же сами говорили, мистер Дерден: «Не вставайте на пути у бойцовского клуба».

Теплая рука прикасается к тебе. За ней следует холодный кончик ножа.

Другая рука обнимает тебя за плечи.

Это – терапевтический телесный контакт.

Время объятий.

Тряпка с эфиром прижимается к твоему рту и носу.

А затем – ничего. Даже меньше, чем ничего. Забыть.

Обугленная скорлупа моего сгоревшего кондоминиума выглядит как космическое пространство, черное и пустынное, высоко над маленькими огоньками городских улиц. Окон нет, и желтая лента, которой обычно полиция ограждает сцену преступления, полощет в воздухе над пропастью высотой в пятнадцать этажей.

Я проснулся на бетонном полу. До взрыва пол был застлан кленовым паркетом. До взрыва на стенах висели картины. До взрыва тут была шведская мебель. До Тайлера.

Я одет. Я сую руку в карман и ощупываю себя.

У меня все на месте.

Испуганный, но невинный.

Подойди к краю пропасти, на дне которой на глубине пятнадцати этажей находится автомобильная стоянка, посмотри на огни города и на звезды – и ты пропал.

Им нет до нас дела.

Здесь, в безбрежной ночи между звездами и землей, я чувствую себя как одно из животных-астронавтов.

Собаки-астронавты.

Обезьянки-астронавты.

Люди-астронавты.

Делай то, чему научили. Потяни за рычаг. Нажми на кнопку. Ты все равно не понимаешь, что делаешь.

Мир сошел с ума. Нет больше у меня начальника. Нет больше у меня дома. Нет больше у меня работы. И никто кроме меня в этом не виноват.

У меня ничего не осталось.

Мой кредит в банке израсходован.

Шагни через край.

От забвения меня отделяет только полицейская лента.

Шагни через край.

Что меня держит?

Шагни через край.

Марла.

Прыгни вниз.

Марла втянута в эту историю, а она даже не совсем знает, в чем дело.

Марла любит тебя.

Она любит Тайлера.

Марла не знает о различии между мной и Тайлером.

Кто-то должен сказать ей. Уходи. Уходи. Уходи.

Спасай себя.

Ты спускаешься на лифте в холл кондоминиума, и портье, никогда не любивший тебя, озаряется улыбкой, в которой не достает трех зубов, и говорит:

– Добрый вечер, мистер Дерден. Вызвать вам такси? С вами все в порядке? Не хотите ли позвонить по телефону.

Ты звонишь Марле в отель «Регент».

Служащий говорит:

– Соединяю, мистер Дерден.

В трубке звучит голос Марлы.

Портье стоит у меня за плечом и слушает. Служащий в отеле «Регент» тоже, наверное, слушает. Ты говоришь: Марла, нам нужно поговорить.

Марла отвечает:

– Проваливай, говнюк!

Тебе угрожает опасность, говоришь ты. Ты имеешь право знать, что происходит. Надо встретиться. Поговорить.

– Где?

Там, где мы встретились в первый раз. Помнишь? Ну же, напряги мозги.

Шар белого исцеляющего света.

Дворец о семи вратах.

– Ясно, – отвечает Марла. – Могу там быть через двадцать минут.

Будь.

Ты кладешь трубку, и портье говорит:

– Я могу вызвать вам такси, мистер Дерден. Оно довезет вас бесплатно в любую точку.

Парни из бойцовского клуба следят за тобой. Нет, говоришь ты, такая славная ночь, я лучше прогуляюсь.

* * *

По субботам в подвале Первой Методистской церкви собираются больные раком кишечника. Когда ты приходишь туда, Марла уже там.

Марла Зингер затягивается сигаретой. Марла Зингер закатывает глаза. У Марлы Зингер – синяк под глазом.

Ты сидишь на ковре в стороне от круга медитирующих и пытаешься представить животное, символизирующее твою волю, а Марла косит на тебя подбитым глазом. Даже когда закроешь глаза, чтобы представить себе дворец о семи вратах, по-прежнему чувствуешь на себе взгляд Марлы. Ты общаешься с ребенком, живущим внутри каждого из нас.

А Марла смотрит.

Затем наступает время объятий.

Открой глаза.

Каждый должен выбрать себе партнера.

Марла пересекает комнату тремя быстрыми шагами и бьет меня по лицу изо всей силы.

Полностью слейтесь с партнером.

– Ты, кусок дерьма засраный, – говорит Марла.

Все вокруг смотрят только на нас.

Затем Марла начинает бить меня по очереди обеими руками.

– Ты кого-то убил, – кричит она. – Я вызвала полицию, и они будут здесь с минуты на минуту.

Я хватаю ее за руки и говорю: может быть, полиция и придет, но, скорее всего, нет.

Марла выворачивается и кричит, что полиция мчится сюда на полной скорости, чтобы посадить меня на электрический стул и изжарить меня живьем, так, чтобы глаза лопнули, или же, по меньшей мере, сделать мне укол смерти.

Наверное, похоже по ощущениям на укус пчелы.

Большая доза фенотарбиталя натрия и забываешься глубоким сном. Как в Долине Псов.

Марла говорит, что она видела, как я убил кого-то сегодня.

Если речь идет о моем начальнике, говорю я, то да, да, да, тысячу раз да. Я это знаю, и полиция это знает, и все уже ищут меня, чтобы сделать мне укол смерти, но это Тайлер, а не я, убил моего начальника.

Просто у меня с Тайлером одинаковые отпечатки пальцев, но кому это объяснишь.

– Заткнись, говнюк! – говорит Марла и показывает мне на свой подбитый глаз. – Тебе и твоим ученичкам просто нравится избивать людей. Помни, если ты еще раз тронешь меня, ты – покойник.

– Я видела, как ты застрелил человека сегодня вечером, – говорит Марла.

Нет, это же была бомба, говорю я, и взорвалась она утром. Тайлер просверлил дырку в мониторе компьютера, а затем заполнил его бензином или дымным порохом.

Все, кто на самом деле болен раком кишечника, стоят и смотрят на нас.

– Нет, – говорит Марла, – я проследила за тобой до отеля «Прессман». Ты работал там официантом на одной из этих вечеринок с трупом.

Вечеринки с трупом – это когда богачи собираются в отеле на званый ужин, во время которого разыгрывается какая-нибудь история в духе Агаты Кристи. Где-то между селедкой под шубой и седлом дикого кабана на минуту гаснет свет, и кого-то понарошку убивают. Это считается изысканным и очень веселым развлечением.

Остальную часть вечера гости напиваются, едят консоме с мадерой и пытаются догадаться, кто среди них – убийца-психопат.

Марла кричит:

– Ты убил советника мэра по переработке вторсырья!

Это Тайлер убил советника мэра по переработке чего-то там такого.

Марла кричит:

– Да у тебя даже рака-то нет!

Все случилось так быстро.

Пальцами щелкнуть не успеешь.

Все смотрят на тебя.

Я кричу: у тебя-то его тоже нет!

– Он ходит сюда уже два года, – визжит Марла, – а сам здоров как бык.

Я пытался спасти тебе жизнь.

– А кто тебе сказал, что ее стоит спасать!

Потому что ты следишь за мной. Потом что ты следила за мной сегодня вечером и видела, как Тайлер Дерден убил кого-то, а Тайлер убьет любого, кто попытается помешать «Проекту Разгром».

Все в комнате отвлеклись от своего маленького несчастья. От этого своего рака. Даже те, что уже сидят на обезболивающих, очнулись и внимательно смотрят на нас.

Я говорю им: извините. Я не хотел никому причинить вреда. Нам нужно идти. Нам нужно поговорить обо всем с глазу на глаз.

Все кричат в ответ:

– Нет! Оставайтесь! Рассказывайте дальше!

Я никого не убивал, говорю я. Я не Тайлер Дерден. Он – мое второе я, половина моего расщепленного сознания. Я спрашиваю: видел ли кто-нибудь из вас фильм «Сивилла»?

Марла спрашивает:

– Ну и кто тогда собирается убить меня?

Тайлер?

– Ты?

Нет, Тайлер, говорю я, но я с ним справлюсь. Ты просто должна держаться подальше от участников «Проекта Разгром». Тайлер мог отдать им приказ следить за тобой, чтобы похитить или еще чего-нибудь похуже.

– Почему я должна верить тебе?

Все случилось так быстро.

Я говорю: потому что, мне кажется, что ты мне нравишься.

Марла говорит:

– Нравишься? И только?

Все это звучит невыносимо сентиментально. Не требуй от меня признания в любви, говорю я.

Все вокруг улыбаются.

Мне нужно идти. Мне нужно выбраться отсюда. Я говорю ей: держись подальше от парней, выбритых налысо или с побитым лицом. Синяки под глазами. Выбитые зубы. Все такое в этом роде.

Марла спрашивает:

– А ты куда?

А я займусь Тайлером Дерденом.

28

Его звали Патрик Мэдден, и он был советником мэра по вопросам переработки вторсырья. Его звали Патрик Мэдден, и он был противником «Проекта Разгром».

Выйдя на улицу из Первой Методистской церкви, я сразу вспомнил все.

Я вспомнил все, что было известно Тайлеру.

Патрик Мэдден составлял список баров, в которых проходят собрания бойцовского клуба.

Внезапно я вспоминаю, как обращаться с кинопроектором. Как взламывать замки. Я вспомнил, что Тайлер снял дом на Бумажной улице еще до того, как он явился мне на пляже.

Я знаю даже, откуда взялся Тайлер. Тайлер любил Марлу. С первой нашей встречи часть

меня влюбилась в Марлу, и эта-то часть и стала Дерденом.

Впрочем ничего из этого не имеет значения. По крайней мере, сейчас. Но воспоминания возвращались ко мне, пока я шел от церкви к ближайшему бойцовскому клубу.

По субботним вечерам встречи бойцовского клуба проходят в подвале бара «Арсенал». Наверное, он уже значился в списке, который составлял Патрик Мэдден, бедный мертвый Патрик Мэдден...

Я захожу в бар «Арсенал» и толпа расступается передо мной, словно расстегивающаяся застежка «молния». Для всех здесь я – Тайлер Дерден, великий и ужасный. Бог и отец.

Я слышу, как вокруг все говорят:

– Добрый вечер, сэр!

– Добро пожаловать в бойцовский клуб, сэр!

– Спасибо за то, что пришли, сэр!

Мое лицо только недавно начало заживать. Дыра в щеке перестала зиять. Мои губы снова начали улыбаться своей обычной улыбкой.

Поскольку я – Тайлер Дерден, я – выше всех правил. Я вызываю на поединок всех парней в этом клубе. Пятьдесят боев. Без обуви. Голыми по пояс.

Поединок продолжается столько, сколько потребуется.

Ведь если Тайлер любит Марлу.

То и я люблю Марлу.

То, что происходит дальше, словами описать невозможно. Я хочу изгадить пляжи Франции, которых никогда не увижу. Только представь себе охоту на лосей в сырых лесах на склонах каньона вблизи от развалин Рокфеллер-центра.

В первом же бою мой противник захватывает меня в двойной нельсон и размазывает лицом, щеками, дырой в щеке по бетонному полу, пока все зубы у меня во рту не ломаются и не вонзаются своими зазубренными корнями в язык.

И теперь я уже могу вспомнить, как мертвый Патрик Мэдден лежит на полу, а рядом его крошечная жена, похожая на статуэтку девочки с шиньоном на голове, хихикая, пытается влить шампанское из бокала между мертвых губ своего мужа.

Жена сказала, что фальшивую кровь легко отличить от настоящей, поскольку она очень красная. И с этими словами она опустила два пальца в алую лужицу, а затем положила их к себе в рот.

Зубы вонзились в мой язык. Вкус крови.

Жена Патрика Мэддена ощутила вкус крови.

Я вспомнил, как стоял на краю танцевального зала с обезьянками-астронавтами, одетыми официантами, которые окружали меня, будто телохранители. Я помню Марлу в платье с темно-красными розами, которая смотрела на меня с другой стороны зала.

Во время второй схватки мой противник уперся коленом мне между лопаток. Он завернул мне руки за спину и принялся бить меня грудью о бетонный пол. Я слышал, как с одной стороны хрустнула моя ключица.

Я хотел бы раскрошить молотком на мелкие кусочки греческую коллекцию в Британском музее и подтереться Моной Лизой.

Жена Патрика Мэддена стояла, подняв два окровавленных пальца, с кровью, скопившейся между зубов во рту, и кровь ее мужа стекала по пальцам и струилась по ладони, по запястью, по алмазному браслету и капала с локтя.

– Схватка номер три. Я очнулся, и как раз настало время для схватки номер три. У пас в бойцовском клубе больше нет имен.

Твое имя не имеет значения.

Твоя фамилия не имеет значения.

Номер третий откуда-то знает, что мне нужно. Он проводит захват рукой и прижимает мою голову к груди. Темно и душно, воздуха ровно столько, чтобы не заснуть. Он удерживает голову сгибом руки, как младенца или футбольный мяч, а костяшками второй руки молотит меня по голове.

До тех пор, пока обломки моих зубов не протыкают мне щеку.

До тех пор, пока дыра в моей щеке не соединяется с уголком рта, отчего рваная, кровавая гримаса рассекает все мое лицо от носа до уха.

Номер третий лупцует меня до тех пор пока не разбивает в кровь свой кулак.

До тех пор, пока слезы не начинают струиться у меня из глаз.

Все, кого ты любил, или бросят тебя или умрут.

Все, что ты создал, будет забыто.

Все, чем ты гордился, будет со временем выброшено на помойку.

Я – Озимандия, я – мощный царь царей.

Еще один удар, мои челюсти щелкают, и откушенная половина моего языка падает на пол, где на нее кто-то наступает.

Маленькая фигурка жены Патрика Мэддена становится на колени рядом с телом своего мужа, а кругом пьяные богачи – люди, которых Мэддены считали своими друзьями, хохочут во все горло.

Она зовет его:

– Патрик?

Лужа крови становится все больше и больше, и, наконец, касается края ее юбки.

Она говорит:

– Патрик, кончай, хватит притворяться мертвым!

Кровь начинает подниматься по ткани ее юбки за счет капиллярного эффекта – все выше и выше и выше.

Вокруг меня участники «Проекта Разгром» начинают кричать.

И вслед за ними начинает кричать жена Патрика Мэддена.

А в подвале бара «Арсенал» Тайлер Дерден падает на пол теплым комком окровавленного мяса. Великий и ужасный Тайлер Дерден, который на мгновение обрел совершенство и сказал, что минутное совершенство оправдывает все усилия.

И я встаю и начинаю новый бой, потому что хочу умереть. Ведь только умирая, мы перестаем быть участниками «Проекта Разгром».

29

Тайлер вновь стоит передо мной: он как всегда красив красотой ангела-блондина.

А я – окровавленный образец биологической ткани, подсыхающий на голом матрасе в моей комнате на Бумажной улице.

Из моей комнаты исчезли все вещи.

Зеркало, на котором висела фотография моей ноги, сделанная тогда, когда у меня десять минут был рак. Хуже, чем рак. Зеркало исчезло. Дверь шифоньера открыта: шесть пар белых рубашек, черные брюки, нижнее белье, носки, туфли – все исчезло.

Тайлер командует:

– Вставай!

Под кажущейся человеку нерушимой поверхностью вещей зачастую вызревают кошмары.

Все потихоньку рассыпается.

Обезьянки-астронавты куда-то подевались.

Все перевезено в другое место: человеческий жир, спальные койки, деньги. Деньги – в первую очередь.

Тайлер говорит:

– Меньше всего мы нуждаемся в твоём мученичестве. В твоей мученической смерти.

Ты не имеешь права на печальную и трагичную смерть: твоя смерть должна быть радостной, возвышающей смертью.

Тайлер, мне так больно. Убей меня прямо сейчас.

– Вставай!

Лучше убей меня. Убей меня. Убей меня. Убей меня. Убей меня.

– Ты должен умереть величественной смертью, – говорит Тайлер. – Только представь себе: ты стоишь на вершине высочайшего здания в мире, которое захвачено участниками «Проекта Разгром». Дым валит из окон. Мебель падает на головы глазающей толпы. Опера смерти, величественное зрелище – вот что нам требуется.

Нет, говорю я. Слишком долго ты использовал меня.

– Если ты не согласишься, мы займемся Марлой.

Веди меня, говорю я.

– Тогда вылезай, сука, из этой долбаной норы, – говорит Тайлер, – и садись к нам в машину.

Вот как мы с Тайлером оказались на крыше небоскреба «Паркер-Моррис» и вот почему ствол пистолета Тайлера находится у меня во рту.

Нам осталось жить последние десять минут.

Как и небоскребу «Паркер-Моррис». Я знаю это, потому что это знает Тайлер.

* * *

Ствол пистолета утыкается мне в самые гланды. А Тайлер говорит:

– Мы умрем не на самом деле.

Я отодвигаю ствол языком, так чтобы он упирался в щеку, и говорю:

– Тайлер, что ты городишь! Мы же не вампиры!

Нам осталось жить последние восемь минут.

Пистолет – только на тот случай, если полицейские вертолеты прилетят быстрее.

С точки зрения Бога, на крыше находится один человек, засунувший ствол пистолета к себе в рот, но я-то знаю, что пистолет – в руке у Тайлера.

Возьмите одну часть 98%-ной дымящей азотной кислоты, и смешайте с тремя частями концентрированной серной кислоты.

Вы получите нитроглицерин.

Осталось семь минут.

Смешайте нитроглицерин с опилками, и вы получите отличный пластит. Некоторые предпочитают смешивать нитроглицерин с ватой и английской солью. Это тоже дает неплохой результат. А некоторые мешают нитру с парафином. Но при этом получается ненадежная взрывчатка.

Четыре минуты.

Мы стоим на краю крыши, я и Тайлер, и ствол пистолета у меня во рту. Хотелось бы знать, насколько он чистый.

Три минуты.

И вдруг я слышу чей-то крик.

Я вижу Марлу, которая с криком «Постой!» бежит ко мне по крыше.

Марла видит только меня, она не видит Тайлера, потому что Тайлер – это моя галлюцинация, а не ее. Пшик. Тайлер испарился как иллюзионист. И на крыше остался только я, засунувший ствол пистолета себе в рот.

– Мы следили за тобой, – кричит Марла. – Я и весь народ из групп поддержки. Не надо делать этого. Убери пистолет.

У нее за спиной – все, кто ходят в группу для больных раком кишечника, и паразиты мозга, и те, кто с меланомой, и туберкулезники. Они хромают, ковыляют, едут в инвалидных колясках следом за ней.

Они кричат:

– Постой!

Холодный ветер приносит мне их голоса; они кричат:

– Остановись!

– Мы можем помочь тебе!

– Позволь нам помочь тебе!

В небе уже слышен стрекот полицейских вертолетов.

Я кричу: прочь! Уходите отсюда! Здание вот-вот взорвется!

Я не себя хочу убить, кричу я. Я хочу убить Тайлера.

Я – Железная Решимость Джо.

Я помню все.

– Не могу назвать это любовью, – кричит Марла, – но ты мне тоже нравишься.

Осталась одна минута.

Марле нравится Тайлер.

– Нет, мне нравишься ты, – кричит Марла. – Я знаю, в чем различие между тобой и мной.

Ноль минут.

Но взрыва нет.

Уткнув ствол ружья в свою здоровую щеку, я говорю: Тайлер, так ты все-таки смешал нитру с парафином, верно?

Но при этом же получается ненадежная взрывчатка!

Мне ничего не остается.

Полицейские вертолеты все ближе и ближе.

Я нажимаю на спусковой крючок.

30

В доме моего отца много покоев.

Разумеется, когда я нажал на спусковой крючок, я умер.

Лжец.

И Тайлер тоже умер.

Когда полицейские вертолеты закружили над крышей, а Марла и все люди из групп поддержки, которые не могли спасти самих себя, пытались спасти меня, мне ничего не оставалось, как нажать на спусковой крючок.

Это все же лучше, чем нормальная жизнь.

Совершенство не может длиться вечно.

Симулянт.

На небесах очень тихо, потому что все ходят в тапочках на мягкой подошве.

На небесах я не страдаю бессонницей.

Люди пишут мне письма, люди меня помнят. Для них я – герой. Скоро я поправлюсь.

Ангелы здесь – точь-в-точь как в Ветхом Завете. Они делятся на легионы, у них есть свое начальство, и они работают посменно. Порядок, как на кладбище. Еду тебе приносят на подносе вместе с тарелочкой, на которой лежат таблетки. Как в «Долине Кукол».

Я повстречался с Богом. Он сидел за просторным ореховым столом, а за спиной у него висели все его дипломы. Бог спросил меня:

– Зачем?

Зачем я причинил столько боли?

Неужели я не понимал, что каждый из нас обладает уникальностью и красотой снежинки?

Неужели я не знал, что все мы – проявления высшей любви?

Я смотрел на Бога, который, сидя за столом, что-то черкал в своем блокнотике, и думал, что Бог тоже ошибается.

Мы не уникальны.

Но мы и не просто разлагающаяся органическая материя.

Мы существуем.

Просто существуем, и с нами происходит то, что происходит.

И Бог сказал мне:

– Нет, это не так.

Как вам угодно. Ладно. Пусть будет так. Богу всего не объяснишь.

Бог спрашивает меня, что я помню.

А я все помню.

Пуля из пистолета Тайлера разорвала мою вторую щеку, так что ухмылка у меня стала уже от уха до уха. Как у злобной тыквы на Хэллоуин. Как у японского демона. Как у Скупого Дракона.

Марла осталась жить на Земле, она пишет мне оттуда письма. Когда-нибудь, пишет она, я смогу вернуться обратно.

И если бы на небесах был телефон, я бы позвонил Марле отсюда, и когда бы она сняла трубку, я не стал бы молчать.

Я бы сказал:

– Привет. Как дела? Расскажи мне все подробно.

Но я и сам не хочу обратно. Пока.

И вот почему.

Потому что время от времени у ангела, который приносит мне еду и таблетки, подбит глаз или свернут на сторону заштопанный подбородок, и он говорит мне:

– Нам вас не хватает, мистер Дерден.

Или же кто-нибудь со шваброй в руках, проходя мимо, бросает мне шепотом:

– Все идет по плану. Он шепчет:

– Мы должны уничтожить цивилизацию, чтобы сделать из нее что-нибудь более приличное.

Он шепчет:

– Мы с нетерпением ожидаем вашего возвращения.

Примечания

la petite mort (фр.) – «маленькая смерть», оргазм

Эйр Харбор – аэропорт Миннеаполиса

О'Хара – международный аэропорт Чикаго

Ла Гардия – аэропорт Нью-Йорка (внутренние линии)

Логан – аэропорт Бостона

Даллс – международный аэропорт Вашингтона DC

Лав Фильд – аэропорт Далласа – Форт-Уорта

Си Так – аэропорт Сиэтла (внутренние линии)

Уиллоу Ран – аэропорт Детройта

Монтгомери Фильд – аэропорт Сан-Диего

Мейгз Фильд – аэропорт Чикаго (внутренние линии)

Боинг Фильд – международный аэропорт Сиэтла

«Ньюрунда» – известная шведская дизайнерская фирма

Эрика Пеккари – известный финский дизайнер, работающий в Швеции

Томас Харил – современный шведский дизайнер

«Эллери Квин» – популярный американский альманах таинственных историй

камень Бларни – камень в замке Бларни под городом Корком; по преданию поцеловавший его обретает дар красноречия

«Boscone dolce» – итальянское шоколадное пирожное с меренгами

вишисуаз – холодный картофельный суп-пюре на молочной основе

гаспачо – холодный испанский томатный суп

«Дорогой Эбби» – американское агентство семейных консультаций и издаваемый им журнал

Скай Харбор – аэропорт города Феникс, штат Аризона

nouvelle cuisine (фр.) – кухня в новом стиле

bon appetit (фр.) – приятного аппетита

«**Я Озимандия, я – мощный царь царей**» – строка из стихотворения П.Б.Шелли «Озимандия» (пер. К.Бальмонта)